ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донато Карризи

Девушка в тумане

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ! Новая книга от автора остросюжетного романа «Потерянные девушки Рима».

В октябре 2017 года в международный прокат вышел фильм «ДЕВУШКА В ТУМАНЕ»

В главных ролях — Жан Рено, Тони Сервилло, Алессио Бони, Грета Скакки и другие.
Режиссерское кресло занимает сам Донато Карризи.

Annotation

Затерянный в Альпах сонный городок, рождественский вечер, туман. От дома, где сияют огни елки и лежат подарки, до празднично украшенной местной церкви всего триста метров, но в церкви юная Анна Лу так и не появилась… Вездесущие журналисты, фоторепортеры и телевизионщики осаждают городок. Каждый из них жаждет первым сообщить сенсационные новости о ходе расследования. Этим мастерски пользуется спецагент Фогель, привлекая внимание к собственной персоне. Но что на самом деле случилось с тихой рыжеволосой девушкой и при чем здесь бродячий кот?.. Донато Карризи в своем новом триллере «Девушка в тумане» трактует расхожий сюжет с бесследным исчезновением в своем фирменном парадоксальном стиле. Впервые на русском!

- Донато Карризи
  -
  -
  - 23 февраля
  - 25 декабря
  - 26 декабря
  - 27 декабря
  - 30 декабря
  - 31 декабря
  - 1 января
  - 23 февраля
  - 22 декабря
  - 23 декабря
  - 25 декабря
  - 27 декабря
  - 31 декабря
  - 3 января
  - 5 января
  - 6 января
  - 9 января
  - 10 января
  - 11 января
  - 16 января

    - 23 февраля
    - 17 января
    - 21 января
    - 22 января
    - 23 февраля
    - 31 января
    - 22 февраля
    - 23 декабря
    - 23 февраля
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Донато Карризи
Девушка в тумане

Donato Carrisi
LA RAGAZZA NELLA NEBBIA
Copyright © Longanesi & C., 2015 – Milano
All rights reserved

© О. Егорова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Посвящается Антонио,
моему сыну, который для меня – всё

23 февраля
Шестьдесят два дня после исчезновения

Ночь, когда все навсегда изменилось, началась с телефонного звонка.

Телефон зазвонил в двадцать два двадцать. Был вечер понедельника, на улице стоял мороз минус восемь, и все тонуло в ледяном тумане. В этот час Флорес лежал в теплой постели под боком у жены и с удовольствием смотрел по телевизору черно-белый фильм про гангстеров. София уже давно заснула, и телефонные звонки ее не тревожили. Она даже не заметила, что муж встал и начал одеваться.

Флорес натянул теплые стеганые брюки, водолазку и плотную зимнюю куртку, чтобы уберечься от проклятого тумана, который стер все очертания, и поспешил в скромную больницу Авешота, где сорок лет из своих шестидесяти двух проработал психиатром. За все время редко случалось, чтобы кто-то поднимал его с постели по срочному вызову, и уж тем более полиция. В маленьком городке в Альпах, где он родился и прожил всю жизнь, после заката, как правило, ничего особенного не случалось. Казалось, в этих краях даже криминальные элементы придерживались размеренного ритма жизни, который диктовал им, что по вечерам положено сидеть дома. И Флорес ломал себе голову, кому он понадобился в столь необычное время.

Единственная информация, которую ему сообщили по телефону, касалась задержания какого-то человека в связи с ДТП. И больше ничего.

Ближе к вечеру снег прекратился, но стало гораздо холоднее. Флорес вышел из дому, и его со всех сторон окружила какая-то неестественная тишина. Все вокруг застыло в неподвижности. Казалось, даже время остановилось. По телу пробежала дрожь, ничего общего не имевшая с уличным холодом: она шла изнутри. Он завел старенький «ситроен» и подождал, пока не разогреется дизель и можно будет тронуться с места. Звук мотора был ему просто необходим, чтобы разорвать эту давящую тишину.

Асфальт покрылся ледяной коркой, но не по этой причине Флорес двигался не быстрее двадцати километров в час, крепко вцепившись в руль и наклонившись вперед почти к самому ветровому стеклу, чтобы хоть как-то различать контуры проезжей части. Виной всему был туман. По счастью,

он настолько хорошо знал эту дорогу, что мозг опережал глаза, подсказывая, куда ехать.

Поднявшись вверх до перекрестка, он поехал по направлению к центру и только тогда начал что-то различать в сплошном «молоке». У него возникло ощущение, что все перед ним как-то замедлилось, как во сне. Вдалеке из белой мглы показались мигающие огни. Казалось, они движутся ему навстречу, но на самом деле это он к ним подъезжал. Из тумана возникла фигура человека. Подъехав еще ближе, Флорес понял, что это полицейский, которого выставили на дороге, чтобы он предупреждал проезжающие машины ехать осторожно. Психиатр проехал мимо него, и они обменялись беглыми приветствиями. За спиной полицейского обозначилась патрульная машина, мигающая сигнальными огнями, а из кювета светили задние габариты лежащего там темного лимузина.

Вскоре Флорес въехал в пустынный центр городка.

Уличные фонари, как миражи, выплывали из мглы. Он добрался до окраины и оказался у цели. Маленькая больница пребывала в состоянии какого-то странного брожения. Едва Флорес переступил порог, ему навстречу шагнули лейтенант местной полиции и Ребекка Майер, прокурор, – в последнее время эта молодая женщина заставила высоко себя оценить. Она выглядела озабоченной. Пока Флорес снимал куртку, она информировала его о нежданном ночном госте, произнеся только:

– Фогель.

Услышав это имя, Флорес понял, почему подняли такую тревогу. Настала ночь, которая изменит все и навсегда, но он пока еще этого не знал. Потому и не мог взять в толк, какова его роль в этом деле.

– Что в точности от меня требуется? – спросил он.

– Врачи неотложной помощи говорят, что он в порядке. Но, похоже, он находится в состоянии спутанного сознания. Возможно, это расстройство психики из-за шока от аварии.

– Но вы в этом не уверены, так? – Флорес попал в точку, но Майер не ответила. – Он в состоянии кататонии?

– Нет, он на все реагирует после стимуляции. Но у него резкие перепады настроения.

– И он не помнит, что произошло, – сказал Флорес, завершая анамнез.

– Саму аварию он помнит. Но нас интересует, что именно ей предшествовало. Нам обязательно надо знать, что случилось в этот вечер.

– Значит, по-вашему, он притворяется, – заключил психиатр.

– Боюсь, что да. И здесь в игру должны войти вы, доктор.

– Чего вы от меня ждете, госпожа прокурор?

– У нас нет достаточных оснований, чтобы предъявить ему обвинение, и он это знает. Вы должны сказать мне, в состоянии ли он что-либо понимать и действовать осознанно.

– А если да, что его ожидает?

– Я смогу предъявить ему обвинение и допросить его официально, не опасаясь, что потом какой-нибудь адвокат выразит протест, пользуясь глупой придиркой.

– Но… Вы же сами мне сказали, что авария обошлась без жертв. О каком обвинении тогда идет речь, простите?

Майер ответила, выдержав паузу:

– Вы это поймете, когда его увидите.

Его поместили в амбулаторию. Открыв дверь, Флорес увидел человека, сидящего на одном из маленьких кресел перед столом, заваленным бумагами. На нем было темное кашемировое пальто, сидел он сгорбившись и, казалось, даже не заметил, что кто-то вошел.

Флорес повесил куртку на вешалку и потер закоченевшие руки.

– Добрый вечер, – сказал он, подходя к калориферу удостовериться, что тот включен.

На самом деле это был всего лишь предлог, чтобы занять позицию напротив человека и точно определить его состояние, а прежде всего – понять, что же имела в виду Майер.

Под пальто на Фогеле был вполне элегантный темный костюм с дымчато-голубым галстуком с растительным орнаментом, из кармана пиджака выглядывал желтый платок, манжеты белой рубашки украшали золотые овальные запонки. Единственно, что костюм был помят, словно его носили, не снимая, целую неделю.

Не отвечая на приветствие, Фогель на миг поднял на врача глаза. А потом снова уставился на сложенные на животе руки.

Психиатр спросил себя, что за странный вираж судьбы вновь усадил их друг напротив друга.

– И давно вы здесь? – начал он.

– А вы?

Его визави сохранял серьезность, а Флорес рассмеялся удачной шутке.

– Да без малого сорок лет, – ответил он.

Со временем амбулатория разжилась мебелью и всякими причиндалами и теперь выглядела тесной. Психиатр отдавал себе отчет, что постороннему взгляду вся эта мешанина может показаться несуразной.

– Видите вон тот старый диван? Он достался мне в наследство от

предшественника, а вот стол я выбирал сам.

На столе стояли фотографии родных Флореса в рамках.

Фогель взял одну из них и теперь разглядывал, держа в руках. На ней Флорес и все его многочисленное семейство были сняты летом в саду за барбекю.

– Прекрасная семья, – бегло заметил Фогель.

– Трое сыновей и одиннадцать внуков.

Флорес очень любил эту фотографию.

Фогель поставил фото на место и принялся оглядываться вокруг. На стенах, кроме диплома, похвальных и благодарственных грамот и рисунков, подаренных внуками, красовались трофеи, которыми Флорес особенно гордился.

Он занимался спортивной рыбалкой, и на стенах образовалась целая выставка чучел особенно интересных рыб.

– Когда есть возможность, я все бросаю и отправляюсь на какое-нибудь озеро или на горную речку, – сказал Флорес, – и таким образом вхожу в согласие с мирозданием.

В углу стоял шкаф, где разместились удочки, крючки, блесны, лески и все, что необходимо для рыбалки. Со временем комната совсем перестала походить на амбулаторию. Это была его нора, его личное пространство, и ему становилось грустно при мысли о том, что через несколько месяцев он выйдет на пенсию и придется очистить территорию и вывезти все свои вещи.

Эти стены могли бы поведать столько историй, а теперь к ним присоединится еще и история о нежданном визите поздним вечером.

– Все еще не могу поверить, что вы здесь, – слегка смущенно заметил психиатр. – Мы с женой столько раз видели вас по телевизору. Вы ведь знаменитость.

Его собеседник вяло кивнул. Либо он действительно впал в состояние спутанного сознания, либо был превосходным актером.

– Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

– Я в порядке, – подтвердил Фогель еле слышно.

Флорес отошел от калорифера и уселся за стол в кресло, которое за все эти годы приобрело форму его тела.

– Знаете что, а вы ведь везунчик. Я только что проезжал мимо места аварии: слава богу, что она произошла с правильной стороны дороги. Кювет, конечно, глубокий, но с другой-то стороны обрыв.

– Туман, – заметил гость.

– Да уж… – согласился Флорес. – Такой морозный туман увидишь

нечасто. Я добирался минут двадцать, хотя обычно хватает десяти.

Он положил руки на подлокотники кресла и откинулся на спинку.

– Мы ведь еще не представились друг другу. Я доктор Августе Флорес. Скажите, а мне как вас называть? Спецагент[1] или господин Фогель?

Тот на секунду задумался.

– Решайте сами.

– Я полагаю, что полицейский не теряет званий и регалий, даже когда перестает заниматься своим ремеслом. А потому для меня вы остаетесь спецагентом Фогелем.

– Ну, если вы так предпочитаете…

В мозгу Флореса теснились десятки вопросов, но он знал, что надо выбрать те единственно правильные, с которых можно начать.

– Сказать по правде, я не ожидал еще раз увидеть вас в наших краях. Я думал, что после всего, что произошло, вы спустились вниз, в город. Почему вы вернулись?

Спецагент Фогель медленно провел руками по брюкам, словно отряхивая несуществующую пыль.

– Не знаю…

Больше он ничего не прибавил, и Флорес ограничился кивком.

– Понимаю. Вы приехали один?

– Да, – ответил Фогель, и по его тону можно было догадаться, что ему непонятен смысл вопроса. – Да, я один.

– Может быть, ваш приезд как-то связан с историей пропавшей девочки? – попытался расшевелить его Флорес. – Хотя, насколько я помню, у вас больше нет полномочий в этом деле.

Эти слова, видимо, что-то пробудили в его собеседнике, и он резким движением выпрямился в кресле. Флоресу это показалось проявлением оскорбленной гордости.

– Можно узнать, на каком основании меня задержали? – сухо бросил Фогель. – Что от меня нужно полиции? Почему я не могу уехать?

Флорес постарался призвать на помощь все свое легендарное терпение, уже вошедшее в пословицу.

– Спецагент Фогель, нынче вечером вы попали в аварию.

– Я тоже это знаю, – сердито отозвался тот.

– И вы ехали один? Это точно?

– Я только что вам сказал.

Флорес выдвинул один из ящиков стола, достал маленькое зеркало и поставил его перед Фогелем, который, похоже, не обратил на это никакого внимания.

– И никаких последствий. Вы не пострадали.

– Сколько раз вам можно повторять, что я прекрасно себя чувствую?

Психиатр подался к нему всем телом:

– Тогда объясните, пожалуйста, одну вещь… Если вы целы и невредимы, то кому принадлежит кровь на вашей одежде?

Фогель вдруг не нашелся что ответить. Весь его гнев тут же испарился, а глаза заглянули в зеркало, которое поставил перед ним Флорес.

И только теперь он их увидел.

Маленькие капельки крови на манжетах белой рубашки. Два пятна побольше на животе. И еще несколько пятен потемнее, которые сливались по цвету с костюмом и пальто, но были более густой консистенции, и их окружали более светлые разводы. Спецагент словно увидел их впервые, хотя в глубине души отдавал себе отчет в их существовании, Флорес это понял сразу. Фогель не выказал удивления и не принялся утверждать, что не знает, откуда они взялись.

В его глазах появился какой-то новый свет, и спутанное состояние сознания стало рассеиваться, как рассеивается туман. А густой белый туман за окном оставался все тем же.

Ночь, изменившая все и навсегда, потихоньку начиналась. Фогель абсолютно ясным взглядом посмотрел Флоресу прямо в глаза.

– Вы правы, – сказал он. – Думаю, следует дать объяснение.

25 декабря
Два дня после исчезновения

Еловый лес решительно устремлялся вниз с горных склонов, словно деревья получили приказ срочно занять долину. Долина была длинная и узкая, как старый шрам, а в середине текла река с ярко-зеленой водой, менявшей цвет от нежно-зеленого до ядовито-болотного.

Авешот, альпийское местечко в нескольких километрах от границы, располагался как раз в центре этой декорации. Дома с покатыми крышами, церковь с колокольней, муниципалитет, полицейское отделение, маленькая больница. Школьный комплекс, несколько баров и каток.

Леса, горная долина, река, поселок. И чудовищного вида здание горнопромышленного управления, чужеродное пятно, никак не вяжущееся ни с прошлым этих мест, ни с их природой.

Неподалеку от центра, у шоссе, располагался небольшой ресторанчик.

Из его окон были видны дорога и бензоколонка, а неподалеку ярко светилась надпись: *«Счастливых праздников!»* – предназначенная для проезжавших мимо автомобилей. На той стороне вывески, что была обращена к поселку, буквы шли в обратном направлении, и в результате получались какие-то загадочные иероглифы.

В ресторане было три десятка столиков из голубого пластика, некоторые стояли в сторонке у стены. Все были готовы и сервированы, но занят всего один, в центре.

За этим столиком в одиночестве поглощал завтрак спецагент Фогель. Завтрак состоял из яиц и копченого куриного филе. На Фогеле был темно-серый костюм с мутно-зеленым жилетом и темно-синим галстуком. Кашемировое пальто он не снял, даже садясь за стол. Он сидел, выпрямившись и устремив глаза в черную записную книжку, куда вносил какие-то заметки изящной серебряной авторучкой. Время от времени он клал ручку на стол, чтобы взять вилку и отправить в рот очередной кусок. Каждое его движение было тщательно выверено, сообразуясь с каким-то внутренним ритмом.

Хозяин ресторана, старик в засаленном фартуке и красной клетчатой рубахе с закатанными до локтя рукавами, выбрался из-за стойки, чтобы принести свежесваренный кофе.

– Ну, вы подумайте только, я ведь сегодня вообще не собирался

открываться. Мне говорили: «Ну кто поедет сюда в утро Рождества?» А ведь еще несколько лет назад здесь было полно туристов, семей с ребятишками… А как нашли это светящееся дерьмо, все сразу переменилось.

Он произнес эту фразу так, словно оплакивал далекие счастливые времена, которые никогда уже не вернутся.

До последних лет жизнь в Авешоте шла спокойно и безмятежно. Жители пробавлялись мелкими ремеслами и туризмом. Но в один прекрасный день здесь появился какой-то чужак и заявил, что в недрах гор может скрываться месторождение флюорита – плавикового шпата.

«А ведь верно, старик прав, – подумал Фогель, – с той поры все переменилось». Пришла международная компания и скупила все концессии в районе месторождения, щедро заплатив владельцам. Многие за одну ночь стали богачами. А те, кому не повезло владеть земельными участками в этих местах, обеднели, поскольку сюда перестали приезжать туристы.

– Может, и мне надо было решиться продать заведение и уехать, – продолжил старик, качая головой и наливая Фогелю кофе, хотя тот его и не заказывал.

Когда я увидел, как вы входите, я сперва решил, что вы один из тех торговцев, что то и дело пытаются всучить свой грошовый товар… А потом я понял. Вы ведь здесь из-за той девочки, верно?

И он мотнул головой в сторону листка, приклеенного к стене рядом со входом. Там, улыбаясь, с фотографии глядела рыженькая девочка с веснушками. И имя: Анна Лу, а под ним надпись: «Может, ты меня видел?» – номер телефона и несколько строчек текста.

Фогель заметил, что старик норовит заглянуть в его черную записную книжку, и прикрыл ее рукой. Положив вилку на тарелку, он спросил:

– Вы ее знаете?

– Я знаю всю семью. Замечательные люди.

Старик вытащил из-под столика стул и уселся напротив Фогеля:

– Как вы думаете, что с ней стряслось?

Фогель оперся подбородком на сложенные руки. Сколько же раз ему задавали этот вопрос… Один и тот же вопрос. Такие вопросы задают, изо всех сил стараясь проявить сочувствие, но в конечном итоге за ними стоит всего лишь любопытство. Болезненное, мохнатое, безжалостное любопытство.

– Двадцать четыре, – сказал он.

Хозяин ресторана явно не понял ответа, но Фогель пресек попытку попросить разъяснений:

– В среднем сбежавшие из дома подростки выдерживают с выключенными мобильниками двадцать четыре часа. Потом они, хочешь не хочешь, вынуждены позвонить друзьям и поинтересоваться, говорят ли про них в Интернете, и таким образом себя обнаруживают. Большинство возвращаются домой примерно через сорок восемь часов. Если не происходит никаких опасных встреч или событий, то можно утверждать, что к концу второго дня после исчезновения есть реальная вероятность, что все кончится благополучно.

Хозяин ресторана на миг смутился:

– А что происходит потом?

– А потом обычно вызывают меня.

Спецагент встал, порылся в кармане и положил на стол банкноту в двадцать евро, плату за завтрак. Потом направился к выходу, но у порога остановился и обернулся к старику:

– Послушайте меня: не продавайте ресторан. Скоро здесь снова будет полно народу.

На улице стоял холод, но небо было чистое, и светило яркое зимнее солнце. По шоссе то и дело проносились грузовики, и полы пальто Фогеля шевелило ветром. Спецагент неподвижно стоял на площадке перед рестораном у бензоколонки, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то вверх.

Тут у него за спиной появился голубоглазый парень лет тридцати, тоже в костюме, при галстуке и в пальто, только не в кашемировом. Его светлые волосы были разделены пробором.

– Здравствуйте, – сказал он, но его приветствие осталось без ответа. – Я агент Борги, – продолжал парень, – мне велели вас встретить.

Фогель не удостоил его вниманием, по-прежнему глядя в небо.

– Брифинг начнется через полчаса. Как вы и хотели, все в сборе.

Борги подался вперед и понял, что старший по званию рассматривает что-то над площадкой возле счетчика бензоколонки. Там виднелась камера слежения, направленная на шоссе.

Фогель наконец-то повернулся к парню:

– Это единственная дорога в долину?

Борги ответил почти сразу:

– Да, синьор Фогель. По-другому в долину ни въехать, ни выехать: шоссе пересекает ее из конца в конец.

– Прекрасно, – сказал Фогель. – Тогда отвезите меня на тот конец.

Спецагент быстрым шагом направился к темному автомобилю, на

котором приехал Борги. Тот, секунду поколебавшись, пошел за ним.

Несколько минут спустя они уже въезжали на мост, который, изогнувшись над рекой, вел в долину. Молодой полицейский дожидался на обочине у машины, а Фогель, встав посреди шоссе, снова занялся изучением камеры слежения. На этот раз она была закреплена на шесте сбоку от дорожного полотна. Проезжающие мимо машины возмущенно гудели, но Фогель, не отвлекаясь, бесстрашно делал свое дело. Как бы то ни было, для Борги такой поворот событий был не только непонятен, но и представлял собой некоторый парадокс.

Вдоволь насмотревшись на камеру, спецагент вернулся к автомобилю.

– Давайте заедем к родителям девочки, – сказал он и, не дожидаясь ответа, залез в машину.

Борги посмотрел на часы и покорно сел за руль.

– С Анной Лу у нас не было проблем, – уверенно заявила Мария Кастнер, мать девочки.

От этой маленькой хрупкой женщины исходила недюжинная сила. Когда полицейские зашли в двухэтажный дом, где обитала семья девочки, Мария Кастнер сидела на диване рядом с мужем. Оба были еще в пижамах и в домашних халатах и держались за руки.

В доме стоял сладковатый запах готовящейся на кухне еды и дезодоранта для помещений, а Фогель этого запаха не выносил. Спецагент уселся в кресло, Борги устроился в сторонке на стуле.

От супружеской пары их отделял столик с двумя чашками кофе, к которым никто так и не притронулся, и они быстро остывали.

В комнате стояла украшенная елка, а под ней двое близнецов лет семи играли с только что распечатанными подарками.

Один пакет с красивым красным бантом остался лежать под елкой.

Женщина на миг перехватила взгляд Фогеля.

– Мы хотели, чтобы дети все-таки отпраздновали Рождество. К тому же это их немного отвлекло от создавшейся ситуации, – словно оправдываясь, произнесла она.

«Ситуация» заключалась в том, что их старшая дочь, шестнадцати лет, пропала уже почти два дня назад. Она вышла из дому около пяти вечера, чтобы не опоздать на встречу в церкви, что находилась в трехстах метрах от дома.

В церкви она так и не появилась.

Анна Лу прошла через жилой квартал с одинаковыми домами – небольшими виллами на одну семью, окруженными садиками, – где все

друг друга знали.

Но никто ничего не видел и не слышал.

Тревогу подняли около семи вечера, когда она не вернулась домой. Мать несколько раз пыталась до нее дозвониться, но мобильник девочки оказался выключен. За эти два долгих часа с ней могло случиться все, что угодно. Ее искали весь вечер, но потом здравый смысл подсказал, что надо подождать до утра и продолжить поиски, когда рассветет. К тому же полиция не располагала ресурсами для тщательного осмотра территории.

Относительно причины исчезновения пока не было ни одной гипотезы.

Фогель молча разглядывал родителей девочки, у которых от ночей, проведенных без сна, запали глаза. Пройдет еще несколько недель, и бессонница и нервное истощение их быстро состарят, но сейчас для них все только начиналось.

– Наша девочка всегда была ответственным ребенком, с самого детства, – говорила мать. – Ну, как бы это сказать… Нам никогда не приходилось ею заниматься, она выросла сама по себе. Она помогает по дому, возится с братьями. Учителя в школе ею довольны. Недавно ей поручили в общине обучать детей катехизису.

Жилище Кастнеров выглядело очень скромно. Войдя, Фогель сразу заметил, что здесь много предметов, свидетельствующих о глубокой вере. По стенам развешены изображения святых и сцены из Библии и Евангелия, и повсюду – в картинах, в пластиковых и гипсовых статуэтках – царил Иисус, однако изображений Девы Марии тоже хватало. Словом, дом представлял собой настоящий католический калейдоскоп, а над телевизором висело распятие.

На стенах попадались и семейные фото, и со многих смотрела рыжеволосая девочка с веснушками. Анна Лу была точной копией отца.

На всех фотографиях она улыбалась. В день первого причастия, в горах с братьями, на катке с коньками через плечо, с гордостью подняв вверх медаль за победу в соревнованиях.

Фогель знал, что и эта комната, и эти стены, да и весь дом уже не будут прежними. Они наполнены воспоминаниями, которые очень быстро начнут причинять боль.

– Пока наша девочка не вернется домой, мы не станем разбирать елку, – сказала Мария Кастнер почти с гордостью. – Она будет зажжена, чтобы ее хорошо было видно из окна.

Фогель подумал об абсурдности этой затеи. Пройдут месяцы, а рождественская елка все будет указывать путь домой той, которая, быть

может, никогда уже не вернется. Риск именно такого поворота событий был очень велик, вот только родители Анны Лу пока не отдавали себе в этом отчета. И праздничный свет елочных гирлянд станет знаком, напоминающим всем о том, какая драма разыгралась в этом доме. И родственники, и просто прохожие уже не смогут не обращать внимания на елку. Более того, со временем она начнет всех раздражать. Проходя мимо дома Кастнеров, все будут переходить на другую сторону, чтобы не видеть этого света. Елка только отдалит Кастнеров от соседей, и они станут еще более одинокими. Ибо, чтобы жить дальше и идти своей дорогой по жизни, надо платить пошлину: научиться отстраняться, стать безучастными, припомнилось Фогелю.

– Говорят, в шестнадцать лет случается, что дети бунтуют и совершают немыслимые поступки, и это считается нормальным, – снова заговорила Мария и покачала головой, – но все это не относится к моей девочке.

Фогель кивнул. Не имея тому никаких доказательств, он был с ней согласен. Он не просто проникся мыслями и чувствами матери, которая, прежде всего, хотела утвердиться в материнской роли и клялась в душевной чистоте и неподкупности своей дочери. Спецагент действительно был уверен, что она абсолютно права. Эту уверенность вселяло девичье личико, с улыбкой глядевшее на него со стен. Было в этом лице что-то по-детски простое и искреннее, и сама собой приходила мысль, что девочка явно исчезла не по своей воле. Скорее всего, к ней применили силу.

– Мы с ней были близки, она очень похожа на меня. Вот это она сделала специально для меня и подарила мне неделю тому назад.

Мария протянула полицейскому руку, на которой красовался браслет из разноцветных бусинок.

– В последнее время она очень этим увлеклась и дарила браслеты всем, кого любила.

Фогель отметил, что она рассказывает о мелких и, в сущности, бесполезных для следствия деталях и ни ее голос, ни взгляд не выдают ни малейшего волнения. И он понял, что за этим стоит. Женщина была убеждена, что им всем ниспослано испытание, чтобы они проявили крепость и цельность своей веры. В душе она принимала все случившееся, даже восставая против его несправедливости, в надежде на то, что кто-то там, наверху, пусть хоть сам Господь Бог, быстро найдет выход.

– Анна Лу мне доверяла, хотя мать вовсе не должна знать о ребенке абсолютно все. Вчера вечером, прибирая ее комнату, я нашла вот это…

Она на несколько мгновений оторвалась от руки мужа и протянула

Фогелю дневник в яркой обложке, который держала рядом с собой.

Спецагент перегнулся через столик и взял дневник. С обложки смотрели два пушистых котенка. Он принялся его рассеянно перелистывать.

– Там нет ничего, что могло бы предвещать беду, – сказала Мария.

Фогель закрыл дневник и вытащил из кармана пальто ручку и записную книжку в черном переплете.

– Я полагаю, вы были в курсе того, где бывает ваша дочь?

– Разумеется, – ответила Мария Кастнер с ноткой негодования в голосе.

– А в последнее время у Анны Лу не появилось никаких новых знакомых, друзей или подруг?

– Нет.

– Вы абсолютно уверены?

– Уверена. Она бы мне рассказала.

Она только что допускала, что мать не должна всего знать о своих детях, а теперь будто бы кичилась уверенностью, что дочь ей полностью доверяет.

«Это типично для родителей пропавших детей, – вспомнил Фогель. – Они искренне хотят помочь и умеют отчасти взять на себя ответственность хотя бы за недостаточное внимание к собственным детям. Но когда их действительно что-то пугает, срабатывает защитный рефлекс, и они начинают отрицать очевидные вещи. Вот и Мария Кастнер уже начала обороняться».

Однако спецагенту обо всем надо было знать как можно больше.

– Вы не замечали в последнее время в поведении дочери чего-нибудь необычного?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, ведь вы же знаете детей, правда? По самым незначительным признакам в их поведении можно догадаться о многом. Как она спала? С аппетитом ли ела? Не было ли у нее резкой смены настроения? Не стала ли она замкнутой, вспыльчивой? Словом, не появилось ли в ее поведении что-нибудь необычное?

– Она была обычной Анной Лу. Я знаю свою дочь, агент Фогель, и способна понять, когда с ней что-то не так.

Фогель выяснил, что у девочки был мобильник, но старой модели, не смартфон.

– Ваша дочь пользовалась Интернетом?

Родители переглянулись.

– Наше братство не советует пользоваться гаджетами. Интернет полон ловушек и искушений, агент Фогель. И всяческих сведений, которые могут помешать воспитанию доброго христианина, – сказала Мария. – Но мы нашей дочери ничего не запрещали, выбор был за ней.

«Ясное дело, не разрешали, – подумал Фогель. – Однако в одном она права. Из Всемирной сети часто исходит опасность. Восприимчивые подростки, такие как Анна Лу, обычно очень внушаемы. А в Интернете много охотников, которые, ловко манипулируя неокрепшими душами, могут внушить им что угодно. Постепенно разрушая все степени защиты и подрывая отношения доверия, они умудряются заменить подросткам самых близких людей и управлять ими на расстоянии, навязывая им свои поведенческие сценарии. В этом смысле Анна Лу Кастнер была прекрасной добычей. Возможно, она подчинялась воле родителей и не пользовалась Интернетом дома, но выходила в Сеть в школе или в библиотеке. Надо будет проверить и там и там». Но сейчас перед Фогелем стояла задача выяснить другие детали.

– Вы входите в число тех счастливчиков, кому повезло продать свои концессии горнодобывающей компании, это так?

Вопрос был адресован Бруно Кастнеру, но в разговор снова вступила его жена:

– Мой отец оставил нам земельный участок к северу от поселка. Но кто мог подумать, что теперь он будет стоить так дорого… Часть денег мы передали братству и смогли выплатить ипотеку за этот дом. Остальное оставили для детей.

«Должно быть, сумма оказалась немалой, – подумал Фогель. – Возможно, она обеспечит безбедное существование многим будущим поколениям Кастнеров. Они могли бы позволить себе роскошь и прикупить дом побольше и покрасивее, но решили не менять привычного уклада жизни». Спецагент не мог представить себе, как можно отказаться от неожиданно свалившегося благополучия. Однако принял это к сведению и, по-прежнему склонившись над записной книжкой, спросил:

– У вас кто-нибудь требовал денег? Я должен исключить версию вымогательства. Вам кто-нибудь угрожал? Возможно, у кого-то был мотив для зависти или злобы по отношению к вам?

Кастнеров этот вопрос, казалось, удивил.

– Нет, – сразу ответила Мария. – Мы общаемся только с членами нашего братства.

Фогель отметил для себя подтекст последней фразы: Кастнеры наивно убеждены, что в братстве нет почвы для конфликтов. Однако спецагент был

уверен, что причина кроется именно здесь. Прежде чем явиться к ним в дом, он навел о них справки и узнал очень многое об их жизни.

Общественное мнение обычно зиждется на видимости, на чисто внешних проявлениях. А потому, когда происходит нечто из ряда вон выходящее – к примеру, исчезает обычная, прекрасно воспитанная девочка из благополучной семьи, – все склонны думать, что зло явилось извне. Но такие опытные полицейские, как Фогель, обычно не спешат с выводами о внешней опасности, поскольку в огромном количестве случаев причина оказывается банальной и жестокой и кроется она в стенах дома. Ему приходилось иметь дело с отцами, которые насиловали дочерей, и с матерями, которые, вместо того чтобы вступиться за девочек, начинали видеть в них опасных соперниц. А потом бывает, что родители приходят к выводу, что ради собственного спокойствия и сохранения брака лучше будет избавиться от плоти своей. В его практике был такой случай. Мать, обнаружив, что муж посягнул на дочь, сначала покрывала его, а потом, чтобы избежать позора, своими руками убила девочку. В общем, образцы жестокости отличались причудливым разнообразием.

Кастнеры производили впечатление вполне нормальных людей.

Он занимался грузоперевозками и, несмотря на неожиданно свалившееся богатство, продолжал надрываться на работе. Она была скромной домохозяйкой и всю себя посвящала дому и детям. К тому же оба культивировали горячую и убежденную веру.

Однако не стоило ставить на этом точку.

Фогель сделал вид, что удовлетворен:

– Ну, кажется, пока все.

Затем он поднялся с кресла, и вслед за ним с готовностью вскочил Борги, который все время сидел молча.

– Спасибо за кофе и вообще, – сказал спецагент, помахав дневником Анны Лу. – Надеюсь, что дневник нам очень поможет.

Кастнеры проводили обоих полицейских до дверей. Фогель еще раз бросил взгляд на мальчиков, безмятежно игравших возле рождественской елки. Кто знает, какое воспоминание сохранят они об этом событии, когда повзрослеют. Может, их вовремя оградили от ужаса ситуации. Но пакет с красной ленточкой, предназначенный для Анны Лу, говорил, что им всегда что-то будет напоминать о трагедии, произошедшей в семье. Потому что нет ничего хуже подарка, который так и не дошел до адресата. Счастье, заключенное в нем, будет медленно разлагаться, заражая все вокруг.

В этот момент спецагент понял, что лимит молчания исчерпан, а потому повернулся к Борги:

– Подождите меня в машине, ладно?

– Хорошо, – отозвался прилежный полицейский.

Оставшись с Кастнерами, Фогель заговорил совсем другим тоном, очень заботливым, словно эта история действительно тревожила его сердце:

– Хочу быть с вами откровенным. Журналисты уже пронюхали о том, что произошло, и скоро набегут толпой… Порой им даже лучше, чем полиции, удается докопаться до каких-то деталей, и далеко не всегда то, что появляется на экранах телевизоров, имеет отношение к расследованию. Не зная, где искать, представители прессы ринутся к вам. А потому, если вам есть что сказать, ну хотя бы что-то, сейчас самое время…

Наступило молчание, которое Фогель постарался растянуть дольше чем положено. Дело сделано, договор заключен. Его совет содержал в себе предупреждение: «Я знаю, что у вас есть секреты, они есть у всех. Но ваши секреты отныне принадлежат мне».

– Хорошо, – произнес он наконец, чтобы не смутить их еще больше. – Я видел, что вы велели расклеить копии фотографии вашей дочери. Идея хорошая, но этого мало. До настоящего времени происшествием занимались местные средства массовой информации, но теперь пришло время для следующего шага. Например, было бы неплохо сделать публичное заявление. Улавливаете?

Супруги молча переглянулись. Потом мать Анны Лу шагнула вперед, сняла браслет, подаренный дочерью, и надела его Фогелю на левое запястье, словно передавая ему священные полномочия.

– Мы сделаем все необходимое, чтобы вам помочь, агент Фогель. Только верните нашу девочку.

Сидя в ожидании шефа в полицейской машине, Борги разговаривал по мобильнику.

– Не знаю, сколько еще потребуется, это он меня попросил, – объяснял он агентам, уже больше часа дожидавшимся начала намеченного брифинга. – У меня тоже семья. Успокой их и скажи, что никто не пропустит рождественский обед.

На самом деле он опасался, что погорячился, дав такое обещание, поскольку не знал, что у Фогеля на уме. Ясно было только, что дело срочное, а потому нынче утром он ограничился ролью водителя.

Накануне вечером его непосредственный начальник сообщил, что на следующее утро ему следует приехать в Авешот, чтобы подключить спецагента Фогеля к расследованию дела о пропаже девочки. Он передал

Борги тоненькую папку с досье и дал весьма странные указания: в восемь тридцать явиться в темном костюме, при пиджаке и галстуке, к ресторану на въезде в альпийский городок.

Борги был наслышан о Фогеле и его эксцентричных выходках. О нем и его расследованиях часто говорили с телеэкрана, спецагента приглашали в различные телешоу. Газеты и тележурналы оспаривали друг у друга возможность взять у него интервью. Фогель вольготно чувствовал себя перед телекамерой, как опытный актер, всегда готовый к импровизации и уверенный в успехе.

К тому же в полицейской среде о нем ходили слухи как о педанте, который признает только взаимоотношения контроля и стремится только к тому, чтобы хорошо выглядеть в кадре. Он настолько эгоцентричен, что подавляет и затеняет всех окружающих.

В последнее время несколько его расследований пошли по ложному пути. Особенно долго не сходил у всех с языка один из случаев. Кое-кто из полицейских ему сочувствовал, но Борги, может быть в силу своей наивности, полагал, что у такого следователя можно многому научиться. Он едва начал работать, и такой опыт ему бы наверняка не повредил. Вот только Фогель занимался исключительно громкими делами, преступлениями, совершенными с особой жестокостью, под воздействием эмоционального импульса. И поговаривали, что он всегда сам внимательно отбирал себе дела.

И поэтому Борги размышлял, что же такого необычного в деле об исчезновении девочки, что Фогель за него взялся. Даже если принять во внимание, что страхи родителей Анны Лу могут оказаться не напрасными и с девочкой действительно случилась беда, дело вряд ли получит широкую огласку. А Фогеля обычно интересовали только громкие дела.

– Мы очень скоро будем на месте, – заверил он собеседника, чтобы быстрее завершить разговор.

И в этот момент вдруг заметил припаркованный в конце улицы черный фургон, а в нем двоих мужчин, не сводивших глаз с дома Кастнеров.

Полицейский уже собрался выйти из машины для проверки, но тут увидел, что спецагент вышел из дома и направляется к нему. Потом Фогель неожиданно замедлил шаг и сделал нечто абсолютно несуразное.

Он принялся аплодировать.

Сначала тихо, потом все громче и громче, постоянно оглядываясь кругом. Звук быстро разнесся в морозном воздухе, и в окнах ближайших домов начали появляться лица людей. Старушка, супружеская пара с детьми, толстяк, домохозяйка с бигуди в волосах. Постепенно во всех окнах

возникли любопытные глаза. Все наблюдали за сценой, ничего не понимая.

Тогда Фогель перестал бить в ладоши.

Он в последний раз оглянулся на тех, кто наблюдал за ним, и как ни в чем не бывало пошел к машине. Борги хотел спросить у патрона, почему тот так странно себя повел, но и в этот раз Фогель заговорил первым:

– Что вы заметили сегодня в доме, агент Борги?

Молодой полицейский ответил не задумываясь:

– Муж и жена все время держали друг друга за руки, в полном единении… Но говорила только она.

Спецагент кивнул, глядя сквозь ветровое стекло:

– Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать.

Борги ничего не ответил. Он завел машину и сразу забыл и о странных аплодисментах, и о черном фургоне.

Полицейское отделение оказалось гораздо теснее и непригляднее, чем ожидал Фогель, и он запросил для расследования более подходящее место. Теперь оперативным помещением расследования дела о пропаже девочки стал школьный спортивный зал.

Маты и спортинвентарь отодвинули к стенам, волейбольную сетку сложили в углу. Кто-то принес из классов преподавательские кафедры, чтобы они служили письменными столами, кто-то разжился складными стульями из сада. Библиотека предоставила две пишущие машинки и компьютер, а вот телефон, по которому можно было связаться с внешним миром, был всего один. Под баскетбольной корзиной поставили классную доску, на которой мелом написали: «Результаты расследования». Под надписью к доске прикрепили все, что удалось до сих пор найти: фото Анны Лу, то самое, что фигурировало на листовках, расклеенных семьей, и карту долины.

Сейчас в зале гудели голоса маленькой кучки полицейских Авешота в штатском, сгрудившихся вокруг кофемашины и подноса с выпечкой. Они болтали с набитым ртом и нетерпеливо поглядывали на часы. Разобрать, о чем шла речь, было трудно, но по выражению их лиц можно было определить, что всех волнует одно.

Глухой удар обеих створок пожарного выхода, прозвучавший неожиданно, заставил всех обернуться. В зал в сопровождении Борги вошел Фогель, и гул разговоров сразу стих. Входная дверь резко захлопнулась за спиной спецагента, и теперь в зале были слышны только четкие шаги его чуть поскрипывающих кожаных ботинок.

Не поздоровавшись и никого не удостоив взглядом, Фогель подошел к

доске, стоящей под баскетбольной корзиной. Он на миг впился глазами в надпись «Результаты расследования», а потом вдруг неожиданным движением зачеркнул надпись и сорвал листок с картой.

Затем написал мелом число: 23 декабря.

И, повернувшись к маленькой аудитории, произнес:

– С момента исчезновения прошло два дня. В таких случаях время может работать как против нас, так и за. Все зависит от нас. Надо использовать его по максимуму, а для этого нам необходимо сделать первый шаг.

Последовала пауза.

– Мне нужны блокпосты на шоссе, на выходах из долины, – сказал он решительно. – Задерживать никого не надо, наша задача – подать сигнал.

Все молча слушали. Борги отошел в сторонку и наблюдал за сценой, прислонясь к стене.

– Там есть две видеокамеры: возле распределителя бензина на колонке и еще одна для слежения за транспортом на шоссе. Кто-нибудь проверил, работают они или нет? – спросил Фогель.

После нескольких секунд замешательства один из полицейских, парень с наметившимся брюшком, в клетчатой рубахе и при голубом галстуке, поднял чашку с кофе в знак того, что просит слова.

– Да, синьор. Мы изъяли все записи за время до и после исчезновения девочки.

– Хорошо, – похвалил Фогель. – Припомните всех водителей-мужчин из машин, проходивших транзитом, и выясните, с какой целью они въезжали в долину или выезжали из нее. Обратите особое внимание на людей с преступным прошлым и на тех, за кем числится какое-либо нарушение.

Со своего наблюдательного пункта Борги заметил недовольство полицейских.

В разговор вмешался агент, который был старше остальных и чувствовал за собой право на критику:

– Синьор, нас мало, у нас не хватает ресурсов, и мы не располагаем фондами для экстренных случаев.

Послышался шумок одобрения.

Фогель ничуть не смутился, оглядел импровизированные столы и прочие признаки недостатка средств, которые ему казались смехотворными. Он не мог осудить этих людей за то, что они пали духом и их одолел скепсис. Но и позволить им чувствовать себя ни при чем тоже было нельзя. И он спокойно сказал:

– Я знаю, что сейчас вам всем хочется быть дома и праздновать Рождество вместе с вашими семьями. Меня и агента Борги вы воспринимаете как чужаков, приехавших командовать. Но когда вся эта история кончится, мы с агентом Борги вернемся туда, откуда явились. А вот вам… – Он быстро оглядел их всех, одного за другим. – А вам придется каждый день встречать родителей этой девочки.

Последовало короткое молчание. Потом старый полицейский снова заговорил, на этот раз уже без прежней спеси:

– Синьор, простите за вопрос, но почему мы должны искать мужчину, если пропала девочка? Может, сосредоточиться на ней?

– Потому что кто-то ее похитил.

Как и ожидалось, эта фраза произвела эффект взорвавшейся бомбы, и все реплики стихли. Фогель оглядел лица присутствующих. Любой полицейский, наделенный здравым смыслом, с порога отмел бы такое утверждение как следственную ошибку. В пользу этой гипотезы не было ни одного доказательства, ни одного даже слабого намека. Такое обвинение ни на чем не держалось. Но Фогелю было достаточно, чтобы в их головах зародилась мысль: да, такое *возможно*. А семя *возможности* даст со временем всходы *уверенности*. Он хорошо знал, что если ему удастся убедить этих людей, то уже удастся убедить кого угодно. И все решалось здесь. Не в специально оборудованном оперативном кабинете, а в школьном физкультурном зале. И не с опытными, закаленными в полевых условиях профессионалами, а с плохо экипированными местными полицейскими, которые понятия не имели, куда дальше двигаться в таком сложном расследовании. В этот момент решалась судьба дела, а может быть, и судьба шестнадцатилетней девочки. А потому Фогель решил собрать воедино все приемы, накопленные за долгие годы, чтобы добиться успеха.

– Бесполезно ходить вокруг да около, – продолжил он. – Надо называть вещи своими именами. Потому что иначе мы зря потеряем время. Я уже говорил. И время это принадлежит Анне Лу, а не нам.

Он вытащил из кармана пальто черную записную книжку, быстрым движением открыл ее и заглянул в записи.

– Итак, около пяти вечера двадцать третьего декабря Анна Лу Кастнер отправляется в церковь, которая расположена в трехстах метрах от ее дома.

Фогель повернулся к доске и поставил на ней две точки, на расстоянии друг от друга:

– Мы знаем, что в церковь она не попадет. Но девочка не из тех, кто бегает из дому. Это говорят все, кто ее знает, и о том же свидетельствует ее

образ жизни: никакого Интернета в доме, никаких профилей в соцсетях, а в мобильнике всего пять номеров: мама, папа, бабушка с дедушкой и приходская церковь.

Он снова повернулся к доске и соединил две поставленные точки линией:

– Все ответы находятся на этих трехстах метрах. Здесь обитают еще одиннадцать семей: сорок шесть человек, и тридцать два из них в тот момент были дома… но никто ничего не видел и не слышал. Все камеры слежения направлены на дома, а не на улицу, а потому от них нет никакого толка. Как там говорится? «Каждый возделывает только свой огород».

Он положил в карман черную записную книжку.

– Похититель изучил привычки обитателей квартала и знал, как пройти незамеченным. И факт, что мы сейчас можем только предполагать, что он существует, говорит о том, что он хорошо подготовился, прежде чем начать игру… И пока он выигрывает.

Фогель положил мел, отряхнул ладони и внимательно оглядел аудиторию, пытаясь понять, удалось ли ему расшевелить их своей гипотезой. Похоже, брешь была пробита. Он заронил в них сомнение. Более того, предложил мотивацию для дальнейших действий. Теперь он может без труда ими командовать и никто больше не поставит под сомнение ни один его приказ.

– Ладно, запомните: вопрос не в том, *где* сейчас находится Анна Лу. Вопрос в том, с *кем* она находится, – заключил спецагент. – А теперь нам нужно поспешить.

Борги на голодный желудок закрылся в номере маленькой гостиницы «Альпийские цветы», который заказал с вечера, рядом с номером спецагента Фогеля. Он был уверен, что Рождество будет встречать в другом месте. Хотя отелей в здешних местах почти не осталось, в эти предрождественские дни постояльцев в гостинице не было. Все остальные заведения закрылись после того, как было найдено месторождение флюорита. В первый момент Борги спрашивал себя, почему их не приспособили для нужд работников компании, но портье ему объяснил, что рабочие все из местных, а менеджеры передвигаются на вертолетах и нигде не задерживаются надолго.

Жителей в городке было около трех тысяч человек, и половина мужского населения была занята на горнодобывающем предприятии, расположенном над долиной.

Первое, что сделал Борги, войдя в номер, он снял кожаные ботинки и

галстук. За целый день в такой одежде он замерз как собака. Обычно он надевал костюм, когда надо было выступать в суде, но носить его целый день было не в его привычках. Он подождал, когда тело привыкнет к температуре воздуха в номере, и снял пиджак, а потом и рубашку. Рубашку придется выстирать и повесить в душе, в надежде, что она до завтра высохнет. Жена забыла положить ему чистую рубашку, когда собирала чемодан. Каролина в последнее время стала очень рассеянной. Они немногим больше года как поженились, и она была на седьмом месяце.

Трудно объяснить молодой жене, ожидающей ребенка, что не сможешь провести с ней Рождество, пусть даже причина – твоя неотложная работа полицейского.

Борги замочил в раковине рубашку и набрал домашний номер. Разговор состоялся довольно короткий.

– Ну и что произошло в Авешоте? – сухо спросила она.

– На самом деле мы и сами пока не знаем.

– Тогда они могли бы дать тебе выходной.

Было ясно, что Каролина ищет ссоры. Иметь с ней дело, когда она в таком настроении, было невыносимо.

– Я ведь тебе говорил, что, если хочу получить повышение по службе, мне важно быть здесь.

Он пытался говорить примирительно, но это удавалось с трудом. И тут его привлекли голоса, идущие с экрана телевизора.

– Извини, мне надо идти, в дверь стучат, – соврал он и положил трубку раньше, чем Каролина снова принялась ныть.

Он сразу подошел к телевизору, чтобы увидеть, что показывают.

В рождественский вечер, когда все уже отпраздновали и спешили закончить длинный праздничный день, на экране телевизора появились родители Анны Лу.

Они сидели за большим прямоугольным столом, стоявшим на возвышении. Длинные зимние куртки висели на них, словно в одночасье стали велики: глубокая тоска иссушила их лица за последние часы. Вид у них был измученный, но они по-прежнему держались за руки.

Борги узнал ролик, который местный инженер снял нынче вечером под контролем Фогеля. Он тоже там присутствовал, но увидеть ту же сцену на телеэкране было как-то странно, и Борги вряд ли смог бы объяснить почему.

Бруно Кастнер показывал в объектив телекамеры фотографию дочери в рамке, сделанную во время богослужения. Девочка была в белом облачении, с надетым поверх деревянным распятием. Его жена Мария, с

тем же распятием на шее, зачитывала с экрана сообщение:

– Анна Лу имеет рост сто шестьдесят семь сантиметров, у нее длинные рыжие волосы, которые она обычно завязывает в хвост. В день исчезновения на Анне Лу был серый спортивный костюм, кроссовки, белый пуховик и яркий рюкзачок.

Переведя дыхание, Мария посмотрела прямо в камеру, словно непосредственно обращаясь ко всем родителям, кто мог ее слышать, а может, и ко всем тем, кто мог знать правду.

– Наша дочь Анна Лу – девочка мягкая и деликатная, все, кто с ней знаком, знают, какое у нее доброе сердце. Она любит кошек и доверчива к людям. А потому сегодня мы обращаемся и к тем, кто не был с ней знаком в первые шестнадцать лет ее жизни: если вы ее видели или знаете, где она, помогите нам вернуть ее домой. Анна Лу, мама, папа и твои братья любят тебя. Где бы ты ни была, я надеюсь, что наши голоса и наша любовь дойдут до тебя. Когда ты вернешься домой, мы подарим тебе котенка, которого ты так хотела, Анна Лу, я тебе обещаю… Да хранит тебя Господь, моя малышка.

Борги заметил, что она много раз повторила имя дочери, хотя в этом и не было необходимости. Может быть, она боялась утратить последнее, что осталось у нее от Анны Лу.

В этот момент простая, никому не известная девочка, которая и не помышляла когда-нибудь появиться на телеэкране, и маленькое альпийское местечко под названием Авешот стали печально знаменитыми.

И Борги понял, что за смутное чувство он испытал, когда наблюдал за знакомой сценой так, словно никогда ее не видел.

Сработал телеэффект: жесты и слова обретали совершенно новый смысл.

Когда-то телевидение предлагало вглядеться в действительность, теперь же оно запускало обратный процесс: делало действительность плотной и осязаемой. Оно ее воссоздавало.

Сам не зная почему, Борги вдруг вспомнил слова, которые произнес Фогель, когда садился в машину после странных аплодисментов перед домом Кастнеров. Слова эти относились к отцу Анны Лу: «Этот человек просто умирает от желания что-то нам рассказать».

Борги и Каролина ждали девочку. А этот человек, Бруно Кастнер, на которого упала мрачная тень Фогеля, уже целых сорок восемь часов не знал, какой конец уготован его собственной дочери. Полицейского охватила неожиданная тоска, и он в тревоге спрашивал себя, неужели мир, где должна появиться на свет его девочка, настолько жесток?

Незадолго до полуночи в доме Кастнеров воцарилась тишина. Но тишина эта не имела ничего общего с покоем, ибо только подчеркивала пустоту, что вот уже сорок восемь часов как образовалась в доме. Теперь отсутствие Анны Лу стало осязаемым. Отец уже не мог его не замечать, как умудрялся делать весь день, избегая смотреть туда, где обычно устраивалась девочка: на ее стул, на стол, на кресло, где она любила сидеть, читая книжку или смотря телевизор, да, наконец, на дверь в ее комнату. Он восполнял отсутствие ее голоса другими звуками. Например, когда боль оттого, что больше не слышно ее болтовни, смеха или мурлыканья какой-нибудь песенки, становилась нестерпимой, Бруно Кастнер принимался что-нибудь передвигать в комнатах, чтобы шум заслонил пустоту и хоть немножко отвлек его от мучительной тишины.

Доктор Флорес прописал Марии успокоительное, чтобы она спала. Убедившись, что она приняла лекарство, Бруно пошел подоткнуть одеяла близнецам и задержался на пороге детской, наблюдая за их беспокойным сном. Мальчишки стойко держались, но по тому, как беспокойно они спят, можно было понять, что их тоже накрыла тревога. Весь день они с безразличным видом задавали вопросы, довольствуясь короткими уклончивыми ответами взрослых. Но за притворным безразличием скрывался страх узнать правду, к которой семилетний ребенок еще не готов.

Бруно Кастнер и сам не знал, какая она, эта правда, знал только, что она его очень пугает.

Кастнер уселся за обеденный стол. На нем снова были пижама и домашние тапочки. После визита полицейских он оделся по-уличному, сам не зная, куда собирается идти. За рулем ему становилось легче, спасала привычка к шоферскому труду. И он часами бесцельно кружил по горным дорогам, пытаясь найти хоть какой-нибудь след Анны Лу. На самом деле он убегал от тоски и от чувства бессилия, которые наверняка испытывает любой отец, не уберегший своих детей от беды.

И теперь, под конец этого бесконечного дня, он, хотя и очень устал, не был уверен, что удастся заснуть. Он опасался тех снов, что его ожидали, а снотворное принять не мог, потому что кто-то же должен охранять и дом, и семью. Хотя, наверное, это было бесполезно: ведь зло все равно нашло лазейку. И потом, оставалась возможность, что Анна Лу вернется или позвонит и избавит их от злых чар.

Он вошел в гостиную и взял из ящика альбом с семейными фотографиями, которые Мария с любовью собирала все эти годы.

На них его девочка была запечатлена с самых детских лет.

Вот она еще ползает, вот начинает ходить, вот он учит ее кататься на велосипеде. А вот целая серия снимков важных событий: первый день рождения, первое Рождество, первый день в школе… А вот еще: рождественские праздники, конькобежные соревнования… Целый хоровод счастливых воспоминаний. Но почему – уже сама мысль об этом казалась глупой – люди не снимают на фото скверные дни? А снимали бы – не отодвинули бы их в сторону, рассуждал Бруно.

А вот фото с последнего, прошлогоднего отпуска, проведенного вместе на море. Анна Лу в купальнике выглядела смешно и немного неуклюже, и сама об этом знала. Она еще не расцвела, как большинство ее ровесниц, и выглядела совсем ребенком, с хвостом рыжих волос и веснушками. Бруно Кастнеру так хотелось, чтобы Мария поговорила с ней, объяснила бы, что это нормально, что настанет день – и ее тело волшебно и счастливо преобразится. Но для его религиозной жены темы пола и полового созревания были запретными. Сам же он не мог говорить об этом с дочерью. Потом, когда подрастут мальчики, он наверняка с ними поговорит. Но с единственной подросшей дочерью отец об этом говорить не вправе. Анна Лу смутится, вспыхнет, щеки у нее запылают… А что она сможет сделать? Только почувствовать себя еще более беззащитной и ранимой.

Его девочка, как и он сам, робела и смущалась, когда надо было как-то взаимодействовать с внешним миром. Включая и собственную семью.

Бруно так хотелось дать ей больше. К примеру, он с радостью отдал бы часть денег, вырученных от продажи участка, чтобы послать ее учиться в лучшую школу за пределы долины, а может быть, и в частный колледж. Но участок принадлежал жене, следовательно, и деньги тоже. И Мария, как обычно, все решила за всех. Он был не против отдать часть денег в пользу братства, но ему хотелось, чтобы собственные дети тоже могли распоряжаться этими деньгами, а не только рассчитывать на будущую ипотеку.

А потому Бруно Кастнер вовсе не знал, будет ли у его дочери будущее.

Он раздраженно отмахивался от этой мысли. Но желание как следует треснуть кулаком по столу его все же одолевало. Он был достаточно силен, чтобы разломать чертов стол пополам. Но сдерживался. Всю свою жизнь он только и делал, что сдерживался.

Бруно потер веки, а когда снова открыл глаза, то задержался взглядом на одной из фотографий. Снимок был сделан недавно. На нем Анна Лу улыбалась рядом с другой девушкой. И в сравнении с ней выглядела совсем ребенком, в своем спортивном костюмчике, кроссовках и с неизменным

хвостом рыжих волос. Сравнение выходило довольно-таки безжалостным. Подружка, с макияжем, одетая по моде, казалась уже взрослой женщиной. Бруно Кастнер вгляделся в обеих, ему захотелось расплакаться, но слез не было.

Во всем, что произошло, виноват он, и только он один.

Он был человек верующий, но его вера не отличалась такой крепостью, как вера Марии. Этот свой изъян он сознавал. Но если бы ему хватило силы отстоять свое мнение, Анна Лу находилась бы сейчас в безопасности в колледже или еще где-нибудь. Если бы ему хватило мужества сказать Марии все, что он о ней думал, его дочь не пропала бы.

Но он промолчал. Так поступают все грешники: они молчат и тем самым лгут.

Бруно Кастнер сам вынес себе такой приговор. Он собрал все фотографии, сложил их в альбом и приготовился встретить свою третью бессонную ночь.

На столе осталась только одна фотография, та, где Анна Лу была рядом с подругой.

Эту фотографию он положил в карман.

26 декабря
Три дня после исчезновения

Погода поменялась, похолодало, и сияющее рождественское солнце затянула густая пелена серых облаков.

Авешот лениво отсыпался после праздничных застолий. Но Фогель и Борги встали рано, чтобы с большей пользой провести день. На своем темном автомобиле они ездили по улицам местечка. Спецагент был в прекрасной форме и оделся так, словно собирался на официальную встречу: до блеска начищенные ботинки, костюм, как у принца Уэльского, белая рубашка и розовый шерстяной галстук. Борги был одет в тот же костюм, что и накануне, и у него не было возможности погладить рубашку, выстиранную в гостинице. А потому рядом с шефом он чувствовал себя не в своей тарелке. Он сосредоточенно вел машину, а Фогель тем временем оглядывался по сторонам.

На стенах домов виднелись религиозные призывы: «Я с Иисусом!», «Христос – наш путь!», «Кто идет рядом со Мной, тот спасется!». Судя по тому, что надписи были сделаны белой эмалевой краской, их писал явно не какой-нибудь безвестный фанатик. Это владельцы окрестных домов таким образом выражали свою приверженность христианской вере. Кроме того, почти повсюду висели распятия: они были прибиты на фасадах общественных зданий, раскачивались на замерзших клумбах и даже в витринах магазинов.

Казалось, местечко захлестнула волна религиозного фанатизма.

– Расскажите-ка мне о религиозном братстве, к которому принадлежат Кастнеры.

Просьба Фогеля не застала Борги врасплох, он успел изучить вопрос.

– Насколько я знаю, примерно двадцать лет назад в Авешоте разгорелся скандал: местный священник сбежал со своей прихожанкой, женщиной набожной, матерью троих детей.

– Сплетни меня не интересуют, – ядовито заметил Фогель.

– Так ведь с этого все и началось. В других условиях эта история кончилась бы шквалом сплетен и клеветы, но в Авешоте ее восприняли всерьез. Говорят, священник был молод и обладал сильной харизмой. Он покорил всех своими проповедями, и прихожане его очень любили.

«В замкнутом сообществе, живущем в горном уединении,

действительно нужна немалая харизма, чтобы достучаться до людских сердец… и заручиться доверием людей», – подумал Фогель.

– Но дело в том, что священник сумел вскормить себе верных последователей. Паства у него всегда была достаточно набожная, а потому после того, что случилось, прихожане наверняка решили, что духовный лидер их предал. И недоверчивость, вообще свойственная местным жителям, очень быстро возобладала. Прихожане начали отвергать всех, кого им присылала курия взамен сбежавшего пастыря. Прошло года два, и некоторые из них взяли на себя роль дьяконов, и с тех пор община перешла на самоуправление.

– Как религиозная секта? – спросил Фогель, неожиданно заинтересовавшись.

– Что-то вроде того. В этих местах хотя и жили за счет туризма, но чужаков всегда недолюбливали. Приезжие очень докучали, и к тому же их привычки, скажем так, не вязались с местной культурой. С открытием месторождения флюорита население наконец-то смогло от них избавиться и обрубить почти все связи с внешним миром.

– Мария и Бруно Кастнер, наверное, очень ревностные прихожане, если отдали на религиозные нужды такие деньги.

– А вы заметили, что они говорят о своем братстве как о некоем элитарном круге избранных? Получается, если я правильно уловил, что-то вроде «мы и все остальные».

– Вы уловили абсолютно правильно.

– Первыми за активные поиски Анны Лу взялись именно члены братства. И я знаю, что за эти дни они очень сблизились с семьей Кастнер, а некоторые просто переселились к ним в дом, чтобы не оставлять их одних.

Они подъехали к авешотской церкви. Рядом со старым зданием выросло новое, более современной конструкции.

– Вот, здесь у них место молитвенных собраний. Они собираются здесь гораздо чаще, чем в старой церкви, чтобы погрузиться в общую молитву. Похоже, братство имеет в долине серьезный авторитет и способно даже влиять на решения горнодобывающей компании, которая действительно с ним считается. Мэр, советники и все муниципальные чиновники – выходцы из братства. В результате им удалось провести несколько запретительных законов. Например, здесь запрещено курение в общественных местах и распитие алкоголя по воскресеньям и праздничным дням ранее шести вечера. Община выступает против абортов, гомосексуализма и косо смотрит на тех, кто живет в гражданском браке.

«Фанатики хреновы», – подумал Фогель, который, однако, уже составил себе довольно точное представление о сути дела. Отчасти он был очень доволен.

Контекст исчезновения Анны Лу получался великолепным. Загадочное исчезновение девочки; зло, проникшее в братство, жестко следующее Богу и Его наставлениям; городок, который теперь обречен гадать, что же все-таки происходит.

Или уже произошло.

Фогель договорился о встрече с мэром и лесничим. Борги сразу включился в работу, но просьба спецагента назначить встречу на берегу реки, пересекавшей городок, поставила его в неловкое положение.

Прибыв на место, Борги припарковал машину на просторной гравийной площадке, где стоял заброшенный деревянный киоск. Судя по старой вывеске, когда-то здесь можно было купить живую приманку и взять напрокат удочки. Мэр и лесничий были уже на месте. Они приехали на служебном внедорожнике с гербом городка.

Мэр оказался здоровяком с выпирающим брюхом, которое еле удерживал брючный ремень. На нем была распахнутая спереди куртка, голубая хлопчатая рубашка и галстук с ужасающими красными ромбами. Галстук был сколот золотой булавкой с маленьким аметистовым крестиком на конце. Фогель не подал виду, насколько нелепыми кажутся ему и костюм мэра, и усики над слишком толстой верхней губой, и смешной паричок, прикрывавший лысину на его голове, похожей на грушу. Он подумал, что мэр относится к той породе людей, которым все время жарко, даже зимой. Доказательством тому были его вечно красные щеки. Мэр направился ему навстречу с самой сердечной улыбкой, и Фогель оценил его энергичное рукопожатие, однако сам ответил на приветствие без энтузиазма.

– Спецагент, я знаю Кастнеров всю жизнь и не могу выразить, как меня расстроило все, что происходит сейчас, – сказал мэр, сменив приветливую улыбку на скорбную мину. – Мы счастливы, что заниматься нашей Анной Лу будете вы. Учитывая то, как вы знамениты, наша девочка в надежных руках.

Анна Лу вдруг стала всеобщей дочерью, отметил Фогель. Ну, так всегда и бывает, по крайней мере на словах. Однако, когда закрываются двери домов, все вздыхают с облегчением, что такая участь выпала не их ребенку.

– Вашей девочке будет оказано особое внимание, – ответил Фогель, но его собеседник не уловил в ответе нотки сарказма. – А теперь давайте

осмотрим речку.

Фогель обогнул препятствие в виде огромного живота мэра и направился к берегу. Мэр довольно долго находился в некотором замешательстве, потом пошел за ним следом. Лесничий и Борги двинулись за ними. Полицейскому было интересно, докуда дойдет Фогель, спускаясь к воде. К его огромному удивлению, тот зашел за границу галечной отмели и зашлепал по грязи, пачкая пальто и дорогие ботинки.

Остальным, хочешь не хочешь, пришлось пойти за ним.

Лесничий был единственный, кто надел сапоги, остальные шли по колено в жидкой грязи. Борги понял, что нынче вечером опять придется устроить постирушку, и при таком раскладе ему вряд ли удастся обойтись одним-единственным костюмом.

– Русло здесь шириной восемь-десять метров, и скорость течения небольшая. А в этом месте оно максимально замедляется, – сказал лесничий.

Фогель уже успел выяснить у него некоторые детали. Лесничий не понимал, почему они его так интересуют.

– А какая здесь глубина? – спросил спецагент.

– В среднем метра полтора, но местами достигает двух с половиной. Так что воде не всегда удается расчистить дно от мусора, который там скапливается.

– И тогда вмешиваетесь вы?

– В среднем раз в два-три года. Осенью, перед самыми дождями, мы ставим небольшую плотину, а потом землечерпалки за неделю справляются с работой.

Борги обернулся к мосту через речку. Мост был метрах в ста от них, и на нем виднелся черный фургон, тот самый, что он уже заметил вчера возле дома Кастнеров. Вполне возможно, что в нем сидели те же двое, которых он тогда видел. Надо будет сказать Фогелю.

– С тех пор как разработки замедлили течение реки, а тем самым и ее дренаж, на дне скапливаются всякие обломки, мусор и останки животных. Одному Богу известно, что там, под водой, – сказал лесничий и заключил: – Река болеет.

Последняя фраза заставила мэра встрепенуться, и он поспешил поправить своего подчиненного:

– Муниципалитет убедил компанию финансировать программу защиты территории. На благоустройство потрачены значительные суммы.

Фогель не обратил никакого внимания на этот комментарий и, отвлекая Борги от наблюдения за фургоном, сказал:

– Надо поговорить с сотрудниками компании и попросить у них списки внешних поставщиков и сезонных рабочих.

Мэр выглядел заметно озабоченным:

– Да ладно, что вы, зачем их беспокоить из-за того, что может оказаться простым ребячеством?

Фогель обернулся и пристально и серьезно на него взглянул:

– Ребячеством?

Тот снова попытался смягчить выражение:

– Вы меня неправильно истолковали. Я сам отец и понимаю, каково сейчас родителям девочки… Но вам не кажется, что несколько излишне так уж бить тревогу? Компания дает работу множеству людей в долине, и вряд ли ей понравится такая огласка.

Мэр пускает в ход всю свою искренность, чтобы привлечь Фогеля на свою сторону, заметил Борги. Только вряд ли политический прагматизм поможет в общении со спецагентом.

– Хочу вам кое-что сказать… – наклонился Фогель к мэру, понизив голос, словно собирался доверить ему что-то важное. – Меня учили, что существуют два отрезка времени, в которые можно что-то сделать: сейчас и потом. Отсрочка может оказаться мудрой, иногда просто необходимо как следует взвесить ситуацию и возможные последствия. Но, к сожалению, в определенных обстоятельствах излишние рассуждения могут обернуться колебаниями, а то и, того хуже, слабостью. Промедление может усугубить ситуацию. И поверьте мне, нет худшей огласки.

Закончив эту маленькую лекцию, Фогель обернулся к площадке, откуда они спускались к воде. Его отвлек голос, пытавшийся перекрыть шум течения. Остальные тотчас же повернулись вслед за ним.

На берегу, там, где кончалась галька и начинался слой грязи, стояла какая-то блондинка в синем костюме и темном пальто и махала им руками.

Когда они к ней подошли, то по ее грязным туфлям Борги догадался, что она пыталась к ним добраться, но ей не позволили каблуки.

– Я прокурор Майер, – представилась она.

Она была молода, не старше тридцати, и не слишком высока ростом, хотя смотрелась стройной. Макияжа на ней не наблюдалось, и вид у нее был серьезный. Она сразу отвела в сторонку двоих полицейских и, казалось, была чем-то недовольна:

– Я узнала, что вчера состоялся брифинг. Почему мне ничего не сказали?

– Нам не хотелось отрывать вас от семьи как раз в день Рождества, – мрачно ответил Фогель. – И потом, мне казалось, что прокуроры обычно не

принимают участия в предварительном дознании.

Но Майер не так-то просто было вышибить из седла.

– Вы случайно заговорили вчера о похитителе, спецагент Фогель?

– В настоящий момент у нас пока нет ни одной гипотезы.

– Понимаю, но, может быть, хотя бы одно доказательство такой версии? Слухи, косвенные улики, свидетельства?

– Нет, пока нет.

Фогель был раздосадован, но виду не подавал.

– Значит, я могу сделать вывод, что речь идет только об интуиции следователя? – с известной долей сарказма заключила Майер.

– Если вам будет угодно, – отозвался тот, делая вид, что поддерживает ее.

Борги молча наблюдал за этой пикировкой.

– Есть много различных версий, и все надо обсудить, – продолжал спецагент. – Я по опыту предпочитаю начинать с худших сценариев, а потому заговорил о возможном похищении.

– Я побеспокоилась собрать информацию об Анне Лу Кастнер гораздо раньше, чем вы здесь появились. Жизнь этой спокойной и простой девочки проходила среди браслетиков, котят и церковных собраний. Должна заметить, что на фоне девушек ее возраста Анна Лу смотрелась совсем ребенком. Но это вовсе не делает из нее заведомую жертву.

Фогеля позабавила логика ее рассуждений.

– И к каким же выводам вы пришли?

– В этой семье придерживались строгого воспитания. Анне Лу не разрешали знаться со сверстниками, не принадлежавшими к братству, даже с одноклассниками. Ее не отпускали гулять с друзьями или принимать участие в любых затеях, которые не считались «дозволенными и приличными» с точки зрения жестких религиозных канонов. Иными словами, ей не позволялось ничего решать, она не могла даже ошибаться по собственной воле. А в шестнадцать лет у каждого есть право на ошибку. А потому можно допустить, что в один прекрасный миг она взбунтовалась против этих ограничений.

Фогель задумчиво кивнул: «Значит, она предполагает не похищение, а побег».

– Как часто это случается? Вы сами знаете, что статистика говорит в пользу именно этой гипотезы. Анна Лу вышла из дому с разноцветным рюкзачком, и никто из близких не знал, что в нем.

Пока спецагент делал вид, что обдумывает эти заключения, Борги вспомнил о дневнике, который мать Анны Лу отдала Фогелю накануне,

когда они приходили к Кастнерам. В этой тоненькой тетрадке не было даже намека на желание сбежать из дома.

– Ваша концепция весьма привлекательна, – согласился Фогель.

Но Майер была не из тех, кто покупается на лесть, а потому она снова ринулась в атаку:

– Я знакома с вашими методами, Фогель, и знаю, что вас привлекает свет рампы, но здесь, в Авешоте, вряд ли найдется такой монстр, чтобы вы могли устроить шоу.

Фогель попытался свернуть разговор с опасных рельсов:

– Оперативное помещение у нас в школьном спортзале, а мой кабинет в раздевалке. Люди, предоставленные в мое распоряжение, не разбираются в вопросе и плохо оснащены. Мне бы хотелось иметь под рукой экспертов, чтобы сантиметр за сантиметром изучить тот участок дороги, где исчезла девочка. И тогда мы охотно примем вашу гипотезу.

Майер весело хмыкнула, но тут же снова стала серьезной:

– Как вы думаете, что произойдет, если просочится информация, что полиция рассматривает версию о похищении?

– Никакой утечки информации не будет, – уверил ее Фогель.

– Почему же вы имеете наглость просить у меня экспертов-криминалистов, если у вас вообще нет версии?

– Никакой утечки информации не будет, – еще решительнее заявил спецагент.

Борги заметил, как на лбу у Фогеля надулась вена. До сих пор он никогда не видел, чтобы тот выходил из себя.

Майер, похоже, успокоилась. Прежде чем удалиться, она пристально оглядела обоих:

– Не забывайте, что пока речь идет просто об исчезновении.

На обратном пути все хранили молчание. Борги собирался что-то сказать, но боялся, что тем самым выпустит на волю гнев, который Фогель с самого начала сдерживал.

И тут он заглянул в зеркало заднего вида и снова заметил черный фургон. Он ехал за ними.

Его движение не укрылось от Фогеля. Он опустил солнцезащитный козырек и, воспользовавшись маленьким карманным зеркалом, оглядел дорогу. Потом захлопнул зеркало.

– Они со вчерашнего дня следят за нами. Остановить их? – спросил Борги.

– Вот шакалы, – изрек Фогель. – Вышли на охоту за информацией.

Борги поначалу не понял:

– Вы хотите сказать, что это журналисты?

– Да нет, – отозвался Фогель, не глядя на него. – Телеоператоры в свободном полете. Когда они чуют какую-нибудь мутную историю, тут же появляются со своими камерами, в надежде заснять что-нибудь такое, что потом можно будет продать в Сети. Журналисты не станут тратить время на пропавших девочек, разве что тут запахнет кровопролитием.

Борги почувствовал себя дураком, потому что понял: шеф заметил фургон и утром, и накануне возле дома Кастнеров.

– И что надо этим шакалам?

– Ждут, когда появится монстр.

Борги начал понимать:

– И для этого мы сегодня ездили на берег реки… Вы хотели, чтобы они подумали, что мы собираемся искать тело.

Фогель молчал.

Молчание смутило молодого полицейского.

– Но ведь вы только что сказали прокурорше, что никакой утечки информации не будет…

– Кому же понравится уронить себя в глазах общественности, агент Борги? – осадил его Фогель. – Уж точно не нашей синьорине Майер, поверьте мне.

И, повернувшись к помощнику, прибавил:

– Чтобы разыскать Анну Лу, мне нужны технические средства. Одного заявления родителей недостаточно.

Этой фразой спецагент поставил в разговоре жирную точку. Больше до самого спортзала они этой темы не касались. А Борги понял наконец намерения Фогеля. Сначала его поведение казалось циничным, но теперь он уловил логику. Если этим случаем не заинтересуются СМИ, если Анну Лу не «усыновит» общественное мнение, то начальство не выделит им ресурсов для более детального расследования.

Фогель ушел к себе в кабинет, оборудованный в раздевалке, а Борги отправился в ближнюю скобяную лавку. Когда он вернулся, то позвал всех полицейских к столу и выдал им комбинезоны, какие обычно надевают маляры.

– И что мы будем красить? – игривым тоном спросил один из них.

Борги не обратил на него внимания:

– Вам надо надеть комбинезоны и разойтись по местам.

– Зачем? Что мы будем делать? – подал голос другой.

– Поговорим об этом, когда окажетесь на местах, – уклончиво ответил

полицейский.

К вечеру пошел снег. Не тот, что ложится густым, плотным слоем, а легкий, как пыль, исчезающий при контакте с любой поверхностью, как призрак.

Температура упала на несколько градусов, но в придорожном ресторанчике было тепло и уютно. Клиентов, как обычно, было мало. За двумя разными столиками молча поглощали еду двое дальнобойщиков. Снизу доносился голос хозяина, отдающего распоряжения на кухне, слышался стук бильярдных шаров и приглушенный звук телевизора, висевшего над стойкой. На экране транслировали футбольный матч, который никто не смотрел.

Третьим клиентом ресторанчика был Борги. Он сидел в одном из отдельных кабинетов и ел овощной суп, маленькими кусочками кроша в тарелку хлеб и вылавливая его ложкой. При этом он настойчиво поглядывал на часы.

– Все в порядке? – спросила его официантка таким тоном, словно изо всех сил заставляет себя быть вежливой.

На ней был красный шарф, а на форменном платье виднелся аметистовый крестик. Борги уже видел такой на галстучной булавке мэра. Должно быть, это символ общины.

– Суп просто прекрасный, – ответил Борги, слегка улыбнувшись.

– Принести еще?

– Спасибо, не надо.

– Тогда принести счет?

– Я посижу еще, спасибо.

До назначенной встречи оставалось совсем немного. Женщина не стала настаивать и с невеселым видом вернулась за стойку. Еще один вечер пройдет без чаевых… Борги ей сочувствовал: наверняка у нее семья, дети. Лицо у нее было усталое. Наверное, это не единственная ее работа. Что-то в ней такое было… Она постоянно поправляла на шее красный шарфик. Кто знает, как ее воспринимают мужья и женихи здешней общины, которые поколачивают своих жен, подумал агент.

Ему бы надо позвонить Каролине. Сегодня они обменялись только эсэмэсками. Она сейчас у родителей, и Борги был за нее спокоен. Но она продолжала надоедать ему вопросами, когда же он вернется домой. А он и сам не знал. И не знал, сильно ли хочет домой. Надо было столько всего сделать, заново организовать всю жизнь в ожидании малышки. За последние месяцы Борги пришлось единым духом принимать множество

решений подряд. Снять квартиру побольше, обставить ее, приспособить под семью. Он сменил машину, выбрав подержанную модель, в которой будет удобнее эту семью возить. Он экономно тратил деньги, но временами его охватывала тревога: ведь теперь Каролина не будет работать и все ляжет на его плечи. К тому же он был совершенно не способен ей противоречить и, когда она принималась жаловаться, что он слишком много работает, не находил других аргументов, кроме появления на свет малышки и того, что одной зарплаты им не хватит. В общем, Борги взялся за мобильник, но снова отложил звонок молодой жене и уже в который раз покосился на часы. Он хотел быть уверен, что его замысел принесет плоды.

Было ровно восемь вечера. Время встречи.

Постепенно атмосфера сонного ресторанчика оживилась. И произошло это, когда хозяин переключил канал телевизора и прибавил звук. Бильярдисты прекратили партию, дальнобойщики повернулись к экрану. Под телевизором собралась небольшая компания, включавшая в себя и кухонный персонал.

Национальная служба новостей передавала репортаж с натуры. Борги узнал берег реки, пересекавшей долину в Авешоте. Съемку вели с моста. Он увидел своих людей в комбинезонах, они брели по грязи вдоль берега, внимательно разглядывая землю и делая вид, что собирают вещдоки и складывают их в полиэтиленовые мешки, а потом запечатывают, в точности следуя инструкции, которую он же сам и придумал.

– Дело юной Анны Лу приняло неожиданный оборот, – сообщал голос ведущего за кадром. – Полиция ведет официальное расследование исчезновения девочки. Нынче вечером сотрудники научной группы завершили осмотр предполагаемого места преступления вдоль по течению реки.

Хотя на него никто не смотрел, Борги изо всех сил старался не выдать, как он доволен. Трюк сработал.

– Нам неизвестно, что они искали, – продолжал диктор. – Мы знаем только, что они унесли с собой несколько предметов, которые спецагент Фогель, известный своими громкими расследованиями, определил как «интересные», ничего при этом не добавив.

На этом месте Борги встал и направился к кассе, чтобы расплатиться. Хотя зарплата у него и была мизерная, он оставил официантке щедрые чаевые.

27 декабря
Четыре дня после исчезновения

Фургон, в котором располагалась настоящая режиссерская студия, был припаркован на площади перед муниципалитетом. Снаружи техник с собранными в пучок дредами перематывал провода. Вокруг стояли ящики с материалами и складной стул с надписью на спинке: «Стелла Хонер».

Стелла, стройная блондинка, красивая какой-то агрессивной красотой, с темными глазами, которые умело подчеркивал макияж, удобно устроившись на стуле, рассеянно наблюдала за работой техника. У ее ног стояла телекамера с логотипом вещательной компании, в которой она работала. Великолепные ноги в туфлях на головокружительных каблуках были изящно скрещены. Кто бы мог подумать, что в лицее маленького городка, где она выросла, мальчишки ею почти не интересовались? Они всегда держались от нее в сторонке, хотя среди девчонок она была самой хорошенькой. Она годами спрашивала себя почему. И только много позже поняла, что они ее побаивались. А потому она иногда старалась проявлять темперамент, но вовсе не для того, чтобы их завоевать. Она подпускала их поближе, а потом вцеплялась мертвой хваткой.

И только одного человека обмануть ей не удалось.

Сквозь утреннюю мглу она увидела, как он медленно подходит, засунув руки в карманы кашемирового пальто, и на лице его играет какая-то приклеенная улыбка.

– Вот кто откроет нам секрет, чем мы тут занимаемся! – торжествующим тоном произнесла она, обернувшись к технику. – Это место никак не вяжется с моими туфлями.

– Сожалею, что тебе пришлось проделать такой путь, Стелла, – насмешливо приветствовал ее Фогель. – У тебя-то уж точно были дела поважнее. Кажется, я видел твой последний репортаж об этом типе, который убил жену… А может, невесту? Все эти убийства похожи одно на другое.

Стелла улыбнулась с видом человека, который умеет выслушать едкую шутку и тут же дать сдачи.

Она подождала, когда Фогель подойдет ближе и окажется напротив нее, и, бросив взгляд ему за спину, снова обратилась к оператору:

– Знаешь, Франк, этому человеку уже удалось убедить всех, что

существует некий монстр, хотя у него нет ни крупицы доказательства.

Фогель слушал с явным любопытством, а потом тоже повернулся к оператору:

– Видишь, Франк? Вот этим журналисты и занимаются: манипулируют действительностью, чтобы ты казался хуже, чем они. Стелла Хонер – королева корреспондентов. Во внешних связях ей равных нет!

И снова повернулся к Стелле:

– А сейчас не холодновато, чтобы работать на пленэре?

– Вот именно! Пропала девочка? Вперед! Если уж мне суждено отморозить задницу, то пусть это будет ради настоящего сюжета. А здесь нет никакого сюжета, а потому я возвращаюсь домой.

Техник не произнес ни слова и не обратил внимания на их пикировку. Он просто залез обратно в фургон, оставив из одних.

Стелла сменила свой ядовитый тон и пошла в атаку:

– И где же твой похититель детей, Фогель? Если честно, то я думаю, его не существует.

Спецагент не растерялся. Он знал, что убедить Хонер будет нелегко, а потому заранее хорошо подготовился.

– И в городок, и из городка ведет всего одна дорога. С одной стороны есть камера слежения за трафиком, с другой стороны – видеокамера на бензоколонке. Сейчас мы изучаем все проходившие по шоссе машины, тщательно, как сквозь сито, просеиваем жизнь каждого из горожан… Но я уже знаю, что это ничего не даст.

Стелла Хонер удивилась:

– Тогда к чему все труды?

Фогель ловко отразил такой неожиданный поворот действия:

– А чтобы доказать мою теорию, что девочка никуда отсюда не девалась.

Стелла помолчала чуть дольше, чем требовалось, – верный признак, что дело ее начинает интересовать.

– Валяй дальше…

Фогель знал, что если журналистка снялась с места и оказалась здесь, то за это он должен благодарить Борги. Идея с малярными комбинезонами себя оправдала. Парень знал, что делает. Теперь же в игру должен вступить мастер. Фогель снова с воодушевлением заговорил:

– Живет себе затерянная в горах долина… И вот однажды выясняется, что горы скрывают месторождение такого редкого минерала, как флюорит. И люди неожиданно становятся богатыми. Здесь все друг друга знают и никогда ничего не случается. И все помалкивают. В этих местах привыкли

все скрывать, даже богатство… Знаешь поговорку? «Маленькая компания – большие секреты».

Это было похоже на прелюдию к великолепной истории, и, чтобы придать рассказу убедительности, спецагент вытащил из кармана пальто дневник Анны Лу, который ему доверила мать девочки, и бросил журналистке. Она поймала тетрадь на лету.

Стелла его внимательно разглядела и принялась листать.

– *Двадцать пятое марта,* – прочла она вслух. – *Сегодня мы вместе с моей подругой Присциллой относили к ветеринару ее кошку. Доктор сделал ей ежегодную прививку и сказал, что ее надо посадить на диету…*

Она перевернула страницу.

– *Тринадцатое июня. С ребятами из братства мы готовим представление о детстве Иисуса…*

Она снова полистала страницы.

– *Шестое ноября. Я научилась делать браслеты из бусинок…*

Стелла захлопнула дневник и тяжелым взглядом уставилась на Фогеля:

– Котята и браслетики?

– А ты ожидала чего-нибудь другого? – с любопытством спросил Фогель.

– Я бы тоже написала что-нибудь подобное, если бы моя мать имела привычку потихоньку читать мой дневник.

– Следовательно?

– Не вешай мне лапшу на уши. Где настоящий дневник?

Фогель выглядел очень довольным:

– Вот видишь? Я был прав: религиозная семья, девочка честнейшая… Но если порыться, всегда что-нибудь да выйдет наружу.

– Ты думаешь, Анне Лу Кастнер было что скрывать? Может, отношения с кем-нибудь старше ее, со взрослым человеком?

– Ну, это уж ты хватила, Стелла, – рассмеялся Фогель.

Журналистка окинула его подозрительным взглядом:

– Ты же сам хотел, чтобы я прочла, вот я и подумала… А ты не боишься, что кто-нибудь пустит сплетню, что в жизни девочки не все было просто, были темные места? Публике бы понравилось.

– Ты этого никогда не сделаешь, – с уверенностью парировал спецагент. – Первое правило нашего ремесла гласит: жертва священна. И монстры становятся не так уж и чудовищны, если люди начинают думать: «Э, да она сама напросилась!» Тебе не кажется?

Стелла Хонер задумалась, хорошенько взвешивая ситуацию.

– Я думала, ты на меня сердишься из-за того *Мучителя*.

Да, он сердился на нее за то дело, из-за которого потерял львиную долю своего престижа и доверия. Дело *мучителя* обернулось катастрофическим поражением, говоря языком стратегии. Даже при условии, что Фогель имел все основания вести себя именно так, а не иначе, эти основания были слишком сложны, их не объяснишь. И его не поняли.

– Я не злопамятный, – заверил он. – Ну что, мир?

Стелла тут же смекнула, какова была истинная цель перемирия:

– Ты хотел, чтобы я здесь оказалась, чтобы потом за мной потянулись другие компании.

Она все еще делала вид, что ей надо подумать, хотя решение было уже принято.

– Ты даешь мне эксклюзивное право на освещение каждого поворота расследования.

Фогель понял, что она пытается торговаться. Сначала он отрицательно покачал головой, потом ответил:

– Я предоставлю тебе двадцать пять минут форы. Ты будешь узнавать обо всем на двадцать пять минут раньше остальных.

Он произнес это таким тоном, словно приносил неслыханную жертву.

Стелла Хонер притворилась оскорбленной:

– Двадцать пять минут – вообще ничто.

– На самом деле – это вечность, и ты это прекрасно знаешь.

Фогель посмотрел на часы и прибавил, указывая на дневник:

– У тебя есть двадцать пять минут на вот это, пока я не сдал его в архив как вещдок.

Стелла собралась возразить, но у нее в голове уже начало отстукивать время. Она взяла мобильник и принялась фотографировать страницы дневника.

Около одиннадцати Хонер отправила первый репортаж из Авешота для утренних тележурналов. В нескольких шагах от дома Анны Лу оборудовали постоянный пост, откуда корреспондентка сможет рассказывать зрителям о том, как идет расследование. В полдень ведущие вещательные каналы связались со Стеллой, чтобы держать зрителей в курсе событий в режиме реального времени.

Вечером Фогель собрал полицейских своей команды в спортзале на очередной брифинг.

– С этого момента все меняется, – объявил он внимательным слушателям. – Все, что будет происходить с этой минуты, станет решающим в раскрытии тайны исчезновения Анны Лу Кастнер.

Борги отметил про себя, что Фогель умеет нагружать своих людей.

– Теперь это уже не случай местного масштаба. Теперь глаза всей страны направлены на Авешот и на нас с вами. И мы не можем их разочаровать.

Он сказал это с воодушевлением, напирая на последние слова и подчеркивая, что если они не найдут виновного, то это будет только их вина.

– Многие из вас зададутся вопросом, каким образом шум, поднятый службой новостей и прессой, сможет нам помочь. Что ж, наживка брошена, теперь будем надеяться, что кто-нибудь попадет в капкан.

И по тому, как теперь его слушали, Борги понял, что действительно все изменилось. Еще три дня назад его воспринимали как чужака, засланного сюда, чтобы давать указания, как надо работать, и совать нос в чужие дела. Как тщеславного сыщика, который любит командовать и будет на их шкуре добывать себе славу. А теперь они видели в нем вожака, человека, способного прекратить весь этот кошмар, а главное – поделиться с ними славой.

Прежде чем объяснить свой план, Фогель сделал маленькое вступление:

– Всем нравится быть знаменитыми, даже тем, кто в этом не сознается. Происходит странная вещь: поначалу думаешь, что тебе это и не нужно, можно обойтись и без этого, и живешь себе, довольствуясь самим существованием. И ты абсолютно прав.

Он выждал паузу.

– Но когда на тебя направлены прожекторы, в тебе будто что-то щелкает. И ты вдруг обнаруживаешь, что тебе нравится быть уже не той безымянной личностью, какой ты себя считал. Ты входишь во вкус того, о чем раньше и не подозревал. Ты чувствуешь себя не таким, как все, особенным, и хочешь, чтобы это ощущение никогда не кончалось, а длилось бы долго, может и всегда.

Фогель сложил руки и шагнул к школьной доске, на которой все еще была видна дата: двадцать третье декабря. Он вгляделся в нее и принялся расхаживать перед аудиторией взад и вперед.

– Сейчас повсюду говорят об Анне Лу, девочке с рыжими волосами и веснушками, которая пропала неизвестно куда. Но похититель знает, что на самом деле это говорят о нем и о том, что он сделал. И ему все удалось, учитывая, что мы пока даже не знаем, кто он. Он справился с работой и очень этим горд. Но до сих пор это просто выполненная работа, и ничего больше. Что требуется, чтобы она стала *шедевром*? Подмостки. Вот

попомните мое слово, он не сможет оставаться в тени и наблюдать, как кто-то у него эти подмостки крадет. Он захочет свой кусок славы: ведь, по сути дела, главное действующее лицо в шоу – это он… И мы с вами здесь, потому что это он так решил, он так захотел. Он рисковал, что его поймают и все будет потеряно. И поэтому теперь он станет претендовать на то, что ему причитается.

Фогель замолчал и оглядел всех.

– Этот наш приятель уже отведал сладкий вкус славы. Но ему мало, он хочет еще… Вот на этом мы его и поймаем.

С такой новой повесткой дня поиск пропавшей девочки официально отходил на второй план, и Борги это заметил. Теперь за игровым столом оказался иной приоритет.

Выгнать хищника из норы.

И тут Фогель изложил все, что задумал. Прежде всего он послал двоих людей купить свечек, лампочек и плюшевых котят. Еще нескольких агентов в штатском он отправил к дому Кастнеров, чтобы они разложили все купленное возле низкого каменного забора.

Теперь оставалось только ждать.

Около десяти вечера головной эшелон журналистов страны связался с собственными корреспондентами, дежурившими возле дома Анны Лу. Это был результат деятельности Стеллы Хонер, но не только ее.

Когда во время ужина по телеканалам прошло известие, что на заборчике возле дома Кастнеров чьи-то заботливые руки расставили символы солидарности, многие решили последовать их примеру. Так началось спонтанное паломничество жителей Авешота и окрестных деревень. Некоторые приезжали издалека, даже из больших городов, чтобы принять участие в этой демонстрации поддержки.

Мать Анны Лу в печальном обращении обещала девочке, что, когда та вернется домой, подарит ей котенка, о котором та столько мечтала. Фогель возлагал надежды именно на эту фразу, и теперь целая выставка котят всех сортов – плюшевых, шелковых, глиняных – венчала городок, заполнив собой всю окружную стену и часть прилежащей улицы. А свечи и лампочки между кошачьими фигурками отбрасывали розоватые отблески, и в холодном вечернем воздухе разливался теплый свет. Многие подношения были снабжены записками. Кто обращался к самой Анне Лу, кто к ее родителям, кто просто оставил молитву.

Кишение народа в городке стало постоянным. Мэр был вынужден перегородить прилегающие к дому Кастнеров улицы, чтобы предотвратить

скопление автомобилей. Но, несмотря на это, квартал находился в осаде. Хотя, в общем-то, все проходило довольно спокойно. Паломники подходили к дому, застывали там на несколько минут и потом молча уходили.

Фогель отправил своих людей, чтобы они потолклись в толпе. Все они были в штатском, у всех имелись хорошо замаскированные наушники и микрофоны, спрятанные в воротниках курток. Зная журналистов с их преступным обыкновением прослушивать разговоры полицейских, спецагент велел привезти хитроумные радиопередатчики, перехватить которые было невозможно.

– Не забывайте, что нас интересуют подозреваемые мужского пола. В особенности те, кто живет один, – сказал по радио агент Борги.

Стоя рядом с ним, Фогель внимательно контролировал все пространство впереди. В толпе они намеренно держались с краю.

Засада длилась уже часа два.

Они считали само собой разумеющимся, что похититель мужчина, потому что в учебниках говорилось, что случаи похищения подростков женщинами крайне редки. И об этом свидетельствовала не только статистика, но и здравый смысл.

Можно было даже предположить, что это был за тип. Вопреки тому, что обычно думали о похитителях люди, они никогда не оказывались ни уличной шпаной, ни одинокими отщепенцами. Как правило, это были люди вполне обычные, со средним образованием, способные легко входить в контакт и маскировать свое поведение, чтобы остаться незамеченными. Свою истинную природу они держали в тайне и ревностно эту тайну охраняли.

В наушниках раздался голос одного из полицейских:

– На моем участке все спокойно. Прием.

Всем было вменено в обязанность выходить на связь каждые десять минут.

Фогель почувствовал, что пора разрядить напряжение, и решил немного порассуждать:

– Если похититель объявится нынче вечером, значит он предвидел, что мы будем здесь, но ему очень хочется спокойно пройтись среди тех, кто на него охотится. И это будет надежный способ его вычислить. Не забывайте, что он придет полюбоваться спектаклем. Если нам повезет, ему этого будет мало и он захочет взять что-нибудь на память.

Он рекомендовал сосредоточиться не на тех, кто оставляет подношения, а на тех, кто украдкой пытается что-нибудь унести с собой.

В этот момент Фогель и Борги заметили в толпе какое-то странное движение. Было такое впечатление, что кто-то отдал молчаливую команду и все разом повернулись в одну сторону. Оба полицейских тоже обернулись и увидели, что всеобщее внимание привлекло появление родителей Анны Лу на пороге дома.

Муж обнимал жену за плечи. Возле них полукругом, словно формируя защитный экран, встали члены братства. На всех были маленькие аметистовые крестики. Телекамеры сразу, как по команде, повернулись ко входу в дом.

Хотя Мария Кастнер много всего перенесла за последнее время, но снова заговорила именно она. Обращаясь к собравшейся толпе, она сказала:

– Мы с мужем хотим поблагодарить вас. В нашей жизни настал трудный момент, но ваше чувство и ваша вера в Господа – большая поддержка для нас. – Она указала рукой на выставку котят и свечек. – Анна Лу была бы счастлива увидеть все это.

Стоящее полукругом братство единым духом произнесло:

– Аминь!

Толпа зааплодировала.

Все казались взволнованными, однако Фогель в сочувствие не особенно верил. Более того, он был уверен, что многих сюда привлекли репортажи СМИ и обыкновенное любопытство. Где же вы были, когда в день Рождества семья действительно нуждалась в поддержке?

Борги думал о том же самом. Правда, не столь цинично, как Фогель, но и он не мог не признать, сколько всего изменилось за эти несколько дней. В тот день, когда они явились с визитом к Кастнерам, на улице не было никого, кроме фургона «шакалов». Полицейский помнил, как аплодисменты Фогеля звонко разнеслись в морозном воздухе по маленькому кварталу. Тогда он не понял смысла поступка шефа, как не понял, почему, садясь в машину, Фогель попросил его понаблюдать за Бруно Кастнером: «Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать».

Пока родители Анны Лу здоровались с некоторыми из присутствующих под неусыпным наблюдением членов братства, в наушниках вдруг раздался голос:

– Справа от вас, агент Фогель, в конце улицы, какой-то парень в черном плюшевом капюшоне только что что-то взял.

Фогель и Борги одновременно повернулись в ту сторону, куда указал полицейский, и вгляделись в толпу.

Они увидели парнишку в джинсовой куртке и в черном плюшевом

капюшоне, надвинутом на глаза, чтобы спрятать лицо. Наверное, он воспользовался моментом, когда все отвлекутся, чтобы стащить то, что теперь прятал под курткой, почти бегом уходя от толпы.

– Он взял розового плюшевого котенка, я точно видел, – уверял полицейский.

Борги сделал знак другому полицейскому, который был ближе всех к парню, и тот, вытащив из куртки мобильник, сделал несколько снимков.

– Дело сделано, – сообщил тот по рации. – У меня есть его лицо. Я его задержу.

– Не надо, – решительно остановил его Фогель. – Я не хочу, чтобы он что-нибудь заподозрил.

Мальчишка между тем вскочил на скейт и преспокойно уехал.

Борги не был уверен, что шеф принял правильное решение:

– Почему бы за ним хотя бы не проследить?

Фогель ответил, не теряя подозреваемого из виду:

– Подумай, что начнется, если кто-нибудь из прессы заметит эту сцену.

Он был прав, Борги об этом не подумал.

Фогель обернулся и успокоил его:

– Куда денется мальчишка на скейте? У нас есть его физиономия, и мы его найдем.

30 декабря
Семь дней после исчезновения

Придорожный ресторанчик был переполнен.

Над окном, которое выходило на бензоколонку, все еще виднелась надпись: «Счастливого праздника!» Хозяин, как челнок, курсировал между кухней и столиками, проверяя, все ли хорошо обслужены и довольны. Чтобы справиться с лавиной неожиданно нахлынувших клиентов, ему пришлось нанять еще персонал. Здесь толклись журналисты, телевизионные техники, фоторепортеры и простые люди, приехавшие в Авешот, чтобы своими глазами увидеть место, где разворачивалась история, которой сопереживала вся страна.

Фогель назвал их хоррор-туристами.

Многие отправились в дальнюю дорогу всей семьей. Повсюду сновали дети, и в зале царила приподнятая атмосфера загородной прогулки. Под конец дня все увозили домой фотографии на память и впечатление, что они приняли участие, хоть и весьма косвенно, в медийном проекте, который потряс миллионы людей. И им было, в сущности, безразлично, что в сотне метров от них полицейские со служебными собаками и ныряльщики, не говоря уже о научных полицейских подразделениях, трудятся, чтобы найти хоть малейший след, хоть малейшее указание, способное пролить свет на судьбу пропавшей девочки. Все оказалось так, как и предвидел Фогель: шум, поднятый СМИ, убедил начальство махнуть рукой на урезанный бюджет и выделить ему те средства, в которых он нуждался. Было сделано все, чтобы не ударить в грязь лицом в глазах общества.

Спецагент сидел за тем же столиком, который занимал в день Рождества, когда он был единственным посетителем ресторана. Как обычно, он ел и одновременно делал пометки в черной записной книжке серебряной ручкой. Пометки он вносил со всем тщанием.

Теперь на нем был серо-зеленый твидовый костюм с темным галстуком. Такая элегантность шла вразрез с одеждой прочих клиентов. Но так и было задумано. Ему сейчас нужно было подчеркнуть разницу между собой и тем шумным и разношерстным людом, что толокся вокруг. Чем больше он наблюдал за посетителями, тем больше удостоверялся, что выглядит весьма значительно.

Все уже позабыли об Анне Лу.

Безмолвная героиня истории отошла на задний план. Зато ее молчание послужило поводом для болтовни остальных. Все хотели что-нибудь сказать о ней, о ее короткой жизни. Высказывались и СМИ, и простые люди – на улице, в супермаркете, в барах. Высказывались без всякого стеснения. Фогель и это тоже предвидел. В определенный момент срабатывал некий странный механизм, и реальные события превращались в сериал.

Преступления совершаются примерно каждые семь секунд.

Однако лишь мизерной их части посвящают газетные статьи, выпуски телевизионных новостей и бесконечные ток-шоу с продолжением. И к этой ничтожной части подключат экспертов-криминалистов и психиатров, ради нее побеспокоят психологов и даже философов. Будут изведены реки чернил, забиты многие часы телеэфира. И все это растянется на недели, если не на месяцы. А повезет – то и на годы.

Но главное, о чем никто не говорит, – так это то, что преступление может породить настоящих невежд.

Хорошо пересказанное преступление давало блестящие результаты, выряжаясь языком широкой публики, и приносило транслирующим компаниям миллионы от спонсоров и рекламодателей. Затраты минимальны: корреспондент, телекамера и оператор.

Если же какое-либо громкое преступление – убийство или необъяснимое исчезновение – происходило в малонаселенном «медвежьем углу», то за месяцы репортажей СМИ в этих местах растет количество посетителей, а следовательно, они начинают богатеть.

Никто не может сказать, почему тема преступления оказалась вдруг более привлекательной, чем любые другие. Но все согласны, что что-то в этом есть.

Фогель обладал чрезвычайно развитой интуицией, у него на такие случаи был просто нюх, благодаря которому он и прославился.

Только *дело Мучителя* не принесло ему известности.

Полученного урока ему не забыть. Однако, учитывая, какой резонанс получило дело об исчезновении Анны Лу, ему наконец представился случай отыграться.

Но стало очевидно, что все пойдет вовсе не по тому сценарию, что сложился у него в голове. За последующие дни паломничества к дому Кастнеров произошло несколько печальных эпизодов.

Жители Авешота поначалу восторженно отнеслись к паломникам, а потом начали вдруг отгораживаться от них. Выражаясь языком операторов, произошла «естественная засветка»[2]. Журналисты норовили влезть в

личную жизнь каждого. А поскольку пока никаких ответов на вопросы расследования никто не получил, то люди заподозрили, что эти ответы кроются среди них, в их домах.

Пока о прямом обвинении речи не было, но все шло к тому.

В Авешоте вообще с подозрением относились к чужакам, а уж то, что ты стал объектом скрытой деятельности, которая тебя же может и обесчестить, вызвало уже прямое недоверие. В особенности у членов братства. И они все разом прекратили общение с журналистами.

Вначале горожане стали прятаться от объективов телекамер, потом грубо, иногда просто сердито начали отвечать на вопросы репортеров. В такой накаленной атмосфере, чреватой взрывом, было неизбежно, что кому-то придется поплатиться.

Поплатился какой-то молодой парень, приехавший в городок на заработки. Его единственной виной, вернее, легкомыслием было заговорить с местной девушкой, просто ее о чем-то спросить. К несчастью для него, это увидели посетителя бара. Ему стали угрожать, а потом перешли к действиям и изрядно намяли бока.

После обеда Фогель, воспользовавшись хорошей погодой и зимним солнышком, направился в школьный спортзал пешком и заметил, что на площади перед школой его ожидает прокурор Майер.

Судя по ее виду, визит не сулил ничего хорошего.

Она решительно пошла ему навстречу, громко стуча по асфальту каблуками, и бросила ему обвинение:

– Нельзя было приезжать сюда с тем, чтобы посеять подозрение в головах этих людей, и при этом полагать, что ничего особенного не случится.

– Они все сделали без меня, сами, – возразил Фогель.

Когда он появился в долине, то оказался перед сообществом людей скорее смущенных, чем испуганных. Здесь, среди гор, они были уверены, что зло мира их не коснется. Они не привыкли жить в условиях неопределенности. И теперь они все еще были убеждены, что зло пришло к ним извне. Однако где-то в глубине сознания у них зародилось подозрение, что зло всегда гнездилось в них самих, таилось в тишине, как болезнь. Фогель знал, что вот это больше всего и наводит на них ужас.

– Случилось то, чего я больше всего боялась, – сказала Майер. – Вы таки устроили спектакль.

– Вам известен хоть один случай побега подростка из дома, когда об этом не узнали бы все через несколько дней?

Вопрос спецагента прозвучал как вызов.

– Вы прекрасно знаете, что мы должны исключить эту вероятность и сосредоточиться на другом. Здесь речь идет не о сбежавшей из дома девочке, это вы понимаете?

Фогель категорически потребовал, чтобы Майер ничего не сообщали о мальчишке со скейтом, которого заметили несколько дней назад возле дома Кастнеров.

– Даже если согласиться, что за всем происшедшим стоит некто ответственный за преступление, это не дает вам права вовлекать в расследование население Авешота, внедрив сюда съемочную группу и фотографов. А их привлекли именно вы, не отрицайте.

У Фогеля не было желания выслушивать эти претензии. День выдался хороший, а прогулка от ресторана до спортзала зарядила его новой энергией. Он повернулся к прокурору спиной и пошел прочь, потом, словно передумав, остановился и сказал:

– Ни одного крика.

Удивленная Майер воззрилась на него, ничего не понимая.

– Анна Лу даже не вскрикнула, когда ее похищали. Ели бы она закричала, ее услышали бы соседи. Мне достаточно было похлопать в ладоши, чтобы привлечь внимание. Несколько хлопков – и все высунулись в окна.

– То есть вы настаиваете, что девочка последовала за кем-то добровольно?

Фогель помолчал, позволяя этой мысли самостоятельно проникнуть в голову прокурора.

– Она кому-то доверилась и видела этого «кого-то» в лицо, – сказала Майер. – И если она видела его лицо…

Фогель закончил фразу:

– Если она видела его лицо, то Анна Лу уже мертва.

Потом выдержал долгую паузу.

Выражение лица прокурора стало меняться. Гнев сменился растерянностью и ужасом.

– Мы можем дожидаться событий, а можем их предотвратить, – заключил Фогель. – Вы что предпочитаете?

На этот раз спецагент ушел уже всерьез. Майер несколько мгновений постояла в неподвижности, потом чье-то покашливание заставило ее обернуться.

За углом здания стояла Стелла Хонер. Она, притаившись, курила сигарету и все видела и слышала.

– Если публика узнает о моих грешках – мне конец, – сообщила она шутливым тоном, бросила окурок на землю и затоптала его кончиком туфли. – Женщине вообще трудно пробиться, не находите?

И вдруг посерьезнела:

– Он, конечно, говнюк, но свое дело знает… Такие случаи редко попадаются в карьере женщины-прокурора.

Майер молча проследила за ней глазами, когда Стелла прошла мимо нее, но ничего не сказала.

В спортзале, переоборудованном в оперативный пункт, все бурлило. Количество полицейских выросло раз в пять. На месте ученических парт теперь стояли настоящие столы с компьютерами и телефонами, которые непрерывно звонили. Старую школьную доску заменили на широкий белый экран видеопроектора. Большой стенд заполнили отчеты, фотографии и результаты научных экспертиз. В середине зала появился макет долины, на котором раз за разом отмечали зоны, прочесанные поисковыми отрядами, которые работали круглосуточно благодаря специальной аппаратуре ночного видения.

– Синьор, ребята из альпийского подкрепления только что закончили обследовать ущелья на севере долины, – докладывал офицер в штатском агенту Борги, который отвечал за поисковые мероприятия.

– Хорошо, теперь пусть отправляются на восток, – скомандовал молодой полицейский.

Потом обернулся к агенту, который сидел за столом и принимал многочисленные звонки:

– Что там с вертолетом, который мы запрашивали?

– Говорят, будет здесь к полудню, – отозвался тот, на минуту оторвавшись от трубки.

– Они и вчера так говорили. Звони им непрерывно и не слезай с них, пока не скажут точное время прибытия.

– Есть, синьор.

Вертолет был очень нужен, и Фогель его уже давно запросил. Он обеспечивал куда более впечатляющую мизансцену, чем вид своры гончих, рвущихся в погоню. К тому же его было бы видно с любой точки долины. Телеоператоры весь день сходили бы с ума, гоняясь за ним. Теперь Борги полностью принял стратегию спецагента. Однако, отмечая на макете прочесанные поисковиками участки, он признавался себе, что вся стратегия и все усилия пока были впустую. Кроме парня со скейтом, у них не было ни одной конкретной зацепки. Как не было и никаких следов Анны Лу

Кастнер.

Агент подошел уже к макету, но остановился. Он что-то увидел. Подозвав одного из проходивших мимо людей, он указал на дверь пожарного выхода:

– И давно он здесь?

Полицейский обернулся и тоже заметил Бруно Кастнера, который стоял возле стены и держал в руках что-то вроде письма. Он потерянно и робко оглядывался по сторонам, словно ждал, чтобы его кто-нибудь заметил.

– Не знаю, – ответил полицейский. – Может, уже час.

Борги не стал больше разговаривать и шагнул к Бруно:

– Здравствуйте, синьор Кастнер.

Тот вместо приветствия кивнул.

– Могу я что-то сделать для вас?

Высокий и массивный Бруно казался совсем растерянным. Он не мог найти слов. Борги решил ему помочь – подошел и положил ему руку на плечо, чтобы успокоить:

– Что-нибудь случилось?

– Дело в том… Я хотел бы поговорить с агентом Фогелем, если можно.

Борги почувствовал, что эта просьба неспроста. Она напоминала мольбу о помощи. У него в голове снова прозвучали слова Фогеля: «Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать».

– Конечно можно, – сказал он. – Пойдемте, я вас провожу.

В раздевалке, где ему оборудовали кабинет, Фогель сидел, положив ноги на край стола, и внимательно изучал какие-то бумаги. По губам его время от времени пробегала улыбка.

Документы не были отчетами полицейских, это были данные от телевизионщиков.

Каждый день ему высылали рапорт о рейтинге популярности ток-шоу и тех каналов, которые следили за делом Анны Лу Кастнер, а также отчет о том, что происходит в Интернете. Они выиграли по двум позициям. «Ладно, – сказал он себе, – известия об исчезновении все еще в числе самых популярных. К тому же это дело пока в списке „трендовых топов“ в социальных сетях и его широко комментируют во всех блогах».

Позиции принадлежали им, и публика пока не устала от новостей. Но Фогель знал, что, если не удастся в ближайшее время бросить СМИ другую кость, внимание ослабеет и переключится на более смачные новости хроники.

Публика – зверь свирепый. И всегда голодный.

Услышав, что в дверь раздевалки постучали, Фогель снял ноги со стола и убрал документы в ящик.

– Войдите! – сказал он и увидел на пороге агента Борги.

– Пришел отец девочки. У вас найдется минута?

Фогель жестом попросил пригласить посетителя. Вскоре Бруно Кастнер вошел в комнату вместе с Борги, по-прежнему сжимая в руках какой-то конверт.

– Прошу вас, синьор Кастнер, – приветствовал Фогель, поднимаясь ему навстречу.

Он усадил Бруно на скамью перед шкафчиками для одежды и сам устроился рядом. Борги остался стоять у двери, скрестив руки на груди.

– Мне не хочется вас беспокоить, – начал Кастнер.

– О, вы меня ничуть не побеспокоили.

– В тот вечер, когда она исчезла, меня не было дома, я был далеко, у заказчика. И я не перестаю думать, что, будь я тогда дома, всего этого можно было бы избежать. Когда жена позвонила мне, что Анна Лу не вернулась домой, я какой-то частью своего существа все понял.

– Напрасно вы себя казните, – попробовал его успокоить Фогель.

Однако не сказал Бруно, что его алиби уже проверили и вычеркнули его из списков подозреваемых.

– Мы слышали все, что говорили по телевизору, – продолжал Кастнер. – Скажите, это верно, что кто-то похитил мою Анну Лу? Вы в это верите?

Фогель прикрыл глаза, изобразив самый сочувственный взгляд, однако быстро скользнул глазами по конверту.

– Не стоит верить всему, что говорят журналисты.

– Но ведь вы кого-то ищете? Хотя бы это вы можете мне сказать?

Фогель и на этот раз ответил уклончиво и беспредметно:

– Опыт говорит, что родителям лучше не знать, как идет следствие. Поскольку мы держим во внимании множество ниточек и ни одну из них не выпускаем из виду, это может привести к неразберихе в идеях.

Он хотел прибавить: «И породить напрасные надежды».

Бруно Кастнер не стал настаивать. Он принялся возиться с конвертом, потом вскрыл его и что-то вытащил. Фогель и Борги обменялись вопросительными взглядами.

В конверте оказалось фото. Его дочь с улыбкой позировала вместе с лучшей подругой.

Кастнер протянул фотографию Фогелю, который, ничего не понимая,

на него уставился.

– Я мучаюсь уже столько дней… – проговорил Бруно, стиснув руки, так что костяшки пальцев побелели. – Ну почему она? Ведь Анна Лу совсем… некрасивая.

«Это утверждение стоило ему немалого труда», – подумал Борги. Какому отцу придет в голову говорить такие вещи о своей маленькой принцессе? Этот человек, видимо, отчаянно пытался найти объяснение.

Фогель заметил, насколько велика разница между двумя девочками. Одна выглядела как взрослая женщина, другая – как девчонка. Потому ее и выбрали. Вот что надо бы сказать отцу. Неприметная девочка, за ней можно было наблюдать на расстоянии, не возбуждая подозрений. Такую запросто можно похитить зимним вечером почти у самого дома, и никто обратит внимания. Но Фогель, заметив, как бессильно повисли мощные плечи здоровяка, вдруг понял, что тут кроется еще что-то.

– Я сделал одну вещь, которой до сих пор стыжусь, – еле слышно сказал Бруно Кастнер.

Все это очень походило на начало исповеди.

– Вторую девушку на фото зовут Присцилла. Однажды я искал номер ее телефона в мобильнике Анны Лу… и набрал номер. Как только она отвечала, я вешал трубку. Думаю, она не догадалась, что звонил именно я. Сам не знаю, зачем я ей звонил.

Фогель и Борги снова переглянулись, на этот раз с тревогой. По лицу Бруно Кастнера, осунувшемуся за последние дни, вдруг побежала слеза и добралась до самого подбородка. Он как-то по-детски всхлипнул и провел ладонью под носом.

Тогда спецагент крепко взял его за руку и помог встать:

– Почему бы вам сейчас не пойти домой? Давайте забудем эту историю. Мне кажется, так будет лучше.

Фогель сделал знак Борги, чтобы тот проводил Кастнера.

Тот подошел, но Бруно Кастнер еще не договорил.

– Моя жена очень верующая… Братство… Трудно быть идеальным отцом и мужем рядом с такой несгибаемой прямолинейностью. Знаете, порой я ей завидую. Мария никогда не колеблется, никогда не сомневается. Даже сейчас, когда все это случилось. Более того, она считает, что страдание нам предначертано Богом и эта история – часть предначертания. Но что это за страдание? Мы должны плакать, но о чем? Если бы кто-нибудь нам сказал, что Анна Лу умерла, тогда была бы ясность. А так… Я был недостойным отцом, я должен был заниматься ею, защищать, а я… проявил слабость. Я впал в искушение.

– Я уверен, что вы хороший отец, – попробовал подбодрить его Фогель, но исключительно для того, чтобы тот прекратил это самобичевание.

Если пронюхают СМИ, его просто-напросто распнут. Вина Бруно Кастнера смехотворна, но из него быстро сделают отца, который пристает к девочкам. Монстра сделают. И тому образу семейного совершенства, который создал Фогель, это явно пользы не принесет. И отвлечет внимание от настоящего преступника, кто бы он ни был.

– Был еще мальчик, – выдохнул Бруно, уже идя к выходу.

Фогель насторожился:

– Какой мальчик?

Бруно Кастнер заговорил, опустив глаза:

– Мать не разрешала ей с ним встречаться, потому что он не был членом братства. Но он, наверное, нравился Анне Лу.

– Что за мальчик? – настаивал Фогель.

– Я не знаю, кто он, но часто видел его возле нашего дома. У него куртка с черным капюшоном и скейт.

Борги встревожился от такого неожиданного открытия.

А Фогель рассердился:

– Почему вы нам об этом говорите только сейчас?

Бруно наконец поднял на него глаза:

– Потому что трудно указывать на кого-то пальцем, когда думаешь, что Бог хотел покарать тебя за твои собственные грехи.

31 декабря
Восемь дней после исчезновения

Мальчишку со скейтом звали Маттиа.

Полиция установила это еще за несколько дней до того, как Бруно Кастнер явился к Фогелю облегчить душу.

Не прошло и двенадцати часов с начала паломничества к дому Анны Лу, как он стащил одного из плюшевых котят, которых люди стали приносить к порогу. Розового.

Однако Фогель утаил новое направление в следствии. Ни имя мальчика, ни происшествие с котенком ни в коем случае не должны были попасть в поле зрения журналистов. Это могло подвергнуть опасности результаты дальнейшего расследования.

Спецагент знал, что журналисты постоянно пытаются покупать информацию, и боялся, что кто-нибудь из местных полицейских соблазнится перспективой получить рождественский подарок и согласится заработать мизерное вознаграждение. Но он быстро успел пресечь любую подобную инициативу, вселив в своих людей страх разоблачения. Было достаточно сказать им, что любая утечка информации повлечет за собой увольнение.

Маттиа, как и Анне Лу, было шестнадцать лет. Но история его осложнялась проблемами.

– Я говорил с психиатром, у которого он наблюдается, – докладывал Борги о результатах последних поисков. – Имя врача – Флорес, он наблюдает мальчика в течение девяти месяцев, с тех самых пор, как они с матерью поселились в Авешоте. Кажется, за последние годы семья много скиталась. Причина частой смены мест одна: отклонения в поведении, которыми страдает мальчик.

– Объясните точнее, – попросил Фогель, который очень заинтересовался.

Борги заглянул в свои записи:

– У мальчика нелюдимый характер, он не способен к общению и интеграции в коллективе. Кроме того, у него бывают приступы неожиданной агрессии. Везде, где они раньше жили с матерью, он успевал что-нибудь натворить. Либо проявлял агрессию по отношению к другому подростку, либо у него случались неконтролируемые вспышки гнева. Это

происходило с ним и на людях: однажды в магазине он принялся крушить все без разбора. И каждый раз мать была вынуждена все бросить и уехать.

«Возможно, она считала, что это лучшее средство для мальчика», – сказал себе Фогель. Она думала, что радикальная перемена места и привычек сможет подействовать благотворно. Но на самом деле это приводило только к ухудшению. Может быть, оттого, что мать стыдилась или чувствовала себя виноватой перед сыном, который вырос без отца, но постоянные переезды стали для них нормой жизни.

– Раньше Маттиа наблюдался в институте, – продолжал молодой агент. – Флорес сказал мне, что сейчас мальчик принимает лекарства, чтобы держать под контролем агрессивность.

Узнав о беспокойном прошлом Маттиа, Фогель подумал, что тайна исчезновения Анны Лу Кастнер вот-вот откроется.

До этого момента им удалось узнать о мальчике совсем немного. Его мать пробавлялась незавидными скудными заработками: была уборщицей в какой-то фирме, а по вечерам судомойкой в одном из немногих ресторанов Авешота. Они с сыном жили в скромном доме на окраине местечка. Фогель велел установить за ними негласное наблюдение.

Маттиа больше нигде не было видно.

Он исчез, не оставив следов, как и Анна Лу Кастнер. Но обстоятельства его неожиданного исчезновения были иные.

Мать продолжала вести обычную жизнь, каждый день уходила на работу и возвращалась вечером как ни в чем не бывало. Об исчезновении мальчика она никого не сочла нужным известить. Это говорило о том, что мальчик прячется, а она его покрывает. Значит, он в очередной раз что-то натворил. И это не просто драка с одноклассником. Это кое-что похуже.

Направленные микрофоны, установленные вокруг их обиталища, не фиксировали никаких звуков в доме в отсутствие матери. Фогель пока не производил обыска, потому что это могло насторожить женщину. Но установил за ней слежку, в надежде, что она приведет их к сыну.

Но этого не произошло.

Где бы ни был Маттиа, он не мог скрываться долго, без еды, в условиях, когда полиция пядь за пядью прочесывает территорию в поисках Анны Лу. Фогель это знал, а потому предпочел дождаться, пока мальчишка сам выйдет из тени.

Ныряльщики обследовали очистной колодец для сточных вод неподалеку от шахты. Судя по карте, которую Борги раздобыл в муниципалитете, таких колодцев было около тридцати, одни еще

действовали, другие уже закрылись, и это не считая тех, что не внесены в список. Кроме того, вся долина была изрезана настоящей паутиной подземных галерей.

Они прекрасно подходили, чтобы спрятать тело. И чтобы их все обследовать, потребовалась бы вечность.

Небо тяжелой чугунной глыбой повисло между гор. Словно огромные тиски, оно медленно сжималось, грозя раздавить все под собой. Борги притормозил в нескольких метрах от того места, где работали ныряльщики. Он наблюдал за ними сквозь конденсат, осевший на ветровое стекло. Тишина внутри салона и тонкая пелена на стекле сообщали всей сцене какой-то ирреальный вид. Как в сказке. Как в страшной сказке, где конец обязательно будет печальный.

Агент не возлагал на эти поиски больших надежд. Ныряльщики по очереди опускались в грязную воду, а потом выныривали через пятнадцать минут, тряся головой. И этот балет продолжался непрерывно.

Машина стояла в чистом поле. Утренний холод пробирал до костей. Борги сложил руки лодочкой и подул в середину, чтобы их согреть. Но легче стало лишь на миг. Впервые с начала расследования он почувствовал неудовлетворенность. Что-то ему подсказывало, что они никогда не доберутся до конца и от Анны Лу Кастнер останется только имя в списке пропавших без вести и без причины.

Пройдет время – и людей словно и не было на свете.

Но его смущало и раздражало еще одно обстоятельство. У него не шло из головы то, что Фогель сказал еще на первом брифинге: в адресной книге мобильника Анны Лу было всего пять контактов.

Мама, папа, бабушка с дедушкой и приходская церковь.

Спецагент продиктовал эти данные, чтобы подчеркнуть, что поведение девочки было вне всяких подозрений. Этот короткий список служил мерилом ее жизни, ее мира. Мерилом чего-то простого и понятного, без тайн, без уверток. Все как на ладони.

Мама, папа, бабушка с дедушкой, приходская церковь.

Весь мир Анны Лу сосредотачивался в этих местах, на этих именах. Очевидно, была еще школа и была конькобежная дорожка. Но то, что для нее было главным, заключалось в этом коротком списке. Она привычно звонила по этим номерам, а когда нуждалась в помощи, тоже их набирала.

Однако вчерашний визит Бруно Кастнера заронил в него сомнение. Подозрение возникло, когда он увидел снимок, принесенный Бруно.

Анна Лу рядом с лучшей подругой по имени Присцилла.

Все это время следствие было зациклено на другом. Они изобретали

всяческие фокусы, чтобы заинтересовать прессу и получить финансирование. Потом они получили ресурсы и смогли интенсифицировать поиски. Им удалось идентифицировать мальчика со скейтом, и теперь они ведут за ним секретную охоту. Но никому не пришло в голову пойти и поговорить с этой девушкой, с Присциллой, и установить, не знает ли она чего-нибудь такого, что могло бы им помочь. Мотив был прост, и дело тут не только в рассеянности.

Мама, папа, бабушка с дедушкой и приходская церковь.

Если Присцилла, по словам Бруно Кастнера, была лучшей подругой Анны Лу, то почему в адресной книге не было ее номера?

Борги протер рукавом пальто ветровое стекло и завел мотор. Пришло время получить ответ.

Авешот готовился серьезно и трезво встретить Новый год. Жители городка будут отмечать его по домам, потому что мэр отменил все намеченные общественные мероприятия.

– Праздника не получится, если хотя бы малая часть населения не сможет праздновать со всеми вместе, – заявил он журналистам.

За этими словами последовало взволнованное молчание.

В последние дни первый человек в городе был очень деятелен и изо всех сил старался создать в глазах СМИ положительный образ обитателей долины. Чтобы заткнуть рты клеветникам, он даже набрал волонтеров в помощь поисковым отрядам. И те обследовали окрестные леса бок о бок с полицейскими.

В тот день, ближе к вечеру, мэр принял участие в богослужении в зале собраний братства. Община в очередной раз молилась о возвращении Анны Лу. Кастнеры тоже присутствовали.

Сидя в машине, Борги видел, как они вышли из зала собраний, как всегда в окружении братьев и сестер по общине, которые защищали их от назойливых журналистов и фотографов, пытавшихся добыть хоть фразу, хоть изображение их общей беды. Но агента интересовало совсем другое.

Она вышла в числе последних. Присцилла была одета в зеленую парку и непромокаемые военные ботинки, волосы ее были подобраны, а на носу сидели солнечные очки, хотя небо покрывали облака. Наряд неброский, но девушка все равно была очаровательна. Рядом с ней шла женщина, и их несомненное сходство говорило о том, что это ее мать. Обе шли, не обращая внимания на объективы камер и микрофоны, нацеленные и на членов религиозной общины. Мать держалась в середине своих собратьев, а Присцилла чуть отстала, словно стремилась соблюсти дистанцию. Она

все время поглядывала по сторонам, контролируя ситуацию. В определенный момент, воспользовавшись давкой, она отделилась от группы и пошла в другом направлении.

Борги видел, как она свернула за угол и села в спортивную машину, которая ее явно поджидала. За рулем сидел какой-то парень.

Немного погодя он нагнал их на площадке за городским кладбищем. Агент остановился метрах в ста от их машины. С этой позиции ему было видно, как оба принялись сбрасывать одежду и целоваться с таким неистовством, что вряд ли могли заметить, что за ними наблюдают. Решив, что достаточно нагляделся, Борги открыл окно и поставил на крышу своей машины проблесковый маячок. А потом его зажег и коротко просигналил сиреной.

Перепуганная парочка замерла.

Борги медленно подъехал, дав им время одеться. Поравнявшись со спортивным авто, он заглушил двигатель, вылез из машины и пошел им навстречу. Подойдя к водительскому окошку, он угрожающе улыбнулся и сказал:

– Привет, ребята.

– Добрый день, агент. Какие-то проблемы?

Мальчишка пытался держаться спокойно. Несмотря на все его нахальство, было видно, что он здорово обделался.

– Я так полагаю, ты без спроса взял отцовскую машину, парень. И сдается мне, что до водительских прав ты еще не дорос. Так или не так?

Это была дежурная фраза патрульных полицейских. На самом деле он хотел подчеркнуть, что даже если у парня и есть права, то его пассажирка – несовершеннолетняя.

– Послушайте, мы не сделали ничего плохого, – принялся глупо оправдываться парень, и голос у него дрожал.

– Хочешь поупрямиться, мой мальчик?

Теперь Борги заговорил голосом полицейского, потерявшего терпение.

Чтобы не дать этому придурку сморозить еще какую-нибудь глупость, Присцилла тоже подалась к окошку:

– Прошу вас, агент, не говорите ничего моей матери.

Борги пристально на нее посмотрел и немного помолчал, сделав вид, что взвешивает все «за» и «против».

– Хорошо, но я сам отвезу тебя домой.

Пока они петляли по улицам местечка, Борги успел ее разглядеть. Она была мала ростом, но военные ботинки делали ее выше. Одно ухо, проколотое в трех местах, украшали три разноцветных гвоздика, глаза

слегка подведены, лицо милое и мягкое. Под зеленой паркой и черной водолазкой обозначалась маленькая крепкая грудь, колготки в цветочек были порваны над коленом. Запах сладкого земляничного дезодоранта мешался с запахом пота, сигаретного дыма и мятной жвачки. В общем – типичный подросток.

Борги нужно было выудить у нее кое-какую информацию. Он ее порядком напугал, и теперь она на время стала более уязвимой. Он знал, что Присцилла будет говорить искренне, чтобы не усугубить свое положение.

– Что ты можешь сказать об Анне Лу?

– А что вы хотите узнать?

– Ведь ты ее лучшая подруга, верно?

– По-моему, она была человеком на своем месте, с ней все было в порядке.

Девочка глядела на дорогу и грызла ногти, покрытые розовым лаком.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ребята в нашей школе любят трепаться. Кое-кто болтает, что у нее были секреты. А на самом деле она ко всем хорошо относилась и никогда ни на кого не злилась.

– А что за секреты?

– Болтали, что она путалась в округе со старшими парнями. Чушь собачья, гадость.

– Вы ведь часто гуляли вместе? Что ей нравилось больше всего?

– Мать ей разрешала гулять только со мной. Да и что в Авешоте делать по вечерам? И потом, ей позволяли видеться со мной только сразу после школы, когда мы шли ко мне делать уроки.

– Но вы же учились в разных классах, – заметил Борги.

– В разных. Но мы все равно вместе делали уроки, потому что Анна Лу здорово соображала в математике и мне помогала.

– А как ты думаешь, у нее был парень?

Присцилла прыснула со смеху:

– Парень? У нее? Нет, конечно.

– Но ей кто-нибудь нравился?

– Нравился. Моя кошка.

Она снова рассмеялась. Но Борги не оценил шутку, и она снова посерьезнела:

– Анна Лу была другая, ей было неинтересно нравиться мальчишкам или беситься с девчонками.

– Значит, кроме одноклассников, она виделась только с тобой.

– Да.

Присцилла явно хотела казаться тем человеком, которому Анна Лу доверяла больше всех. Может, чтобы отвести от себя подозрения, подумалось Борги.

– Как по-твоему, что с ней случилось?

Присцилла помолчала.

– Не знаю. Болтают много. Например, что она сбежала. Но я не верю.

– Может, что-то случилось, но она тебе не рассказала.

– Не может быть. Если бы что-нибудь случилось, она бы сказала обязательно.

Врет, и Борги был в этом уверен.

– Даже после того, как вы поссорились?

Это утверждение ее явно поразило. Она резко повернулась к нему и пристально на него посмотрела:

– А вы откуда знаете?

Борги не сказал ей, что догадался, почему Анна Лу удалила ее номер из своего мобильника. Он затормозил и припарковался возле тротуара. Потом выключил двигатель: ему надо было хорошо видеть ее лицо.

– Это останется между нами. Но я хочу знать правду.

Присцилла снова принялась грызть ногти.

– Я никому не говорила, потому что мне хватает скандалов с матерью, – сказала она, словно защищаясь. – Когда испарился мой последний отчим, мать целиком сосредоточилась на братстве. Это уже шестой или седьмой ублюдок, который ее бросил. Обычно это нищие голодранцы, она их подбирает, как бездомных собак, приводит их в человеческий вид, а они потом смываются, даже спасибо не сказав. Теперь она всем рассказывает, что братство ее спасло, а она, значит, хочет спасти меня. Она говорит, что ее Иисус любит, а для меня Он типа вообще никто. Я с ней хожу на все собрания братства, чтобы успокоить, но меня лично религия не интересует.

– Анна Лу была для тебя прикрытием, верно? Пока ты с ней дружила, мать к тебе не цеплялась. Потому ты ничего и не сказала о вашей ссоре, иначе худо бы тебе пришлось.

Присцилла гордо тряхнула головой:

– Я не какая-нибудь там, я действительно хочу добра Анне Лу. Но это верно, до того как она исчезла, мы с ней недели две не разговаривали.

Борги посмотрел на нее:

– Почему?

– Да вы не подумайте, ничего такого, – решительно сказала девочка. –

Поссорились просто так, не из-за чего. Просто я ей открыла глаза на то, что происходит.

– А именно?

– Да так, ходил тут за ней один неудачник.

Маттиа, сразу подумал Борги.

– Ты его знаешь?

– Конечно, он учится в нашем классе. Его зовут Маттиа, он ни с кем не разговаривает, и с ним никто не хочет иметь дела.

– Так чего же он ходил за Анной Лу?

– Не знаю. Может, она ему нравилась, а может, она просто была единственная, кто с ним словом перекинулся. Но она тем самым его поощряла, и я ей сказала, что это не дело. Анна Лу никогда не стала бы его девушкой, а этот придурок, похоже, вообразил себе невесть что и не отставал от нее ни на шаг.

Борги начал кое-что понимать, но Присцилла, по своему обыкновению, сказала не все.

– В общем, ты ее предупредила, а она тебя не послушала. Но это еще не причина, чтобы разорвать дружбу.

Девочка почувствовала, что к ее словам отнеслись скептически, и решила выложить все:

– Ладно. Произошло еще кое-что. Этот тип однажды, как обычно, болтался рядом с нами и старался, чтобы мы его не заметили, но старался уж больно неуклюже. Я к нему подошла и сказала пару ласковых… Я ждала, что он как-то отреагирует, начнет возникать. А он посмотрел на меня, как напуганный щенок, и ничего не сказал. А потом обоссался.

– Обоссался? – переспросил агент.

– Говорю вам, так и было. Я увидела, как у него по брюкам стало расползаться темное пятно, на уровне трусов. А потом у него под ногами натекла грязная лужа. Просто не поверите, какой придурок.

Борги вздохнул и покачал головой. «Подростки, – подумал он. – Ну и дела!»

– И Анна Лу решила, что во всем виновата ты.

– А что мне было делать? Она даже сплела ему браслет из разноцветных бусинок. Хотела подарить. И после этого она на меня рассердилась, сказала, что я его унизила и она больше не хочет со мной разговаривать.

Борги понял, что недооценил Анну Лу. Он-то ее считал человеком слабым и податливым. А она, наоборот, обладала решимостью и при случае умела восстановить справедливость. Она наказала Присциллу за

бессмысленную жестокость. Спросить девочку, не считает ли она Маттиа причастным к исчезновению, он не мог. Было очевидно, что Присцилла его и не думала подозревать. Она ведь не знала, что тот самый мальчик, что перед ней наделал в штаны, когда-то имел проблемы из-за неконтролируемых приступов ярости. А потому он просто спросил:

– А почему ты считаешь, что Маттиа мог представлять опасность для Анны Лу? Ну ладно, он за ней ходил по пятам, но я не понимаю…

– Он ходил за ней с видеокамерой.

В восемь вечера теленовости транслировали репортажи о новогодних праздниках в разных регионах страны. Но настал момент и для хроники, и журналисты показали небольшой темный дом в жилом квартале маленького горного городка, где родители все еще пребывали в тревоге о судьбе дочери.

Такая смесь сладких и горьких нот и составляла победительную силу СМИ. Фогель это хорошо знал.

Телевизор в гостиничном номере был включен, но никто его не смотрел. А вот радио, напротив, сопровождало спецагента даже в ванной. Фогель в халате стоял перед зеркалом и кисточкой наносил на брови темную краску. Осторожно, медленно… Эту процедуру он выполнял, приоткрыв рот. Движение было непроизвольным, но из-за него отражение лица в зеркале делалось очень смешным.

Шкаф рядом с кроватью был распахнут, и виднелись висящие в рядок элегантные костюмы, которые Фогель взял с собой, словно собирался провести в Авешоте не один меяц. Каждый висел на отдельной деревянной вешалке, и рядом с ним мешочек с сухой лавандой, чтобы отпугивать моль и сохранять ткань свежей. К одной из створок двери был привинчен рейлинг с шелковыми, шерстяными и кашемировыми галстуками. Рисунки на всех были разные, но Фогель расположил их согласно цветовой гамме. В нижнем обувном отсеке находились ботинки, пять пар. Все облегающие, итальянских или английских фирм, ручной работы, начищенные до блеска. Один к одному, как солдаты на плацу.

Это была всего лишь часть гардероба, хранящегося у Фогеля. Он являл собой плод страсти и многолетних поисков. Каждый из костюмов имел свой запах, ибо платочек, торчавший из нагрудного кармашка, тщательно спрыскивался одеколоном. В этом спецагент был маньяком. А количество его рубашек и коллекция запонок граничили с одержимостью.

Он презирал коллег, которые позволяли себе выйти из дому небрежно одетыми. И дело не сводилось только к внешнему виду или вульгарному

тщеславию. Для него одежда была чем-то вроде рыцарских доспехов. Она символизировала силу, дисциплину и уверенность в себе.

Однако в этот вечер костюмы так и останутся висеть в шкафу, ибо у Фогеля не было ни малейшего желания выходить из дому. За окном собиралась непогода, и он решил от нее укрыться и, по обыкновению, встретить Новый год в одиночестве. Он заказал себе легкий ужин и откупорил бутылку каберне из собственных погребов, которую загодя положил в чемодан.

И пока он, стоя в ванной, предвкушал ожидавший его приятный вечер, в голове складывались итоги расследований.

Анна Лу знала похитителя. И потому пошла за ним, не оказав сопротивления.

Она почти наверняка мертва. Взять ее в заложницы было слишком сложной задачей, в особенности если похититель действовал один. Скорее всего, он ее убил сразу после похищения. Может быть, она прожила всего несколько часов.

Девочка чувствовала, что для матери надо завести поддельный дневник. Но какова судьба настоящего? И что за тайну он хранил?

Зазвонил мобильник. Фогель фыркнул, но проклятущий гаджет не унимался, и ему пришлось прервать наведение красоты и взять трубку.

– Маттиа снимал Анну Лу на видео, – выпалил Борги, даже не поздоровавшись.

– Что? – удивился Фогель.

– Он повсюду за ней таскался и снимал.

– Откуда вы это узнали?

– Мне сказала лучшая подруга девочки, но вечером я нашел и другие подтверждения. Похоже, некоторое время назад его засек патруль, когда он снимал парочки, удалявшиеся на свидания за кладбище.

«Блестящая новость», – подумал спецагент. Значит, не он один подвержен одержимости. Только одержимость Маттиа вызывает больше опасений, чем его, Фогеля, страсть к изысканной одежде. Он быстро обдумал новый сценарий, который разворачивался в свете этой важной новости, и принял решение.

– Наши постоянно наблюдают за домом мальчика?

– Там дежурят по два агента, которые сменяются каждые четыре часа. Но пока они не заметили ничего необычного.

– Скажите людям, чтобы покинули пост.

Борги помолчал.

– Вы уверены, синьор? Я думал, что, поскольку нынче последний

вечер года, Маттиа может воспользоваться всеобщей суетой и наведается домой пополнить запасы еды.

– Домой не пойдет, не такой он дурак, – ответил Фогель. – Я убежден, что он попытается встретиться с матерью. Она сегодня работает в ресторане.

Борги это не особенно убедило.

– Простите, – сказал он, – но я не понимаю, каков ваш план.

Но Фогелю не хотелось раскрывать свою стратегию.

– Делайте то, что я говорю, агент, – спокойно ответил он и прибавил: – Положитесь на меня.

Борги не стал больше задавать вопросов.

– Хорошо, – без особой уверенности сказал он.

«И на кой черт ему знать про мои планы», – подумал Фогель, раздраженно давя на кнопку прекращения вызова.

1 января
Девять дней после исчезновения

Едва миновала полночь последнего дня года, как Фогель уже ехал через город на служебной машине.

На улице ему попался только один запоздалый прохожий, видимо спешивший к кому-то на вечеринку. Сквозь освещенные окна спецагент видел, как люди обнимаются, смеются и радуются, провожая старый год и встречая новый. Смехотворные предрассудки. Он никогда не нуждался в праздничной компании. Освободиться от прошлого – всего лишь способ не признавать собственных поражений. А будущее, которое все с таким восторгом встречают, через двенадцать месяцев станет бесполезным отрезком времени, подлежащим забвению.

Фогель рассуждал, как журналист. Для него смысл имело только настоящее, и больше ничего. Одни его себе создают, другие просто плывут по течению. Он относил себя к первой категории, потому что умудрялся добиваться успеха в любой ситуации. А ко второй принадлежали такие, как Анна Лу, кому на роду написано стать жертвами и оплатить чужую славу.

Поэтому сейчас Фогеля Новый год не интересовал. У него были более важные дела. И, мчась по городу к своей цели, он достал мобильник и набрал номер, который знал наизусть.

Стелла Хонер отозвалась через два гудка.

– На линии, – коротко сказала она.

– На двадцать минут раньше всех, помнишь?

И Стелла поняла, что в эту ночь что-то произойдет.

Подъехав к дому, где жили Маттиа с матерью, Фогель остановил машину метрах в ста от него. Домик стоял на пригорке, окруженном заросшей, неухоженной лужайкой и забором, который давно требовал починки. В темноте светилось красноватым светом только одно окошко.

Спецагент сознавал, что снять наблюдение было недостаточно, потому что по всему периметру участка стояли микрофоны, которые улавливали малейший звук внутри дома. А потому надо было действовать чрезвычайно осторожно: никто не должен был догадаться, что он здесь. На такой случай у него тоже имелось запасное решение.

Он посмотрел на часы: ждать оставалось несколько минут. И тут, в

точности по прогнозу метеорологов, хлынул дождь. Перестук капель по земле и крышам домов заглушал все остальные звуки.

Фогель вылез из машины и быстро зашагал по немощеной тропинке. Дойдя до крыльца и спрятавшись под навесом, он стряхнул воду с пальто и осторожно поднялся на пару ступенек. Перед самым входом он вытащил из кармана пару латексных перчаток, чтобы не оставить отпечатков, и отвертку. Отвертка была нужна, чтобы снять замок. Это оказалось нетрудно. Дверь открылась, и спецагент, удостоверившись, что внутри никого нет, быстро проскользнул в дом.

Первое, что бросилось ему в глаза, – это бедность. Запах тушеной капусты и сырости. Старая, запыленная мебель. Белье, сохнущее на спинках стульев, грязные тарелки. Холод. Но во всем этом бедламе все-таки ощущалась любовь матери к своему невезучему сыну. Полицейский вполне мог прочувствовать страх этой женщины. Ужас оттого, что опять ничего не получается, что снова осечка, что все вот-вот рухнет с минуты на минуту. Потому что она понимала, что мальчик, которого она произвела на свет, опасен и для себя, и для окружающих. И знала, что ни лекарства, ни психиатры ничего с этим поделать не смогут.

Старые половицы заскрипели под тяжелыми шагами Фогеля, но барабанивший по крыше дождь приглушал звуки. И спецагент отправился осматривать немногочисленные комнаты.

В углу кухни, одновременно служившей гостиной, стояла печка. Это от нее исходил тот красноватый свет, который Фогель увидел через окно. Грела она слабо и не могла согреть даже одну кухню. Спецагент прошел мимо продавленного дивана в другую комнату. Там стояла двуспальная кровать с маленьким деревянным распятием над изголовьем. На стенах висели несколько подвесных шкафчиков, видимо заменявших большой гардероб, а дальше стены были голые. На стуле кучей валялись полотенца, возле ночного столика стояли домашние тапочки.

Третьей комнатой оказался совмещенный санузел. На щербатой плитке лежали стопки старых газет. Сливной бачок издавал какое-то тихое всхлипывание, – видимо, его давно пора было починить. Ванна была маленькая, с известковым налетом.

На этом весь дом и кончался, и Фогель спросил себя, где же спит Маттиа. Вряд ли в одной кровати с матерью. Может, на том диване, который стоит в гостиной. Он пошел обратно, чтобы лучше вглядеться, и увидел на коридорной стене незаметный прямоугольник. На фоне деревянной обшивки его было почти не видно.

Дверь.

Фогель подошел и толкнул ее ладонью. Дверь распахнулась, и он увидел каменную лестницу, ведущую вниз между стенами, явно выдолбленными прямо в скале, и похожую на вход в погреб.

Внизу было темно.

Фогель включил мобильник и, светя себе экраном, начал осторожно спускаться по крутым, сбитым по краям ступенькам. Он почувствовал легкий запах затхлости, но вокруг было сухо. Дойдя до конца лестницы, он посветил телефоном вокруг, чтобы понять, где находится.

Это был не погреб, а полуподвальный этаж. По обстановке Фогель догадался, что попал в комнату Маттиа. Вернее, в его нору.

Не было видно ни окон, ни вентиляции. А шум дождя здесь, в глубине, отдавался далеким, мрачным гулом. Как стон.

Справа у стены стояла раскладушка. На неубранной постели горой валялись одеяла. В этой комнате было гораздо холоднее, чем в остальной части дома, отметил про себя спецагент. Хотя, возможно, мальчик тут неплохо адаптировался, получив некоторую долю независимости.

Впереди Фогель увидел стол, а над ним на стене фотографии. Это были увеличенные кадры видеосъемки, и на каждом фигурировала Анна Лу.

Фогель подошел ближе, чтобы их рассмотреть. Штук тридцать крупных планов. Лицо девочки было схвачено в разные моменты, с разным выражением. На этих фото она почти не улыбалась. Но в ней угадывалась скрытая красота, подумал Фогель. Что-то такое, что обычно ускользает от глаз. Словно Маттиа в своем бредовом фотошоу сумел поймать то, что больше никому не удавалось увидеть. Ведь даже Бруно Кастнер не считал дочь достаточно привлекательной, чтобы ее кто-то решил похитить.

На полке над столом стоял довольно новый компьютер, а рядом лежала видеокамера.

Фогель поднял ее с места, чтобы разглядеть. Похоже, в спешке Маттиа оставил дома предмет, с которым никогда не расставался. И тут взгляд полицейского наткнулся еще на одну вещь. На полочке сидел розовый плюшевый котенок, возможно тот самый, которого мальчишка утащил от дома Кастнеров в тот день, когда его обнаружили. Он рассмотрел игрушку, повертел ее в руках. Парень утащил сувенир, и ему этого хватило, чтобы буквально прилипнуть к журналистам. И в этот момент по телу спецагента пробежала дрожь: он услышал у себя за спиной какой-то шорох. Ему не показалось, звук был вполне реальный.

На кровати происходило какое-то движение.

Фогель поставил плюшевого котенка на место и медленно обернулся.

Куча одеял зашевелилась, и из-под нее показалась фигура мальчика. На Маттиа был черный капюшон, надвинутый на глаза, чтобы скрыть лицо.

Фогель видел, как он медленно встает с кровати. Вблизи он казался гораздо выше и сильнее, чем смотрелся издали. И полицейский вдруг многое понял. Например, что парень никуда не убегал, потому что, для того чтобы спрятаться, ему было достаточно закрыться в доме. И расставленные вокруг дома микрофоны не могли уловить шумы в полуподвале, в многометровой толще земли и камня.

Обе руки у Фогеля были заняты: в одной он держал камеру, в другой мобильник, которым себе светил. Вытащить из кобуры пистолет он бы не успел: мальчишка стоял слишком близко и запросто мог на него прыгнуть и разоружить. Тогда он решил воспользоваться другим оружием, которым владел в совершенстве:

– Так ты этим увлекаешься?

Он кивком указал на видеокамеру и понимающе улыбнулся:

– Бьюсь об заклад, что у тебя здорово получается.

Мальчик не ответил.

Фогель буквально телом чувствовал, как пристально парень на него смотрит из-под капюшона.

– А знаешь, я могу сделать тебя знаменитым. Твои видеоролики попадут на телевидение, и ты получишь то внимание, какого заслуживаешь. У меня много друзей-журналистов, и они отвалят кучу денег, чтобы получить такой материал для заголовков. О тебе все заговорят.

Следователь решил повысить ставки:

– Подумай о матери: ей не придется больше работать. У нее будет свой дом и все, чего сейчас она себе не может позволить. И все это сможешь дать ей ты… Сделать это легко, Маттиа. Нам с тобой просто надо отсюда выйти. А потом ты отведешь меня туда, где сейчас находится Анна Лу. Больше того, мы туда отправимся вместе с группой тележурналистов. К тебе все станут прислушиваться, и никто больше не посмеет над тобой смеяться. Все тебя зауважают.

Он не знал, обдумывает ли Маттиа его предложения. Прошли еще две бесконечные секунды, но ничего не происходило. Фогель надеялся, что слова до мальчика дошли. Парень пошевелился и сделал маленький шажок в его сторону. Полицейский инстинктивно отпрянул. Маттиа остановился. Потом сделал еще шаг. Фогель ударился боком об угол стола. И на этот раз Маттиа остановился.

И тогда спецагент понял. Мальчик не хотел ни пугать его, ни нападать на него. Он просто спрашивал, можно ли двигаться дальше.

«Нет, ему надо не ко мне, – сказал себе Фогель, – ему надо к компьютеру».

Он отодвинулся, пропуская Маттиа к столу. Мальчик подошел и включил компьютер. Прошло несколько минут, прежде чем он загрузился. После этого Маттиа открыл папку под названием просто «Она». На экране запестрели иконки разных видео. «Она» – это была Анна Лу.

Мальчик поискал мышкой тот файл, который его интересовал, и щелкнул по нему.

Фогель из-за его плеча вглядывался в экран, спрашивая себя, что же он сейчас увидит.

Фильм пошел. На экране возникла Анна Лу с тем же разноцветным рюкзачком, с которым пропала, и с сумкой, где лежали коньки. День был солнечный, она шла одна, не догадываясь, что ее снимают. Вот она прошла мимо старого белого внедорожника. Эпизод сменился, и Фогель понял, что так смонтировал Маттиа. На этот раз Анна Лу в компании с Присциллой стояла возле школы. Они о чем-то болтали. Еще смена эпизода: девочка вместе с другими членами братства занималась благотворительной распродажей сладостей на маленькой площади напротив дома собраний. Раздумывая, что за смысл Маттиа вкладывал в этот монтаж, Фогель еще раз заметил белый внедорожник, который уже видел в первом эпизоде. Может, он появлялся и во втором, но он его не заметил.

Следующие эпизоды подтвердили его подозрения.

Анна Лу с родителями на пикнике в горах – белый внедорожник припаркован рядом с другими автомобилями. Анна Лу выходит из дому со своими братишками – белый внедорожник снова стоит у бровки в нескольких метрах.

Изображения сменяли друг друга. Фогель повернулся и вгляделся в лицо мальчика, который целиком сосредоточился на экране компьютера. Сейчас экран его хорошо освещал. Следя за Анной Лу, он заметил одну вещь.

Он заметил, что он не единственный за ней следит.

Съемку он вел с такого расстояния, что увидеть лицо сидящего за рулем человека или прочесть номер машины было невозможно. Конечно же, на более совершенной аппаратуре кадры можно было увеличить. Однако Фогель был уверен, что в этом нет нужды.

– Ты ведь знаешь, кто это, правда?

Маттиа повернулся к полке, где стоял розовый плюшевый котенок, указал на него глазами и слабо кивнул.

Он знал.

23 февраля
Шестьдесят два дня после исчезновения

В ночи, после которой все навсегда переменилось, за окном висел морозный туман, и его неестественная белизна обволакивала все вокруг, но ночную тьму ему было не обмануть.

Калорифер в кабинете Флореса издавал тихое гортанное урчание, походившее на человеческий голос. Словно кто-то, находясь в другом измерении, пытался что-то сообщить.

Фогель прервал рассказ и сосредоточенно уставился на стену, где висели фотографии и благодарности в рамках.

Флорес заметил, что внимание полицейского привлекло чучело серебристой рыбы с красной полоской на спине.

– *Oncorhynchus mykiss*, – подсказал Флорес. – Известна также как радужная форель. Водится в Северной Америке и в некоторых странах на азиатском побережье Тихого океана. Много лет назад ее завезли в Европу, и здесь она водится в горных озерах. Для жизни ей нужна холодная, богатая кислородом вода.

Психиатр намеренно выстроил такую длинную тираду. Ему не хотелось насильно вытягивать сведения из Фогеля. Прежде всего, он должен стать посредником, взять на себя роль тропинки между человеком и его конфликтом с самим собой. Инстинкт подсказывал ему, что полицейский внутренне отодвинул от себя событие, произошедшее перед инцидентом на шоссе, и отчаянно пытается скрыть от себя самого, откуда у него на одежде чужая кровь.

Фогель оторвался от рыбьего чучела и продолжил.

– Средства массовой информации четко распределяют роли, – сказал он ни с того ни с сего. – Вот злоумышленник, а вот жертва. И жертву следует отгородить от всех возможных нападений или подозрений: она должна быть «чистой». Иначе возникает риск создать моральное алиби тому, кто причинил ей зло. Но бывает и так – и бессмысленно это отрицать, – что жертвы сами играют известную роль в том, что с ними произошло. Их вина ничтожна: невинные провокации, так, пустячки, мелочи, которые, повторяясь из раза в раз, вызывают реакцию. Я помню один случай, когда руководитель офиса во время работы намеренно коверкал имя своего подчиненного. Это происходило при всех, и начальник

всегда преподносил это как шутку. Однажды утром сотрудник явился, как всегда, без опоздания, но с автоматическим пистолетом.

– То же самое произошло в случае с Анной Лу Кастнер? – спросил Флорес.

– Нет, – грустно отозвался Фогель.

– Спецагент, отчего бы нам не забыть на время эту историю и не сосредоточиться на том, что произошло сегодня вечером?

– У меня одежда в крови. Ну да… – вспомнил тот.

Флорес не мог напрямую спросить, чья это кровь, тут надо было подойти к вопросу постепенно.

– Было бы очень важно узнать, где вы находились перед аварией и куда направились потом.

Фогель силился вспомнить:

– Я ехал к дому Кастнеров… Да, мне надо было вернуть залог.

Он опустил глаза на браслет, который носил на руке.

– А почему в такой поздний час?

Фогель опять задумался.

– Я должен был с ними поговорить, сказать им кое-что…

На этом месте воспоминание угасло в его мозгу.

– Кое-что?

– Да, но…

Флорес подождал, пока память не разблокируется. Он вовсе не был уверен, что Фогель притворяется. С его точки зрения, существовало какое-то препятствие, мешавшее спецагенту вытащить из памяти все, что там находилось. Что же такое важное он должен был вернуть Кастнерам? У психиатра сложилось впечатление, что, как бы то ни было, ему все равно придется выслушать рассказ о том, что происходило несколько месяцев назад. Он попытался побудить Фогеля начать рассказ с того времени.

– Вы действительно искали саму Анну Лу или думали, что она мертва, и разыскивали только ее тело, которое могло служить доказательством и помочь изобличить убийцу?

Фогель слабо улыбнулся, явно соглашаясь.

– Так почему бы не сказать сразу? Зачем лелеять пустые надежды?

Похоже, Фогель молча раздумывал.

– Во время недавних исследований на вопрос, какова цель полицейского расследования, большинство опрошенных ответили: «Поймать виновного». И крайне редко кто-либо утверждал, что целью расследования было установить истину, – добавил Флорес.

Фогель выпрямился в кресле.

– Понимаете, о чем я говорю? Истина никому не нужна.

– Как вы думаете, почему? – спросил агент.

Полицейский на миг задумался.

– Потому что поимка преступника создает иллюзию безопасности и нам этого достаточно. Но есть и другой ответ: потому что истина нас втягивает и делает соучастниками.

Фогель попытался высказаться яснее:

– Вы замечали, что СМИ и общественное мнение, то есть мы все, думают о том, кто повинен в преступлении, не как о человеке? Будто он представитель какой-то иной расы, которой дана особая власть: вершить зло. Сами того не замечая, мы делаем из него… героя. – Он с волнением выделил последнее слово. – На самом же деле преступник – существо заурядное, лишенное творческих порывов, неспособное выделиться из общей массы. И если мы с этим согласимся, то должны будем признать, что он похож на нас.

Фогель был прав. Флорес бросил быстрый взгляд на обтрепанный уголок старой газеты, валявшейся в общем бедламе на письменном столе. Психиатр точно знал, с какого дня она там лежит, и прекрасно помнил, почему он до сих пор ее не выбросил.

На обложке стояло имя.

Имя чудовища дома Кастнеров.

За дни, недели и месяцы, прошедшие с того дня, на газету навалился слой бумаг и папок с историями болезней. Такова уж судьба злободневной информации: быть похороненной заживо. В конечном итоге мы все стремимся забыть, сказал себе психиатр. Особенно ему не хотелось вспоминать душераздирающий плач Марии Кастнер, который со временем превратился в тихий, почти неслышный стон. Флорес отдельно наблюдал всю семью в период, когда на них обрушилось горе. Он боролся с замкнутым молчанием Бруно Кастнера, пытался предотвратить постепенное разрушение психики Марии. И это ему удавалось, пока братство было согласно. А потом его медленно оттеснили от семьи.

– Спецагент Фогель, вы только что говорили, что сегодня вечером ехали к Кастнерам с каким-то известием, но не помните с каким.

– Именно так.

– Но неужели вы забыли, что в этом доме давно уже никто не живет?

Это известие поразило Фогеля, как мощный удар в челюсть.

– Вы не могли этого не знать, – продолжал психиатр. – Так в чем же дело? Вы забыли?

Фогель немного помолчал, а потом произнес вполголоса, как

предупреждение:

– Здесь есть что-то скверное, злое…

И Флорес содрогнулся, когда он посмотрел ему в глаза.

– В ваши жизни просочилось нечто пагубное, – продолжал полицейский. – И Анна Лу стала дверью, впустившей это зло. Чистая, наивная девочка: идеальная жертва на заклание… Но то, что кроется за ее исчезновением, гораздо страшнее и отвратительнее.

Фогель покачал головой:

– Спасаться слишком поздно. Это нечто уже поселилось здесь и уходить не собирается.

В этот миг внезапный сильный удар заставил их разом обернуться к окну. Обоих ужаснуло то, что за окном вообще ничего не было видно. Словно их слова разбудили призрак, обитавший в тумане, и он, разгневавшись, ринулся на них, чтобы заставить замолчать.

Флорес встал с кресла, подошел к окну и распахнул обе створки, чтобы посмотреть, в чем дело. Ничего не понимая, он огляделся вокруг, и ледяной туман коснулся его лица. Потом возле водосточного желоба он увидел какое-то темное пятно.

Это был ворон.

Он, видно, проснулся посреди ночи и, приняв свет в окне за дневной, устремился в полет. А потом потерял ориентир и разбился об оконное стекло.

Вороны обычно становились первыми жертвами ночных туманов, их десятками находили в полях и на дорогах.

Флорес видел, что птица еще шевелится, клюв ее слабо дрожал. Она словно пыталась что-то сказать, но вскоре затихла навсегда.

Психиатр закрыл окно и снова уселся напротив Фогеля. В течение нескольких секунд оба не произнесли ни слова.

– Как я уже вам сказал, после всего, что произошло, я полагал, что мы вас больше здесь не увидим, – сказал Флорес.

– Я тоже так думал.

– Следствие обернулось бедой, верно?

– Верно, – согласился Фогель. – Но так случается.

Если Флорес хотел знать, зачем полицейский поехал в Авешот в этот холодный туманный вечер, ему надо было вынудить его посмотреть в глаза собственным призракам.

– Вы полагаете, что вашей вины в этом нет?

– Я всего лишь выполнил свою работу.

– И что это была за работа?

– Простая и ясная: доставить удовольствие публике, – с деланой улыбкой произнес спецагент Фогель. – И прибавил уже серьезно: – Доктор, нам всем нужно чудовище, монстр. Нам всем необходимо почувствовать, что мы лучше других. – Он вспомнил человека в белом внедорожнике. – Я всего лишь дал им то, чего они хотели.

22 декабря
За день до исчезновения

– Первое правило любого великого романиста – *копировать*. Не все это признают, но все вдохновляются либо своими предыдущими произведениями, либо текстами другого автора.

Лорис Мартини внимательно оглядел класс, пытаясь понять, обращают ли на него внимание если не все ученики, то хотя бы большинство. Кто болтал, кто смеялся, и стоило ему отвернуться, как мальчишки начинали кидаться бумажными шариками, думая, что он ничего не замечает. Учитель во время урока предпочитал не садиться, а расхаживать между партами. По его мнению, это активизировало внимание учеников.

Настроение в это утро было тоскливое. Как всегда в последний день перед рождественскими каникулами. Школьные двери вот-вот закроются на пару недель, и ученики уже чувствовали себя на воле. Надо было что-нибудь придумать, чтобы они встряхнулись и начали слушать.

– И еще одно, – сказал он тогда. – Успех произведения определяют вовсе не герои. Забудьте на минуту о литературе и вспомните ваши компьютерные игры… Что вам особенно нравится делать, когда вы играете?

Вопрос явно пробудил интерес. Первым высказался как раз тот, что кидался бумажными шариками.

– Крушить все подряд! – с энтузиазмом заявил он.

По классу прокатился хохот.

– Хорошо, – подбодрил его Мартини. – А еще?

– Еще убивать, – включился еще один из мальчишек.

– Отличный ответ. А почему тебе нравится убивать в виртуальном пространстве?

Тут подняла руку Присцилла, самая хорошенькая из девочек. Мартини указал на нее, приглашая высказаться.

– Потому что в реальности убивать запрещено.

– Молодец, Присцилла! – похвалил ее учитель.

Она потупилась и улыбнулась, словно ей сделали бог весть какой комплимент. Один из мальчишек тотчас же передразнил ее слащавую ужимку, а она в ответ показала ему средний палец.

Мартини мог считать себя удовлетворенным: ему удалось их

расшевелить.

– Видите ли, зло является настоящим двигателем любого повествования. Ни фильм, ни роман, ни игра, где все благополучно, не будут интересными. Запомните: историю творят отрицательные герои.

– Хорошие и правильные никому не нравятся, – вмешался Лукас.

В школе он славился плохими оценками, особенно по поведению, и татуировкой в виде черепа за ухом. Может, он почувствовал себя вроде как вызванным в суд, а поскольку хорошие мальчики никому не нравились, то он получил наконец возможность отыграться.

Всякий раз, когда учитель добивался пусть минимального результата в классе, его охватывало странное чувство. Он был доволен. Трудно объяснить, что означало прийти к такому результату для человека, который всегда казался скромником. Но для учителя, для Лориса Мартини, это было нетрудно. В этот момент он был уверен, что заронил в их головы определенную идею. И она уже никуда не денется. Знания – да, знания могут забыться, но развитие мысли, которая спонтанно возникла в мозгу, движется иными путями. Она пребудет с ними на всю оставшуюся жизнь, даже загнанная в дальний уголок мозга, а потом вдруг всплывет, когда в ней возникнет надобность.

Историю делают отрицательные герои.

И это не только литература. Это жизнь.

Когда его коллеги говорили о классе, они часто пользовались выражениями типа «человеческий материал», имея в виду учеников. Они были склонны жаловаться на ребят или требовать железной дисциплины, нарушить которую всегда было легче легкого. В его первый школьный день многие из них предупреждали его, что бесполезно ожидать каких-то достижений, ибо средний уровень учащихся резко упал. Мартини был вынужден признать, что в начале учебного года не питал особых надежд на какую-то «отдачу» от своего «человеческого материала». Но шли недели, и он нашел способ пробить брешь в их недоверии. А потом постепенно они начали ему доверять.

В Авешоте существовали два типа ценностей. Вера и деньги. Несмотря на то что многие семьи принадлежали к религиозному братству, дети поднимали на смех первую ценность и весьма чтили вторую.

В любых спорах деньги были для них весомым аргументом. Взрослые, разбогатевшие благодаря горнодобывающей компании, хвастались своим благополучием, разъезжая в мощных автомобилях и покупая дорогие часы. Молодежь ими восхищалась и уважала их, но сочувствовала и той части населения, которая не могла себе позволить такую роскошь, ведь к этой

категории часто принадлежали их родители.

Местом, где разница между двумя социальными категориями, разделявшими Авешот, проявлялась яснее всего, была школа. Дети из состоятельных семей одевались по последней моде и выставляли напоказ сногсшибательные гаджеты, начиная с последних моделей смартфонов. Довольно часто все это становилось источником напряженности. Дело доходило до потасовок во дворе: слишком укоренилась привычка с презрением относиться к тем, у кого нет привилегий. Случались и кражи.

А потому, когда Мартини предстал перед классом в вельветовом пиджаке с протертыми локтями, в бумазейных брюках и старых, стоптанных ботинках, это вызвало у учеников взрыв веселья. Он понял, что, с их точки зрения, уважения недостоин. И должен был признать, что на какой-то миг ощутил себя неадекватным, несоответствующим. Словно сорок три года своей жизни он потратил напрасно, преследуя ложную цель.

– Я не стану давать вам задание на каникулы.

Класс взорвался воплями восторга.

– Отчасти потому, что вы его все равно не выполните, и я это знаю, – прибавил он под хохот ребят. – Но мне бы хотелось, чтобы в перерывах между битьем витрин или ограблением банков вы прочли хотя бы одну книгу из этого списка.

Он взял с кафедры листок и показал всем. Класс недовольно загудел.

Только один из учеников не произнес ни слова.

Он сидел в последнем ряду, низко склонившись над партой, и что-то черкал в толстой тетради, которую всегда таскал с собой вместе с видеокамерой. Этот мальчик жил в своем мире и никого туда не впускал, даже одноклассников, которые, по существу, держали его на расстоянии. Мартини не однажды пытался проникнуть в этот мир, но всякий раз получал отпор.

– Маттиа, ты согласен прочесть хотя бы одну книгу за эти две недели? – попробовал он вызвать парня на разговор.

Тот на миг оторвался от тетради и снова погрузился в себя, ничего не ответив.

В этот момент прозвенел звонок, возвещая конец уроков.

Маттиа быстро собрал свой рюкзачок, вытащил скейт, который держал под партой, и первым вышел из класса.

Мартини в последний раз обратился к ученикам, перед тем как распустить их на каникулы:

– Желаю вам хорошо провести Рождество… и не наделать за это время больших разрушений.

В школьных коридорах царила невообразимая суматоха: ученики спешили скорей выскочить из школьного здания. Они неслись вскачь, огибая, как препятствие, Мартини, который двигался неспешным шагом, перекинув через плечо зеленую сумку на ремне. Вид у него был, как обычно, рассеянный. Вдруг он услышал, что его кто-то зовет:

– Синьор Мартини!

Он обернулся и увидел Присциллу. Широко улыбаясь, она шла ему навстречу. Мартини подумал, что, если бы не зеленая парка, которая была ей велика, и не эти ужасные башмаки на платформе, чтобы казаться выше ростом, Присцилла смотрелась бы очень изящной. Он замедлил шаг, чтобы дождаться ее.

Присцилла его догнала.

– Я хотела сказать вам, что уже выбрала роман, чтобы прочесть на каникулах, – заявила она с явно излишним энтузиазмом.

– В самом деле? И что за роман?

– «Лолита».

– И почему твой выбор пал именно на эту книгу?

Мартини ждал, что она скажет, что героиня, по сути, чем-то похожа на нее. Но она сказала:

– Потому что мама этого не одобрит.

Услышав такую аргументацию, Мартини улыбнулся. Книги тоже расценивались как протест.

– Что ж, тогда хорошего чтения.

Он попробовал быстро уйти, потому что давно заметил, что Присцилла по нему вздыхает, да и одноклассники это замечали. Поэтому он старался при людях особенно с ней не разговаривать, чтобы никто не подумал, что он дает ей какие-то авансы.

– Подождите, учитель, еще одно… – Девочка выглядела смущенной. – Вы знаете, что завтра меня будут показывать по телевизору? Я буду вытаскивать номера на благотворительной лотерее нашего братства… Правда, это всего лишь местный канал, но с чего-то ведь надо начинать?

Присцилла не раз говорила, что хочет стать знаменитой. То она хотела попасть в реалити-шоу, то стать певицей. В последнее время она вбила себе в голову, что будет актрисой. Ясного представления о том, как добиться успеха, у нее не было. Скорее всего, эта мечта была для нее своего рода просьбой о помощи, она таким образом сообщала всем, что хочет сбежать из Авешота. А на самом деле, вполне возможно, пройдет несколько лет, и она встретит какого-нибудь беспутного парня, и он бросит ее, беременную,

доживать оставшиеся годы здесь. Ведь в сущности, то же самое произошло и с ее матерью. Мартини разговаривал с ней только однажды, на встрече учителей с родителями. Она смотрелась точной копией дочери, только старше. Лет на пятнадцать. Но у матери вокруг глаз уже залегли глубокие морщины, а во взгляде сквозила неодолимая печаль. Мартини вспомнил, что тогда ему на память пришла королева бала, которая, как была, в диадеме и со скипетром, осталась одна танцевать в опустевшем зале, когда свет погас и все уже разошлись по домам. Присцилла была очень похожа на мать. Насколько он знал, она пользовалась шумным успехом у мальчиков и сплетен о ней ходило немало. Он читал фразы, адресованные ей и ее матери, на стенах мужского туалета в школе.

– А с кем-нибудь еще ты говорила о желании играть на сцене?

Присцилла скорчила гримаску:

– Мама наверняка будет против, потому что в братстве ей вбили в голову, что в актрисах нет ничего хорошего. Она сама в молодости пробовала стать моделью. Ведь это несправедливо – запрещать мне осуществить мою мечту только потому, что не удалось осуществить свою.

Да уж, это действительно несправедливо.

– Надо учиться, заниматься декламацией, может быть, это ее убедит.

– Так, значит, по-вашему, я достаточно красива, чтобы пробиться?

Мартини укоризненно покачал головой:

– Я в университете ходил на театральные курсы.

– Тогда вы сможете со мной позаниматься! Прошу вас! Прошу вас! Прошу вас!

Глаза девочки заблестели от возбуждения. Сказать ей «нет» было просто невозможно.

– Хорошо, – согласился Мартини. – Но только ты должна очень много заниматься. Иначе все это – впустую потраченное время.

Присцилла сняла рюкзачок и положила его на пол.

– Вы не пожалеете, – сказала она, отрывая уголок тетрадного листа и что-то на нем царапая. – Это номер моего мобильника. Вы мне позвоните?

Мартини кивнул и улыбнулся. Он видел, как она упорхнула прочь, счастливая.

– С Рождеством, проф!

Он посмотрел на листок с номером, написанным розовой шариковой ручкой. Она еще и сердечко пририсовала. Он сунул листок в карман и пошел к выходу.

На площади перед школой было полно ребят, остановившихся поболтать и посмеяться, а вокруг них роем кружили скутеры. За рулем

одного из них сидел задира Лукас. Пока Мартини рылся в сумке, разыскивая ключи от машины, мальчишка подъехал к нему, обдав презрением, и бросил через плечо:

– Когда же вы наконец поменяете свою колымагу, проф?

Его приятели загоготали. Но Лорис Мартини уже научился не обращать внимания на провокации Лукаса. Когда-то они крупно поссорились, и теперь ученик ему мстил.

– Как только выиграю в лотерею, – ответил учитель в тон шутке.

А потом наконец, нашарив ключи на дне сумки с ремнем, разблокировал дверцы своего старого белого внедорожника.

Двадцать второе декабря было самым коротким днем в году. Когда Мартини приехал домой, уже начало смеркаться.

Он шагнул через порог и сразу ее увидел. Она сидела в плетеном кресле у окна, ноги накрыты пледом, в руках книга. Видно, так и задремала.

В закатном свете Клеа была так хороша, что у него защемило сердце.

Солнце окрасило в огненный цвет ее каштановые волосы, половина лица оставалась в тени, как на картине. Ему захотелось подойти и поцеловать ее в полуоткрытые губы. Но жена спала так безмятежно, что он не отважился ее разбудить.

Он поставил сумку на деревянный пол и уселся на первую ступеньку лестницы, ведущей наверх. Сложив ладони под подбородком, он любовался женой. Они были вместе уже двадцать лет и знали друг друга еще с университета. Она изучала право, он литературу.

– Будущие судьи и адвокаты не водятся с теми, кто считает литературу единственным способом поведать о мире, – заявила она ему при первой встрече.

Она сдвинула на лоб очки в темной оправе, и ему подумалось, что они тяжеловаты для ее красивого лица. Джинсовый комбинезон, красная футболка с логотипом университета и драные белые теннисные туфли. Перед собой она держала охапку книг, прижимая их к груди, и время от времени сдувала со лба непокорную челку. Они стояли в парке, окружавшем университетский кампус, был погожий весенний день. Серый спортивный костюм Лориса насквозь пропотел: Мартини только что закончил пятничную баскетбольную тренировку. Он издалека засек девушку, возвращавшуюся к себе, и бросился бежать, чтобы перехватить ее прежде, чем она войдет в женский спальный корпус. Мокрый и взъерошенный, он оперся рукой о кирпичную стену. Хотя он и был намного

выше ее, Клеа ничуть не испугалась. Она абсолютно серьезно смотрела на него, словно собиралась бесстрашно высказать ему в лицо все, что о нем думала.

Будущие судьи и адвокаты не водятся с теми, кто считает литературу единственным способом поведать о мире… Вначале он решил, что это шутка, что-то вроде любовной перепалки.

– Разумеется, но это, однако, не мешает будущим судьям и адвокатам регулярно питаться, – парировал он с улыбкой.

Она смерила его подозрительным взглядом, в котором чувствовалось скрытое предостережение. «Неужели этот тип думает, что меня так легко затащить в постель?» И Лорис услышал, как с мрачным скрипом рушится его эго.

– Благодарю, но я регулярно питаюсь одна, – ответила она, отвернувшись.

Потом быстро взбежала по ступенькам и исчезла в корпусе.

Он застыл от удивления и разочарования. Да кем себя вообразила эта спесивая девчонка? Они познакомились несколько дней назад на какой-то студенческой вечеринке с вином и черствыми тартинками, которую устраивали ребята с факультета естественных наук. Он сразу ее заприметил. На ней был черный свитер, а волосы она забрала в хвост на затылке. Весь вечер он искал повод подойти к ней. Но случай представился сам собой, когда она заговорила с каким-то парнем, с которым Лорис был когда-то знаком. Он даже не помнил его имени: то ли Макс, то ли Алекс, какая разница? Он с извинениями подошел поздороваться, в надежде, что будет представлен девушке. Парень был явно недоволен: может, тоже имел на нее виды. Кончилось тем, что он ушел, оставив Лориса заглаживать неловкость от их диалога, который девушке пришлось выслушать.

– Меня зовут Лорис, – выпалил он, протянув ей руку, словно боялся, что она может убежать.

– Клеа, – ответила она, нахмурив брови.

Этот жест с годами станет таким знакомым и близким: смесь любопытства и недоверия. Наверное, так смотрят приматы в зоопарке, когда на них глазеет публика. Но в тот момент Лорису это показалось неотразимым.

Времени терять он не стал, и между ними завязался обычный при первом знакомстве разговор: на каком ты факультете, откуда приехала, что думаешь делать после университета. Потом он принялся нащупывать общие интересы, хоть одну ниточку, с которой можно было бы начать выстраивать отношения. Он уже успел составить о ней представление:

очень красива, но достаточно горда, чтобы не спекулировать своей красотой; умна, но не стремится при этом никого унизить; терпима, прогрессивна и чрезвычайно, до надменности, независима.

И он пришел к выводу, что при таком раскладе единственное, что их может объединять, – это баскетбол.

Он, естественно, повернул разговор на игру и принялся рассуждать об игроках и защитниках. Клеа знала статистику счета баскетбольных матчей, и в том, что касалось университетского чемпионата, для нее секретов не было.

Они проговорили весь вечер, и Лорису даже удалось пару раз ее рассмешить. Теперь он был уверен, что пригласить ее погулять не составит проблемы, но не хотел переборщить. В другой раз, сказал он себе. С этой девушкой спешить нельзя.

Но такого исхода дела, как на крыльце женского спального корпуса, он не ожидал. Она его просто уничтожила своей холодностью и почти что отвращением. Да что там почти – точно отвращением.

Все это ему было трудно переварить. Все последующие дни отказ не шел у него из памяти. Он то и дело встряхивал головой то с удивлением, учитывая абсурдность ситуации, то с откровенным гневом. Но незаметно крохотный червячок все-таки заполз ему в мозг, устроился там, выкопав ямку, и образовалась пустота, которая требовала, чтобы ее заполнили.

Забыть девушку он не мог.

Тогда он принял самое безумное в своей жизни решение. В большом магазине он купил синий костюм, белую рубашку и неописуемый красный галстук. Сумму, никак не соотносившуюся с его бюджетом, он потратил на букет красных роз, грива непокорных волос была зачесана назад. Ровно в девять утра он явился к аудитории, где изучали сравнительное гражданское право. И стал ждать. Когда кончилась лекция и в коридор рекой хлынули студенты, Лорис не позволил сбить себя с ног. Он стоически выдержал напор, дожидаясь только одного взгляда. А когда дождался, Клеа сразу поняла, что он здесь торчит из-за нее. Она без колебаний пошла ему навстречу.

Лорис очень серьезно протянул ей цветы:

– Ты разрешишь пригласить тебя поужинать?

Она взглянула на приношение, потом внимательно, наморщив лоб, оглядела его. В первый раз взмыленный после тренировки парень небрежно бросил ей приглашение таким тоном, будто положительный ответ сам собой разумелся. Но теперь Лорис счел своим долгом дать ей понять, что уважает ее и очень хочет с ней встречаться, рискуя даже тем,

что она поднимет его на смех. Лицо Клеа осветилось улыбкой.

– Конечно, – сказала она.

Сейчас, вспоминая эту сцену и глядя, как она спит, а закатное зимнее солнце ласково освещает ее лицо, Лорис Мартини подумал, что уже давно не видел у нее на губах такой улыбки. И от этой мысли ему стало больно.

Они приехали в долину шесть месяцев назад. О переезде заговорила она. В Авешоте ему предложили место, и они поехали, особенно не раздумывая. Он не был уверен, что маленькое горное местечко подходит для того, чтобы все начать сначала, но ничего не поделаешь. Клеа определяла причину отъезда и устанавливала место, но теперь Мартини боялся, что счастливой она так и не стала. Он присматривался к ней издали, пытаясь разглядеть нечто, ускользнувшее от внимания. Может быть, все произошло слишком быстро. А может быть, они просто сбежали от чего-то.

От *чего-то*, сказал он себе. Было *нечто*. И в этом *нечто* все дело.

Клеа начала просыпаться. Сначала приоткрыла глаза, потом выронила книгу, которую держала на коленях, и раскинула руки, потягиваясь. И вдруг посреди движения застыла, заметив его.

– Эй! – приветствовала она мужа, еле заметно улыбнувшись.

– Эй! – отозвался он, не вставая с лестницы.

– Ты давно тут сидишь?

– Только что вошел, – соврал он. – Не хотел тебя тревожить.

Клеа откинула плед и посмотрела на часы:

– Ого! Я хорошо поспала. – Потом стиснула руки на груди. – По-моему, у нас стало холодно.

– Может, отопление еще не включили.

На самом деле сегодня утром он перевел таймер на два часа вперед. Они только что оплатили последнюю квитанцию.

– Я узнаю, в чем дело, а пока растоплю камин, – сказал он, вставая со ступеньки. – Моника не появлялась?

– Думаю, она наверху, в своей комнате, – ответила Клеа, и на ее лице появилось озабоченное выражение. – В ее возрасте не годится так часто уединяться.

– А ты какая была в ее возрасте? – спросил он, чтобы разрядить обстановку.

– У меня были друзья.

Вопрос явно задел Клеа за живое.

– А я был весь в прыщах и все время проводил, бренча на гитаре. А знаешь, когда я научился играть, ребята меня как-то сразу приняли.

Клеа ему не поверила. Она действительно тревожилась за дочь.

«Нехорошо это», – задумчиво сказала она самой себе.

– Как думаешь, может, она что-то от нас скрывает?

– Может быть, но не думаю, что это серьезно, – ответил Мартини. – В шестнадцать лет иметь тайны – дело естественное.

23 декабря
День исчезновения

В шесть утра было еще темно.

Мартини проснулся сразу. Жена и дочь еще спали. Он приготовил себе кофе и теперь смаковал его стоя, опершись на обеденный стол и наслаждаясь горячим напитком и уютным светом лампы, висевшей над столом. Он пил медленно, погрузившись в свои мысли. Оделся он как для похода в горы – в теплую спортивную одежду и горные ботинки. Накануне вечером он предупредил Клеа, что пойдет побродить по горным тропам.

Из дому он вышел около семи. На улице было холодно, но приятно. Морозный воздух пощипывал кожу, запахи леса стекли в долину, ненадолго вытеснив вонючие испарения, идущие от карьеров горных разработок. Он загрузил рюкзак во внедорожник и тут услышал, что его кто-то зовет.

– Эй, привет, Мартини!

С другой стороны улицы ему махал рукой сосед. Лорис тоже помахал ему. Одевисы сразу подружились с ним и Клеа. Оба, и муж и жена, были их ровесниками, а вот дети – гораздо младше Моники. Насколько понял Мартини, глава семьи занимался строительством, но, как говорили, капитал он сколотил, продав свой участок земли под разработки. К ним относились хорошо. Он держался слегка высокомерно, но, в сущности, был безвреден. А его жена смотрелась этакой безукоризненной недотрогой, просто ожившей рекламой образцовой домохозяйки пятидесятых годов.

– Куда это ты собрался?

– Поднимусь потихоньку наверх, а дальше пешком по восточному склону. Я там ни разу не был.

– Черт возьми! В следующий раз пойду с тобой. Вот только сброшу несколько кило, – рассмеялся сосед и похлопал себя по заметному животику. – А я сегодня решил вывезти погулять весь выводок.

Он показал на распахнутый гараж и стоящий в нем синий «порше». Это была одна из его последних дорогих игрушек. Одевис любил тратить деньги и хвастаться покупками.

– Может, в следующий раз и я к тебе присоединюсь, – ответил Мартини.

Сосед снова рассмеялся:

– Ну как, на Рождество договорились?

– Конечно.

– Будем рады, если вы к нам придете.

Клеа приняла приглашение, не посоветовавшись с ним, но Мартини не стал возражать. Жена целыми днями сидела дома, и не было ничего удивительного в том, что ей хотелось в компанию, пообщаться. К тому же ему казалось, что Одевисы тоже ищут себе новых друзей, может, отчасти потому, что, при их новом статусе, в отношениях со старыми наступило охлаждение.

– Ну, пока, хорошей прогулки, – сказал сосед, направляясь к своему «порше».

Учитель снова помахал рукой и поспешил усесться в старенький белый внедорожник, который намотал уже много километров и начал подавать признаки старения: под днищем возникала сильная вибрация, а при резком старте из выхлопной трубы вырывался клуб дыма.

Вернулся он, когда уже стемнело. Как только он открыл дверь, его сразу окутал неповторимый запах супа и жаркого. Было уже почти восемь часов, и этот аромат возвещал заслуженную награду за полный трудностей день.

– Это я! – громко возвестил он, но ему никто не ответил.

В коридор проникал свет из кухни, и громко шумела вытяжка. Наверное, поэтому Клеа его не услышала. Мартини поставил на пол рюкзак и снял ботинки, чтобы не запачкать пол. Он был весь в грязи, а левая рука, забинтованная кое-как тем, что под руку попалось, все еще кровила. Он спрятал руку за спину и босиком пошлепал в кухню.

Как он и думал, Клеа полностью сосредоточилась на плите и кастрюлях, время от времени бросая взгляд на маленький телевизор, висевший на стене. Мартини подошел к ней сзади и тихо, чтобы не напугать, сказал:

– Привет!

Клеа на секунду отвернулась от плиты.

– Привет, – отозвалась она и снова уставилась в телевизор. – Что-то ты поздно.

Фраза была брошена просто так, без намека на упрек. На самом деле жена думала о другом.

– Я звонила тебе на мобильник весь вечер, но ты не отвечал, – прибавила она.

Мартини порылся в кармане куртки и вытащил мобильник. Экран погас.

– Должно быть, разрядился в горах, а я не заметил. Прости.

Клеа его не слушала. И голос у нее изменился. По голосу сразу было заметно, когда она чем-то озабочена или взволнована. Он подошел к ней и легонько поцеловал в шею. Она протянула руку, чтобы погладить его по щеке, но продолжала смотреть на экран.

– В Авешоте пропала девочка, – сказала она, показав рукой на телевизор, где шли новости.

Шум вытяжки заглушал голос диктора.

Мартини высунулся из-за плеча жены и тоже взглянул на экран.

– Когда пропала?

– Несколько часов назад, уже вечером.

– Ну, может, рано еще утверждать, что она пропала, – произнес он, чтобы успокоить жену.

Клеа обернулась и с тревогой на него посмотрела:

– Ее уже ищут.

– Ну, могла же она просто куда-то выйти. Может, она поругалась с родителями.

– Не похоже, – отозвалась она.

– Подростки в этом возрасте часто сбегают из дома. Я-то знаю, я с такими сталкиваюсь постоянно. Вот увидишь, вернется сразу, как только кончатся деньги. Ты все принимаешь слишком близко к сердцу.

– Она ровесница нашей Моники.

И до Мартини дошло, в чем причина страха. Он обнял жену, притянул ее к себе и нежно, как умел только он один, зашептал:

– Послушай, ведь это только сообщение местного канала. Если бы случилось что-то серьезное, об этом говорили бы по всем каналам.

Клеа, казалось, немного успокоилась.

– Может быть, ты и прав, – согласилась она. – Но девочка училась в твоей школе.

В этот момент на экране появилась фотография рыжеволосой девочки с веснушками. Мартини вгляделся в изображение и покачал головой:

– Она не из моего класса.

– Ой, где это ты так?

Учитель забыл о завязанной руке, и Клеа ее заметила.

– Да так, ничего серьезного.

Она внимательно осмотрела пораненную ладонь:

– Но похоже, ты потерял много крови.

– Я поскользнулся на гребне, схватился за острую ветку, торчавшую из земли, и порезался. Но порез неглубокий, ничего страшного.

– Почему ты сразу не пошел в травмопункт? Может, нужно зашить.

Мартини отнял руку:

– Да ничего не надо зашивать. Это пустяк, успокойся. Сейчас промою рану, наложу свежую повязку, и, вот увидишь, само заживет.

Клеа сложила руки на груди и мрачно на него взглянула:

– Упрямый, как всегда. Никогда не сделаешь, как тебе говорят.

Мартини повел плечами:

– Потому что, когда ты сердишься, ты делаешься еще красивее.

Клеа покачала головой и, вместо того чтобы сделать выговор, улыбнулась:

– Иди, сначала вымойся. Воняешь, как горный козел.

Учитель поднес к виску порезанную руку и отчеканил:

– Есть!

– И поторопись, ужин готов, – крикнула ему вслед Клеа, пока он шел в ванную.

В гостиной оба молча глядели друг на друга, а ужин тем временем остывал на столе.

– Сейчас я поднимусь наверх и ей задам, – с угрозой заявила Клеа.

Учитель ласково погладил жену по руке:

– Оставь, она скоро сама спустится.

– Я ее звала двадцать минут назад, а потом ты поднимался и стучал ей в дверь. Я уже устала дожидаться.

Он чуть не сказал, что тем самым она сделает только хуже, но побоялся вмешиваться в деликатные отношения матери и дочери. Клеа и Моника нашли только им одним понятный способ общения. Часто они ссорились, и иногда по сущим пустякам. Но в большинстве случаев достигали молчаливого перемирия: обе были изрядные гордячки, но дальше надо было как-то продолжать жить под одной крышей.

Они услышали, как открылась дверь в комнату дочери и по лестнице зазвучали ее шаги. Моника появилась, завернувшись в просторный кардиган, вся в черном, включая черную подводку для глаз, из-за которой ее обычно мягкий взгляд приобрел злобное выражение. Может, она этого и добивалась, подумал Мартини. Он объяснял жене, что у дочери переходный период, но Клеа возражала, что уж больно этот период затянулся.

– Она смотрится как вдова, я этого просто вынести не могу, – говорила она.

Обе были очень похожи, и не только внешне. У младшей Мартини находил те же повадки, какими старшая отличалась в юности, тот же

подход к миру, к жизни.

Моника уселась за стол, не удостоив родителей взглядом. Голова низко опущена, челка падает на лоб, как специально задуманный защитный экран. И это молчание… Не просто молчание, а молчаливый вызов.

Мартини разрезал мясо и разделил на порции, последний кусок оставив себе. При этом он старался вовремя остановить Клеа, чтобы та не влезла со своими нахлобучками, но, судя по выражению ее лица, она была готова вот-вот взорваться.

– Как прошел день? – спросил он у дочери, стараясь предотвратить ссору.

– Как обычно, – последовал лаконичный ответ.

– Я слышал, вам устроили неожиданный опрос по математике.

– Ага.

Моника водила вилкой по тарелке, гоняя еду с одного края на другой и кладя в рот крошечные кусочки.

– Тебя спрашивали?

– Да.

– И какая оценка?

– Шестерка.

Она лениво растянула слово, и это была явная провокация, как и демонстративное молчание и односложные ответы.

Мартини не собирался ее упрекать. При обсуждении переезда в Авешот она была единственной, чей голос не учитывался. Они ей даже толком не объяснили, почему переезжают. У Моники не было другого выбора, кроме как следовать непонятному и абсурдному решению родителей, но ей хватило хитрости понять, что за это бегство почему-то расплачивается она.

Нечто, вспомнилось Мартини.

– Ты бы поискала себе какое-нибудь занятие, Моника, – начала Клеа. – Нельзя же весь вечер торчать в своей комнате.

Мартини видел, что дочь не отвечает, но жена не унималась:

– Займись хоть чем-нибудь. Пойди покатайся на коньках, запишись в спортивную секцию, выбери себе музыкальный инструмент.

– И кто будет оплачивать занятия?

Моника оторвалась от тарелки и буквально пригвоздила мать взглядом. Но Мартини знал, что обвинение относилось к нему.

– Мы что-нибудь придумаем, верно, Лорис?

– Конечно.

Однако его ответ не особенно обнадеживал. Моника была права, с его

зарплатой они не могли себе это позволить.

– Но ты не можешь все время сидеть в одиночестве.

– Я всегда могу пойти в общину. Там посещения бесплатны, – парировала она с убийственным сарказмом.

– Я хочу сказать, что тебе надо с кем-нибудь подружиться.

Моника стукнула кулаком по столу, и приборы звякнули.

– Представь себе, у меня были друзья! Но мне пришлось с ними расстаться.

– Ну… Ты быстро найдешь новых, – вывернулась Клеа.

Мартини заметил, что она чуть сдала позицию, словно не зная, что ответить.

– Я хочу обратно, хочу вернуться домой, – протестовала девочка.

– Хочешь ты этого или нет, но теперь наш дом здесь.

Слова были жесткие и решительные, но тон, которым их произнесла Клеа, выдавал ее слабину.

Моника вскочила из-за стола и ринулась вверх по лестнице к своей комнате. Немного погодя внизу услышали, как хлопнула дверь. Воцарилось короткое молчание.

– Она даже не доела, – сказала Клеа, поглядев на все еще полную тарелку дочери.

– Успокойся, я потом поднимусь и принесу ей что-нибудь.

– Не понимаю, откуда такая враждебность.

Однако Клеа прекрасно все понимала, Мартини был уверен. И был убежден, что в знак протеста дочь не притронется к еде, которую он ей принесет. Когда-то все было по-другому. Когда-то он мог утихомиривать стычки между матерью и дочерью, умел стать посредником. Он чувствовал себя всего-навсего странным тощим парнем, который живет под одной крышей с этими двумя женщинами, бреет себе физиономию, а не ноги, не кидается на всех по пустякам за отсутствием критических дней и не стремится всюду вставить свои пять грошей. С Моникой роль молчаливого, но понимающего отца всегда срабатывала. А теперь у них в семье что-то сломалось.

Но он был убежден, что ему все удастся исправить.

Он заметил, что Клеа вот-вот расплачется. Он всегда умел различать, когда слезы наворачивались у нее на глаза от нервного напряжения. Но сейчас это были слезы боли и страдания.

«Это, наверное, из-за той пропавшей девочки, – сказал он себе. – Она сейчас думает, что все это может случиться и с нашей дочерью, потому что она перестала ее понимать».

Мартини почувствовал себя виноватым. Потому, что он был простым учителем старших классов, потому, что зарплата у него была мизерная, потому, что он не мог предложить лучшей жизни двум женщинам, которых любил больше всего на свете, и, наконец, потому, что заточил свою семью в горах, в местечке под названием Авешот.

Клеа вернулась к еде, но по щекам ее побежали слезы. Мартини больше не хотел видеть ее в таком состоянии.

Да, он все исправит. Он поклялся себе, что снова расставит все по своим местам.

25 декабря
Два дня после исчезновения

В утро Рождества на улицах Авешота было полно народу. Казалось, все решили закупить подарки в последний момент.

Мартини бродил между стеллажами книжного магазина, разглядывая корешки романов и выбирая, что бы почитать в каникулы. У него накопилось много тетрадей на проверку, он опаздывал с заполнением характеристик за триместр, но не мог отказаться потратить немного времени на себя. На самом деле и дома накопилось много дел. Всякой мелочи, которую он постоянно откладывал, а теперь Клеа наверняка потребует, чтобы он все доделал. Например, решил вопрос с беседкой в саду. Когда они выбрали для переезда это место, жена мечтала о маленьком зеленом уголке за домом. Она хотела либо завести огородик, либо посадить розы. Старая беседка совсем развалилась, и Лорис убедил жену переделать ее в теплицу. На его беду, Клеа с энтузиазмом восприняла это предложение. Она надеялась, что он не станет дожидаться лета, чтобы довести дело до конца, а сделает все уже сейчас, зимой. Придется провести несколько часов на холоде, но оно того стоило: ведь тогда на лице у нее появится благодарная улыбка.

В этот момент он увидел, что в магазин зашла Клеа и принялась высматривать его между стеллажами. Он помахал ей рукой. В руке у нее был сверток, перевязанный лентой, глаза блестели.

– Ну что, нашла? – спросил он, когда она подошла ближе.

Она радостно кивнула:

– Как раз такие, как она хотела.

– Отлично, – похвалил он. – Ну, теперь она перестанет нас ненавидеть… Ну, по крайней мере, ненадолго.

Оба рассмеялись.

– А тебе что хотелось бы?

Он обнял ее:

– Я уже получил свой подарок.

– Ладно, к этому надо прибавить еще что-нибудь.

– Живу я тем, что у тебя беру, моя надежда, мука и отрада…[3]

– Хватит цитировать Шекспира к месту и не к месту, скажи лучше, что ты хочешь к Рождеству.

Мартини заметил, что улыбка исчезла с лица жены. Она что-то разглядывала у него за спиной. Он обернулся.

Неподалеку от них кассирша прикрепляла к стене за кассой листовку с портретом пропавшей девочки.

– Даже представить себе не могу, что чувствуют сейчас Кастнеры, – говорила она одной из покупательниц. – Столько часов провести, не зная, что случилось с их девочкой…

– Какая трагедия… – согласилась та.

Мартини осторожно взял жену за подбородок и повернул к себе:

– Давай уйдем?

Она кивнула, закусив нижнюю губу.

Немного погодя учитель стоял перед супермаркетом с полной тележкой всякой всячины. На рождественские подарки они потратили почти все его месячное жалованье. По его настоянию Клеа решилась заглянуть в магазин одежды, чтобы подыскать себе подарок. Он дожидался ее, надеясь, что она выйдет не с пустыми руками. А пока внимательно разглядывал забинтованную левую руку. Она ныла всю ночь, и в конце концов ему пришлось выпить обезболивающее, но заснуть так и не удалось. Сегодня утром он снова сменил повязку и понял, что нуждается в антибиотике, – похоже, рана инфицирована.

И тут он позабыл о руке, увидев вдалеке знакомое лицо.

На спинке скамейки рядом с киоском, торговавшим хот-догами, в окружении приятелей сидела Присцилла. Они явно скучали и вяло перекидывались шутками. Мартини долго наблюдал за своей самой хорошенькой ученицей. Она жевала жвачку и при этом ухитрялась еще грызть ногти. Один из мальчишек что-то сказал ей на ухо, и она насмешливо улыбнулась.

– Я пустила в ход все воображение, чтобы найти в этом магазине то, что мне действительно понравилось.

Это сказала Клеа, снова завладев вниманием мужа. Она торжествующе показала ему красный пакет:

– Та-дам!

– Что это?

– Шарф из тончайшей акриловой пряжи.

Мартини поцеловал ее в губы:

– Не сомневаюсь, что ты раскритикуешь даже тот подарок, что выбрала сама.

Клеа взяла его под здоровую руку и толкнула вперед тележку.

Она выглядела счастливой.

– Я всегда говорю: в делах очень важно уметь угадать момент.

Одевис разглагольствовал и одновременно шуровал кочергой в большом каменном камине, разжигая огонь. Лорис и Клеа сидели на белом диване в гостиной. У них под ногами лежал пушистый ковер, тоже белый, а рядом стоял стеклянный столик. За их спинами на большом столе еще громоздились остатки рождественского обеда и медленно догорали красные свечи. Огромная украшенная елка доставала почти до потолка. Все в этом доме выглядело богато и безвкусно.

– Скажу без ложной скромности, я всегда понимал, откуда приходят деньги, – подчеркнул сосед, чтобы усилить высказанную ранее мысль. – Это вопрос инстинкта. У одних инстинкт есть, у других нет.

Мартини и его жена согласно кивнули: а что тут еще скажешь?

– А вот и кофе, – провозгласила сияющая синьора Одевис, внося серебряный поднос с чашечками.

От Мартини не укрылось, что она так и не сняла золотое колье с бриллиантами, подаренное мужем, хотя здравый смысл мог бы подсказать ей, что хвастаться не стоит. Пакеты с подарками хозяева вскрывали прямо при гостях, перед тем как сесть за стол. Одевисов не заботило, что гостей это могло смутить. Им хотелось продемонстрировать свои драгоценности. Мартини рассердился, но Клеа еще не подала знака, что пора уходить. Непонятно почему. Может, жена считала, что действительно подружилась с этими разбогатевшими хамами.

Пока взрослые беседовали, дети Одевисов, мальчик десяти лет и девочка двенадцати, орудовали игровой консолью, соединенной с огромной плазменной панелью. Звук военной игры был слишком громким, но никто не попросил детей его уменьшить. Моника утопала в кресле, закинув ноги в новеньких красных сетчатых кроссовках на подлокотник. Рождественский подарок родителей не пробил ее брони, и она вот уже три часа кряду сидела, не говоря ни слова, целиком погрузившись в гаджет.

– Кое-кто говорит, что рудник убил экономику долины, но это все чушь собачья, – продолжал Одевис. – По мне, так люди просто не умеют проявить изобретательность и воспользоваться рудником к своей выгоде. – Он повернулся к Клеа. – Кстати, я слышал, что до того, как переехать в Авешот, ты была адвокатом.

– Да, – с некоторым усилием ответила она. – Я работала в одной городской адвокатской конторе.

– А ты не думала начать работать здесь?

Клеа старалась не смотреть на мужа.

– Это трудно в таком месте, где тебя никто не знает.

Истина заключалась в том, что открыть свою адвокатскую контору было очень дорого.

– Могу тебе кое-что предложить.

Сосед улыбнулся жене, и та согласно кивнула.

– Поступай работать ко мне. Мне нужен человек, который мог бы разбираться в деловых бумагах. Ты была бы превосходным секретарем.

Клеа смутилась и ничего не сказала. Она пребывала в затруднении. Из-за того, что она настаивала на том, чтобы найти работу, у них с мужем постоянно вспыхивали перепалки. Мартини не хотел, чтобы она устроилась продавщицей, и должность секретаря была немногим лучше.

– Я тебе очень благодарна, – сказала она с вежливой улыбкой, – но сейчас я предпочла бы заняться домом. Еще столько всего надо сделать. Кажется, переезд никогда не кончится.

И тут Мартини заметил, что дочь вдруг оторвалась от мобильника и, закатив глаза и изобразив на лице осуждение, впилась в отца обвиняющим взглядом.

Предложение и отказ поставили присутствующих в неловкое положение. Разрядил ситуацию неожиданно зазвонивший домашний телефон. Одевис подошел к телефону и, обменявшись парой шутливых фраз с загадочным собеседником, повесил трубку и отобрал у детей телевизионный пульт.

– Звонил мэр, – объявил он. – Он сказал, чтобы я включил телевизор.

Не обращая внимания на протесты увлеченных игрой детей, он переключил канал.

На экране появились исстрадавшиеся лица Марии и Бруно Кастнер.

Отец пропавшей девочки показывал в объектив фотографию дочери в белой тунике, с деревянным распятием на шее. Мать пристально глядела в камеру.

– Наша дочь Анна Лу – девочка мягкая и деликатная, все, кто с ней знаком, знают, какое у нее доброе сердце. Она любит кошек и доверчива к людям. А потому сегодня мы обращаемся и к тем, кто не был с ней знаком в первые шестнадцать лет ее жизни: если вы ее видели или знаете, где она, помогите нам вернуть ее домой.

В гостиной Одевисов, да и во многих домах Авешота, мгновенно исчезла атмосфера праздника. Мартини обернулся к жене, которая расширенными от ужаса глазами смотрела на эту маленькую женщину, словно видела на экране себя.

Когда же Мария Кастнер прямо обратилась к дочери, тепло Рождества

на несколько секунд снова охватило всех, но в каждом сердце появилось холодное предчувствие.

– Анна Лу, мама, папа и твои братья любят тебя. Где бы ты ни была, я надеюсь, что наши голоса и наша любовь дойдут до тебя. Когда ты вернешься домой, мы подарим тебе котенка, которого ты так хотела, Анна Лу, я тебе обещаю… Да хранит тебя Господь, моя малышка.

Одевис выключил телевизор и налил себе из бара стакан виски.

– Мэр говорит, что в Авешот уже выехал известный сыщик, чтобы возглавить расследование. Один из тех, кто часто мелькает на телеэкранах.

– По крайней мере, хоть что-то сдвинулось с места, – заметила его жена. – Мне кажется, местное начальство до сих пор не занялось поисками.

– Эти только штрафовать мастера.

Одевис в этом разбирался, ибо его не раз штрафовали за превышение скорости на «порше».

Мартини слушал и потягивал кофе, не вмешиваясь в разговор.

– Как бы там ни было, – продолжал сосед, – а я не верю в россказни о святости их дома и всей церковной общины. По-моему, у Анны Лу было что скрывать.

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Клеа.

– Да так всегда бывает. Может, она сбежала, потому что ее кто-то обрюхатил. В этом возрасте случается, что они занимаются сексом, а потом спохватываются, когда уже слишком поздно.

– Ну и где она сейчас, как ты думаешь? – спросила Клеа, пытаясь разрушить такую абсурдную версию произошедшего.

– А я откуда знаю? – развел руками Одевис. – Потом она вернется домой, а семья и братство постараются все замять.

Клеа схватила мужа за больную руку и крепко ее стиснула, не обращая внимания на рану. Мартини вытерпел боль, ему не хотелось, чтобы жена принялась ссориться с хозяевами дома. Ограниченные люди, такие как Одевис, всегда могут многому научить. И действительно, немного погодя он довел-таки до конца свой логический шедевр:

– Я думаю, дело не обошлось без одного из мигрантов, которые здесь ошиваются и приходят ко мне в поисках работы. Скажу ясно: я не расист. Но по-моему, надо ограничить въезд для выходцев из тех стран, где секс под запретом. Они потом насилуют наших девочек: им же надо удовлетворить свою природную потребность.

«И отчего это расистам, прежде чем произнести спич, надо непременно предупредить, что они не расисты?» – подумал Мартини. Клеа была готова взорваться, но Одевис на этот раз предусмотрительно

обратился к нему:

– А ты что об этом думаешь?

Прежде чем ответить, учитель немного подумал.

– Несколько дней назад, когда мы с Клеа обсуждали это известие, я сказал, что, возможно, Анна Лу сбежала из дома и все очень скоро выяснится. Но теперь мне кажется, что прошло уже слишком много времени… В общем, нельзя исключить, что с девочкой действительно что-то случилось.

– Да, но что «что-то»? – не унимался Одевис.

Мартини знал: то, что он собирается сказать, еще больше встревожит Клеа.

– Я сам отец, и у родителей, даже в самой отчаянной ситуации, всегда остается ниточка надежды, но… Но я думаю, Кастнерам надо готовиться к худшему.

После этой фразы все замолчали. И дело было не в смысле слов, а в тоне, каким они были произнесены. Мартини говорил убежденно, без всяких сомнений.

– Ну, так на будущий год вернемся к нашему разговору? – предложил сосед, стоя на крыльце своей роскошно-безвкусной виллы и обняв жену за плечи.

– Конечно, – отозвался учитель без особой убежденности.

Моника уже вошла в дом, а родители все еще прощались с соседями.

– Хорошо, – сказал Одевис. – Значит, решено.

Мартини с женой уходили, обнявшись. Уже переходя улицу, они услышали, как за ними закрылась дверь. Клеа резко отодвинулась от мужа.

– Что случилось? Что я такого сделал?

Она сердито обернулась:

– Это потому, что он предложил мне работу секретарши, да?

– Что? Не понимаю…

– Только что, когда ты говорил о семье Анны Лу, – заявила она, словно втолковывая ему очевидную вещь, – когда сказал, что Кастнерам надо готовиться к худшему…

– Ну и что? Я сказал то, что думаю.

– Нет, ты это сказал нарочно. Ты хотел меня наказать за то, что я недостаточно решительно отвергла предложение Одевиса.

– Ради бога, Клеа, не начинай, – попытался он ее успокоить.

– И не успокаивай меня! Ты прекрасно знаешь, как меня расстроила эта история. Или ты забыл, что у нас шестнадцатилетняя дочь и все это

случилось там, куда *мы* решили увезти ее против ее воли?

Клеа сложила на груди руки и вся дрожала. Мартини понял, что дрожит она не от холода.

– Хорошо, ты права. Я допустил ошибку.

Жена посмотрела ему в лицо и увидела, что он действительно огорчен. Она прижалась к нему и положила голову ему на грудь. Мартини обнял ее, чтобы согреть. Клеа приподняла подбородок, ища глазами его глаза.

– Прошу тебя, скажи мне, что ты так не думаешь.

– Ну конечно, – соврал он.

27 декабря
Четыре дня после исчезновения

Они приезжали и группами, и в одиночку, некоторые целыми семьями. Вокруг дома Кастнеров царило постоянное, но довольно упорядоченное движение. Люди подходили к дому и клали на землю шелкового, глиняного или плюшевого котенка. На их лицах отражался свет зажженных свечей, они тянулись к этому оазису света и тепла в темноте и холоде зимнего вечера и находили утешение.

Клеа увидела по телевизору кадры этого спонтанного паломничества к дому Кастнеров и попросила мужа, чтобы он ее туда проводил. Моника осталась дома, но отдала свою любимую игрушку, чтобы мать отнесла ее как подношение пропавшей девочке.

Это был розовый плюшевый котенок.

Клеа с дочерью очень сблизились в эти дни. «Бывает, что проявления зла сближают людей, – думал Мартини. – Они, как бальзам, врачуют жизни тех, кто стал друг другу чужими, и те начинают понимать истинную цену вещей. И от страха, что могут друг друга потерять, они спешат сохранить отношения, пока кто-то или что-то не отнимет их и не утащит. Кастнеры этого не сделали вовремя. И им досталась неблагодарная доля стать первым звеном цепи и тем самым передать предупреждение другим».

Учитель сидел в машине в сотне метров от дома, где выросла Анна Лу. Подъехать ближе не давал полицейский кордон. Дальше люди шли пешком. Клеа смешалась с небольшой группой, а он остался ждать ее здесь.

Опершись перевязанной рукой на руль, Мартини наблюдал за происходящим сквозь ветровое стекло.

У дома стояли фургоны телесети, работали дикторы, и каждого освещали отдельной подсветкой. Все они рассказывали о прошлом и настоящем, ничегошеньки не зная о будущем. Это был трюк для привлечения аудитории: у людей должно было создаться впечатление, что за каждым репортажем кроется некая тайна. Репортеры, фотографы, хроникеры роились, привлеченные запахом беды, который был сильнее запаха крови, ибо кровь в Авешоте пока не пролилась. Чужая беда издавала странный запах, сильный, терпкий и в то же время привлекательный.

Было там и много обычных людей. Кто пришел или приехал из чистого любопытства, а кто и чтобы помолиться. Учитель никогда не был

верующим человеком, а потому его всегда удивляло, как слепо в такие трудные моменты, как теперь к примеру, люди начинают уповать на Бога. Пропала шестнадцатилетняя девочка, ее семья измучилась за эти несколько дней. Разве добрый Бог мог бы такое допустить? А оно все-таки случилось. Почему же сейчас тот же самый Бог, который позволил этому случиться, должен все исправлять? Если бы Он существовал, Он бы так не поступил, Он бы позволил событиям развиваться естественным образом. Ибо природой предусмотрено, что акт творения предваряется и завершается актом разрушения. В глазах Господа Анна Лу подходила на роль жертвы. Без жертвы не было бы веры, не было бы мучеников. И они там, наверное, уже наметили ее в святые.

В это время мимо белого внедорожника прошла группа школьников. Мартини узнал Присциллу. Она плелась позади всех, засунув руки в карманы парки и сгорбившись. Выглядела она печальной.

Мартини немного подумал и потянулся к заднему карману брюк за бумажником. В одном из отделений лежала записка с номером телефона, которую в последний учебный день нацарапала Присцилла в надежде, что он преподаст ей несколько уроков декламации. Он посмотрел на номер и принялся быстро что-то набирать на клавиатуре мобильника. Закончив, он снова взглянул на девочку и стал ждать.

Присцилла болтала с подружкой, когда что-то внезапно привлекло ее внимание, может быть звонок или вибрация телефона. Мартини увидел, как она выпростала из кармана парки руку и долго вглядывалась в дисплей мобильника. На лице ее возникло удивление, а потом замешательство. Присцилла сунула мобильник обратно в карман и никому ничего не сказала. Но было ясно видно, что она обдумывает прочитанное.

В окне с пассажирской стороны появилась Клеа, вернувшаяся от дома Кастнеров. Мартини потянулся, чтобы открыть дверцу. Жена села в машину.

– Мучительное зрелище, – сказала она. – Родители девочки только что выходили на крыльцо, чтобы поблагодарить людей. Все были очень взволнованы. Тебе бы тоже надо было пойти.

– Лучше не надо, – уклонился он.

– Ты прав, – согласилась она. – Это не в твоем характере… Но ты все равно мог бы быть полезен.

Мартини уловил мольбу в глазах жены:

– Что ты задумала?

– Я слышала, что в горах организуют группы поиска. Ты ведь занимаешься трекингом и за последние месяцы исходил эти места вдоль и

поперек. И мог бы…

– Ладно, договорились, – перебил он с улыбкой.

Клеа обняла его за шею и громко чмокнула в щеку:

– Я знала, что ты у меня молодец.

Мартини завел мотор. Маневрируя, чтобы выехать с парковки, он потихоньку, чтобы не заметила жена, бросил взгляд на Присциллу.

Девочка снова как ни в чем не бывало болтала с подружкой.

На его эсэмэску она не ответила.

31 декабря
Восемь дней после исчезновения

Поисковые отряды следовали особой тактике.

Волонтеры шли медленно шеренгой не более двадцати человек, на расстоянии трех метров друг от друга, как в спасотрядах, которые ищут погребенных под лавиной. Только вместо того, чтобы выдать им лавинные щупы, им объяснили, как надо осматривать территорию: сначала из угла в угол окинуть взглядом выделенный участок, а потом мысленно провести линии воображаемого прямоугольника, который назывался сеткой.

В их задачу не входило найти закопанное тело, для этого были собаки, натасканные на трупы. Они должны были прежде всего наметить направление поиска, выявить следы, которые могли бы привести к жертве.

Однако Анну Лу пока официально жертвой не признали, размышлял Мартини, идя вместе со всеми по лесистому склону. И тем не менее она уже ею стала – это как повышение по службе, честно тобой заработанное. Люди уже были убеждены, что благополучного исхода не будет. А в глубине души еще на это надеялись. Хотя на самом деле публика ожидала драматического исхода. Все жаждали испытать потрясение.

Учитель вот уже несколько дней принимал участие в поисках. Во главе каждого отряда стоял полицейский. Чтобы уровень концентрации внимания не снижался, люди менялись местами каждые тридцать минут. Поисковая смена длилась четыре часа.

В первый день нового года Мартини выпало дежурство сразу после полудня. Эта смена была самой короткой: в три часа солнце садилось за горами, возвещая конец всем наблюдениям, потому что у волонтеров не было приборов ночного видения.

Первые дни поисков прошли почти в полной тишине, все старались, чтобы от их внимания ничто не ускользнуло. А потом между ними установился опасный климат товарищества, люди решили, что им позволено болтать на ходу, а некоторые даже прихватывали с собой еду и пиво, словно речь шла о загородной прогулке. Но их почему-то никто не останавливал.

Да и, говоря по правде, никаких следов ни Анны Лу Кастнер, ни ее таинственного похитителя обнаружено не было.

Чтобы честно выполнять обещание, данное жене, Мартини так и не

сошелся ни с кем из своей группы. Он держался в стороне и избегал обмениваться мнениями с кем бы то ни было, ибо такие разговоры часто походили на сплетни.

В тот день он заметил, что обстановка изменилась. Все сосредоточились на задании. Причиной тому было присутствие Бруно Кастнера. Отец пропавшей девочки уже принимал участие в поисках, но они с Мартини пока ни разу не пересекались. Бруно председательствовал на службе в доме собраний братства, а потом присоединился к последней поисковой группе. Наблюдая за ним, Мартини заметил, что, несмотря на свалившиеся на него беды и напряжение, этот человек обладает недюжинной внутренней силой. Он не боялся наткнуться на примету, которая положит конец всем его надеждам увидеть дочь живой. Не исключено, что и для него это также было бы облегчением. Учитель задался вопросом, как бы он повел себя на месте Кастнера. Но на этот вопрос не было ответа, надо было на собственной шкуре испытать душераздирающее чувство утраты.

Завершив смену, волонтеры вернулись в базовый лагерь. На большой поляне в лесу установили палатку, где для отчета собирались командиры отрядов. Исследованные зоны вычеркнули на карте. Но оставались труднопроходимые места, которые требовали повторного прочесывания. После этого руководители групп наметили план поисков на завтра.

Волонтеры оставили свои машины в отдалении, и теперь все спешили к ним, чтобы разъехаться по домам. Прислонившись к багажнику белого внедорожника, Мартини стягивал грязные ботинки.

– Послушайте меня все внимательно, – громко сказал руководитель группы, и все сгрудились возле него. – Я связался с оперативным штабом в долине. Они говорят, что на ближайшие дни прогноз погоды отвратительный. С сегодняшнего вечера на пару суток зарядят дожди, а потому нам придется приостановить поиски до второго января.

Новость никому не понравилась. Некоторые проделали много километров, сами оплачивая дорожные расходы, оставив свои семьи, и теперь чувствовали себя обиженными.

Руководитель группы постарался успокоить людей:

– Я знаю, что дожди для вас не помеха, но состояние грунта в ближайшие часы не позволит передвигаться по лесу.

– Грязь уничтожит все следы, – заметил кто-то.

– Или, наоборот, их обнажит, – возразил руководитель группы. – Как бы то ни было, мы не можем работать в таких погодных условиях: это будет пустая трата сил, поверьте мне.

В конце концов ему удалось убедить волонтеров. Мартини увидел, как они печально побрели к своим машинам. Однако на полпути все остановились, собравшись кучкой.

На дороге стоял Бруно Кастнер.

Все по очереди подходили к нему, чтобы пожать ему руку или просто молча похлопать по плечу. Учитель тоже мог бы подойти и проявить солидарность, но он этого не сделал. Он остался возле внедорожника, а потом сел в машину и уехал первым. Никто не обратил на него внимания.

Он стоял в коридоре, завернувшись в махровый халат, и вот уже минут десять молотил в дверь ванной. Оттуда доносились приглушенные звуки рока, но ответа не было. Мартини начал терять терпение:

– Сколько тебе еще надо времени?

Тут он заметил Клеа, которая поднималась по лестнице со стопкой выстиранного белья.

– Она уже целый час как там закрылась, – сказал он. – Какого дьявола делать в ванной столько времени?

Жена улыбнулась:

– Она красоту наводит, дурачок, – и прибавила, понизив голос: – Ее сегодня пригласили на вечеринку.

Мартини удивился:

– Кто пригласил?

– Какая разница? Ведь это хороший признак. Она начинает обзаводиться друзьями.

– Ты что, хочешь сказать, что мы проведем конец года одни?

– А у тебя есть другой план, учитель? – подмигнула она, направляясь в кладовку.

– Думаю, пиццу и бутылку вина мы можем себе позволить.

И пока Клеа проходила мимо, он, пользуясь тем, что у нее заняты руки, изловчился и ущипнул ее за зад.

Моника вышла из дому около восьми вечера. Она по-прежнему была одета во все черное, но ради такого случая сменила брюки на юбку.

Увидев ее, Лорис Мартини вдруг понял, что его дочь скоро превратится во взрослую женщину. И произойдет это достаточно быстро и без всяких предупреждений. Та самая девчушка, что в грозу сидела у него на руках, свернувшись в комочек, больше не попросит у него защиты. Но он-то знал, что всегда будет ей нужен. Надо только найти способ, как присматривать за ней, чтобы она этого не замечала.

Пока Моника принимала душ, он сбегал в пиццерию за угол и заказал

две пиццы «Капричччио» навынос. Когда он вернулся, Клеа лежала на диване в мягкой фланелевой пижаме, укрыв ноги пледом.

– А я-то думал, у нас будет лихая вечеринка, а не сю-сю мю-мю, – запротестовал он.

В ответ Клеа расстегнула молнию на пижаме и показала краешек черного кружевного белья:

– Не надо полагаться на видимость.

Он поставил коробку с пиццей на стол, подошел к ней и, взяв в руки ее лицо, крепко поцеловал. Они долго согревали друг друга телами и поцелуями, а потом она, не говоря ни слова, увлекла его наверх, в их спальню.

Сколько же времени они не любили друг друга вот так? Учитель задал себе этот вопрос, глядя в потолок, когда они, нагие, лежали рядом. Конечно, у них были моменты секса после того, как случилось *это*. Но сейчас он впервые об этом не думал. Им было сложно вновь обрести взаимопонимание или хотя бы элементарное желание. Поначалу они занимались любовью с яростью, словно мстили друг другу. Любовь стала способом упрекнуть партнера, не ругаясь и не ссорясь. И под конец оба доходили до полного изнеможения.

Но в этот вечер все было по-другому.

– Как ты думаешь, наша девочка будет счастлива? – в лоб задала вопрос Клеа.

– Моника – еще подросток. А все подростки чувствуют себя несчастными.

– Опять твои шуточки вместо ответа, – с упреком сказала она. – Ты видел, как она была довольна, когда уходила на вечеринку?

Она была права, в доме чувствовалась та самая эйфория, которой так долго недоставало.

– А знаешь, я кое-что понял в том, что случилось с этой девочкой, с Анной Лу.

Он заметил, как насторожилась Клеа.

– Я понял, что нам всегда не хватает времени, чтобы узнать собственных детей. Теперь Кастнеры, несомненно, спрашивают себя, что они сделали не так, в чем была ошибка, которая принесла им столько страданий, в какой момент в их прошлой жизни произошел сдвиг, который довел до такого… Истина в том, что у нас нет времени спросить себя, а счастливы ли наши дети. А ведь есть еще более важная задача: спросить себя, счастливы ли мы сами в их глазах, и увериться, что наши промахи не падут на них.

Может быть, Клеа в этот момент почувствовала, что ее призывают к ответу, однако виду не подала. Она еще раз его поцеловала в благодарность за такие размышления.

Немного погодя они, полуобнаженные, сидели за кухонным столом, жевали остывшую пиццу и пили из непарных бокалов красное вино, припасенное для такого случая. Лорис рассказывал забавные истории из школьной жизни, об учителях, об учениках, только бы видеть, как она смеется.

Они словно вернулись в университетское время, когда к концу месяца кончались деньги и они делили последнюю баночку тунца в съемной однокомнатной квартирке.

Господи, как же он любил свою жену, он сделал бы для нее все, что угодно. *Все, что угодно*.

Они настолько были близки в этот вечер, что не заметили, как миновала полночь и начался новый год. К реальности их вернул проливной дождь за окном.

– Хочу позвонить Монике, – сказала Клеа, вставая из-за стола и берясь за мобильник. – В такой ливень тебе, может быть, придется ее встретить.

Университетская девчонка снова обретала статус жены и матери. Мартини наблюдал за превращением, пока она дожидалась ответа. Потом она снова завернулась в старенький кардиган, который когда-то у него конфисковала, а теперь носила только дома. Ей не было холодно, ей было страшно.

– Не могу поймать сеть, – с опаской сказала она.

– Только что миновала полночь, и все друг другу звонят с поздравлениями. Сеть перегружена, это нормально.

Клеа его не слушала и раз за разом набирала номер. Безрезультатно.

– А вдруг с ней что-нибудь случилось?

– Слушай, это уже паранойя.

– Тогда я позвоню туда, где они празднуют.

Мартини дал ей полную свободу действовать, как она захочет. Клеа нашла номер телефона и позвонила:

– Как – не появлялась?

Голос ее прозвучал душераздирающе. По мере того как мозг прокручивал сценарии, один ужаснее другого, на лице мелькали эмоции, одна хуже другой. Когда она отсоединилась, тревога переросла в ужас.

– Они говорят, что она не появлялась.

– Подожди, успокойся, и давай подумаем, куда она могла пойти, – сказал Мартини.

Однако, когда он попытался к ней приблизиться, она его решительно оттолкнула:

– Ты должен найти ее, Лорис. Обещай мне.

Он сел в машину и двинулся по ночному Авешоту, не зная, в какую сторону ехать. Непогода, разгулявшаяся в долине, прогнала с улиц всех прохожих. Струи воды мешали видеть дорогу, потому что дворники внедорожника не успевали очищать ветровое стекло.

Он вдруг осознал, что Клеа заразила его своей паникой, и он тоже поддался искушению соединить молчание Моники с исчезновением Анны Лу.

– Нет, такого не может быть, – твердил он себе, стремясь прогнать эту мысль.

Он всего двадцать минут как вышел из дому, но они казались вечностью. Жена наверняка скоро позвонит, а что он ей скажет?

Моника исчезла бесследно. Полиция снова объявит режим боевой готовности. Новость появится на телеэкранах. Поисковые отряды пойдут в лес.

Нет, этого не будет. Только не с ней!

Но мир полон монстров. И их не сразу распознаешь.

Он подумал об отце Анны Лу, заново увидел, как он принимает ободряющие хлопки по плечу, увидел его все понимающий взгляд. Отец всегда знает истину, даже если невыносимо ее принять. В то утро он попробовал почувствовать себя в его шкуре. Ничего не получилось. А сейчас?

«Я должен ее найти. Я обещал. Я не могу потерять Клеа. *Еще раз* потерять».

Он призывал себя рассуждать здраво, но это было почти невозможно. Тогда ему в голову пришла мысль вернуться туда, откуда он начал поиски. На вечеринку.

Через пять минут он стоял перед дверью частного дома, откуда доносились приглушенные звуки ритмичной музыки. Он позвонил в колокольчик и несколько раз постучал в дверь, чтобы ему открыли. Ледяная вода заливала волосы и пальто. Когда же кто-то наконец его заметил, он в ярости ввалился в дом.

В просторной гостиной толпились человек шестьдесят подростков. Кто танцевал, кто сидел, развалясь, на диванах. Слишком громкая музыка не давала разговаривать, но от алкоголя ребята размякли. В полумраке и в густом сигаретном дыму было невозможно различить хотя бы одно

знакомое лицо.

Наконец он узнал пару своих учеников. Один из них был Лукас, задира с татуировкой черепа за ухом.

– Учитель, с Новым годом! – приветствовал он подошедшего Мартини, дохнув на него острым запахом ликера.

– Ты не видел мою дочь?

Лукас сделал вид, что задумался:

– Так-так… А какая она? Вы можете ее описать?

Мартини вынул из кармана бумажник и достал оттуда фотографию Моники:

– Вот она. Ты ее знаешь?

Лукас взял фото и принялся его разглядывать.

– Хорошенькая, – произнес он, явно провоцируя учителя. – По-моему, она тут сегодня была.

Мартини, однако, не был расположен шутить. Он схватил парня за пропотевшую футболку и припер к ближайшей стенке. Такого с ним еще не случалось, по крайней мере на людях. На них стали оборачиваться.

– Ребята, тут назревает драка! – крикнул чей-то голос, и их быстро окружили.

Но учитель впился взглядом в глаза Лукаса:

– Так ты видел ее или нет?

Мальчишка явно не привык к такому обращению, и в нем нарастало желание дать отпор. Но он сдержался и сказал угрожающе:

– Я ведь могу и донести на вас за такие дела.

Учитель ничуть не испугался:

– Я еще раз повторять не буду.

Резким движением Лукас стряхнул с себя руки учителя:

– Я знаю, где она, – и добавил торжествующе: – Только вряд ли вам это понравится.

Когда Мартини добрался до указанного дома, дождь прошел. Света в доме не было. Дверной колокольчик прозвучал в абсолютной тишине. Потом кто-то зажег лампочку в коридоре.

Сквозь матовое стекло двери Мартини видел, что происходит внутри, и ему казалось, что это мираж, дурной сон.

Ему открыл дверь голый по пояс парень с абсолютно гладкой, словно полированной, грудью. Он был босой, и на нем наблюдались только спортивные штаны. За ним из какой-то комнаты высунулась Моника. Она была одета, но растрепанные волосы рассказывали другую историю.

На обратном пути оба не проронили ни слова. Мартини ограничился тем, что позвонил жене и сказал, что все в порядке, они едут домой. Но больше ничего говорить не стал.

– На вечеринке было очень скучно, и мы сбежали, – принялась оправдываться девочка.

Отец молчал.

– А потом мы заснули и не заметили, сколько прошло времени. Мне очень жаль.

Мартини яростно сжимал руль, не обращая внимания на боль в перевязанной руке.

– Ты курила? – грозно спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Травку курила?

Она тряхнула головой, зная, что врать бесполезно:

– Я не знаю, что это было, но клянусь, что больше не было ничего.

Мартини старался сохранить спокойствие.

– И тем не менее сейчас будешь объясняться с мамой.

Когда он припарковал белый внедорожник в конце бульвара, Клеа уже стояла на крыльце в своем кардигане. Моника вышла из машины первая. Отец смотрел, как она бежит к дому. Клеа раскинула руки и прижала дочь к себе, этим объятием сбрасывая напряжение. Мартини наблюдал за сценой сквозь лобовое стекло, и ему не хватило мужества нарушить этот миг своим вторжением. Он снова подумал о том, что произошло в его семье шесть месяцев назад, когда он чуть не потерял все.

Нечто.

Нет, этого больше не случится. Никогда.

3 января
Одиннадцать дней после исчезновения

Прогноз оправдался. Двое суток без передышки лил дождь.

Наутро третьего дня сквозь тонкую пелену полупрозрачных облаков проглянуло бледное солнышко.

Мартини решил, что сегодня в самый раз будет заняться беседкой в саду. Ему хотелось отвлечь Клеа от мыслей о пропавшей девочке, и вернуться к идее маленького огорода и теплицы казалось весьма удачным ходом. У жены не было никаких занятий, и она целыми днями смотрела телепрограммы, полностью посвященные только истории с Анной Лу Кастнер. При отсутствии официальной информации каждый считал себя вправе выдвинуть собственную версию. На телевидении ни о чем другом не говорили. И гипотезы выдвигали не только специалисты. На передачи приглашали и старлеток, и людей из околотеатральной тусовки. Это уже выходило за рамки приличий. Строились гипотезы, одна абсурднее и фантастичнее другой. Самые незначительные детали истории Анны Лу анализировались и обсуждались, словно с минуты на минуту разрешение загадки должно было прийти именно оттуда.

Создавалось впечатление, что этот поток болтовни никогда не иссякнет.

Жизнь в доме учителя теперь протекала под непрерывный аккомпанемент включенного телевизора, а потому в то утро он сел в машину и отправился в скобяную лавку. Он купил рулон полиэтиленовой пленки и листовое железо для контура, а к ним болты, гайки и зажимы для закрепления стяжек. Когда Мартини загружал все это в просторный багажник внедорожника, его внимание привлек какой-то звук.

Это шелестели по асфальту колеса скейта.

Он обернулся и увидел Маттиа, проезжавшего в нескольких метрах от него.

– Маттиа! – помахал он рукой.

Парень его поначалу не заметил, а затем повел себя очень странно. Он резко затормозил, потом так же резко прибавил скорость и умчался прочь.

Мартини вздохнул: он действительно не понимал этого мальчишку. Потом сел в машину и поехал домой.

Обычно он проезжал по дороге, огибавшей городок, по своего рода

кольцевому шоссе, дававшему возможность миновать центр. Как правило, машины там двигались довольно быстро, но в это утро он уперся в колонну автомобилей, которая еле ползла. Может, произошла авария, что нередко случалось на дальнем перекрестке. И действительно, ему показалось, что впереди мигают маячки патрульных машин. Он продвигался вперед, однако ни одной помятой машины не увидел.

Значит, дело было не в аварии. Впереди оказался блокпост.

В эти дни в Авешоте блокпосты выставляли часто, особенно возле дома пропавшей девочки. Мартини не видел смысла в таких мерах, разве что ожесточить население. Это все равно что запереть стойло, когда все быки уже разбежались. Однако у него возникло подозрение, что в условиях постоянно сгущающейся тайны и нарастающего внимания СМИ полицейские просто должны были продемонстрировать публике, что они чем-то заняты.

Автомобилисты в пробке не имели возможности свернуть в какую-нибудь боковую улочку и объехать блокпост, а разворачиваться не решались: это вызвало бы подозрения. Мартини тоже смирился и терпеливо дожидался своей очереди. Но по мере того как он продвигался вперед, у него внутри нарастала тревога. По кончикам пальцев пошли мурашки, а в желудке возникла странная пустота.

– Добрый день, ваши документы, пожалуйста, – сказал полицейский в форме, склонившись к открытому боковому окошку.

Учитель уже приготовил все необходимое и протянул ему водительское удостоверение и техталон.

– Спасибо, – сказал полицейский и отошел к патрульной машине.

Мартини наблюдал, что происходит. Полицейских было только двое. Один стоял на проезжей части и жезлом указывал автомобилям подъехать. Второй, тот, с которым он только что говорил, сел в машину и диктовал данные документов по радио. Сквозь заднее стекло Мартини хорошо его видел. Но прошло время, и он начал спрашивать себя, с чего этот полицейский так долго возится. Может, просто показалось и они со всеми остановленными машинами долго возились, но в нем зародилось подозрение, что что-то пошло не так.

Наконец полицейский вылез из патрульной машины и вернулся к нему:

– Синьор Мартини, прошу вас следовать за нами.

– А что случилось? – спросил он, может быть, с излишней тревогой.

– Простая формальность, она займет всего несколько минут, – вежливо ответил полицейский.

Его сопроводили в местное полицейское отделение и оставили дожидаться в помещении, похожем на архив. Кроме каталогов и папок, расставленных по шкафам, в комнате чего только не было: старые компьютеры, лампочки, канцелярские принадлежности и даже чучело сокола.

Возле стола стояли два стула. Учитель разглядывал свободное место напротив себя и гадал, кто явится его занять. Прошло уже минут сорок, как его сюда привели, а никто пока не появился. Тишина и запах пыли действовали на нервы.

Вдруг дверь распахнулась и вошел человек лет тридцати, в пиджаке и при галстуке. В руке он держал техталон внедорожника и водительские права. Он улыбнулся вполне доброжелательно:

– Прошу меня извинить, что заставил вас ждать. Я агент Борги.

Мартини пожал протянутую руку и, при таком вежливом обращении, немного расслабился.

– Ничего страшного.

Борги уселся на свободный стул и положил документы на стол, пробежав их глазами, словно видел впервые.

– Итак, синьор… Мартини, – сказал он, прочитав имя.

Агент, конечно, знал, как его зовут, а притворялся, чтобы дать понять: бояться нечего. Так решил про себя учитель.

– Да, это я, – подтвердил он.

– Предвижу, что вы спросите, почему вас остановили. Мы производим выборочный контроль, закончим через несколько минут.

– Это из-за пропавшей девочки?

– А вы ее знали?

– Она ровесница моей дочери и учится в школе, где я преподаю. Но, честно говоря, я ее не припоминаю.

Молодой полицейский помолчал, и у Мартини создалось впечатление, что его внимательно изучают. Борги снова заговорил, все тем же дружеским тоном.

– Как въедливый мент, я задам вам всего один вопрос, – сказал он с улыбкой. – Где вы были двадцать третьего декабря в девятнадцать часов?

– В горах, – с готовностью ответил тот. – Я там пробыл несколько часов и вернулся к ужину.

– Вы скалолаз?

– Нет, я занимаюсь трекингом.

Борги одобрительно хмыкнул:

– Вот это да! А в какой зоне вы были двадцать третьего?

– Я на малой скорости поднялся на самый верх, а потом пошел по восточному склону.

– С вами кто-нибудь был? Друг или знакомый?

– Нет, никого. Я люблю путешествовать один.

– Ну, может быть, вас кто-нибудь видел, какой-нибудь турист, грибник или еще кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, где вы были…

Мартини подумал и сказал:

– Нет, кажется, мне никто не попался навстречу.

Борги помолчал.

– А что у вас с рукой?

Мартини взглянул на завязанную левую руку, словно уже о ней позабыл:

– Я упал как раз в тот день. Поскользнулся на склоне и инстинктивно схватился за острую ветку, торчавшую из земли. Рана очень плохо заживает.

Борги снова внимательно на него посмотрел. Мартини ощутил неловкость. Агент еще раз улыбнулся:

– Ну, вот и хорошо, мы закончили.

Он протянул учителю документы.

Мартини удивился:

– И это все?

– Я же вам сказал, что мы справимся за несколько минут.

Полицейский встал с места, за ним поднялся Мартини. Они пожали друг другу руки.

– Спасибо, что уделили нам время.

В этот вечер Клеа приготовила на ужин жареную курицу с картошкой, любимое семейное блюдо. Когда у них что-то не клеилось или хотелось себя за что-то вознаградить, семейство Мартини садилось за стол, где аппетитно дымилась курочка.

Лорис не знал, почему жена выбрала именно это блюдо, может быть, хотела отметить наступивший мир в отношениях с Моникой. Он не стал ей рассказывать, что случилось в новогоднюю ночь, надеялся, что дочь объяснит все сама. Но у той не хватило мужества, однако чувство вины способствовало сближению с матерью.

За ужином в доме царила совсем другая атмосфера. Наконец завязался веселый разговор. Предметом насмешек стали соседи. Клеа и Моника без устали болтали и смеялись над Одевисами. Вот и хорошо, думал Мартини.

Так никто не заметит, что он почему-то молчит.

Выйдя из полицейского отделения, он расслабился и поехал домой. Но шли часы, и у него в голове стали появляться странные вопросы. Почему его так быстро отпустили? Надо ли доверять вежливой любезности агента Борги? Может, они его в чем-то подозревают, потому что у него нет алиби?

После ужина он попробовал заняться проверкой тетрадей, но мысли были заняты другим. Перед одиннадцатью он отправился в постель, зная, что заснуть не удастся долго.

– Все будет хорошо, – твердил он, залезая под одеяло.

Да, все будет хорошо.

– Вы скалолаз?

– Нет, я занимаюсь трекингом.

– Вот это да! А в какой зоне вы были двадцать третьего?

– Я на малой скорости поднялся на самый верх, а потом пошел по восточному склону.

– С вами кто-нибудь был? Друг или знакомый?

– Нет, никого. Я люблю путешествовать один.

– Ну, может быть, вас кто-нибудь видел, какой-нибудь турист, грибник или еще кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, где вы были…

– Нет, кажется, мне никто не попался навстречу.

– А что у вас с рукой?

Фогель остановил видеозапись допроса. На экране осталось лицо учителя крупным планом. Спецагент повернулся к Борги и прокурору.

– Алиби нет и поранена рука! – торжествующе констатировал он.

– Но у этого человека незапятнанное прошлое, ни одного намека на то, что он способен на насилие, – возразила Майер.

Просмотрев все видеозаписи Маттиа, Фогель уверился в том, что мальчишка действительно навел их на тот след, который они искали. Маттиа был его главным свидетелем. Его вместе с матерью увезли в безопасное место.

Затем за учителем сразу установили слежку. За последние трое суток с него буквально не спускали глаз. Люди Фогеля следили за ним издали, снимая его на видео и отмечая все, что с ним происходило. Ничего они не выявили, но Фогель и не ожидал сразу найти неопровержимые доказательства, чтобы его арестовать. При таких обстоятельствах было необходимо слегка подтолкнуть события. Для этого и организовали камуфляжный блокпост нынче утром. Но перед этим привезли Маттиа,

объяснив ему, что надо делать, когда он увидит учителя. Ему предстояло опознание.

Пока Мартини соображал, с чего бы вдруг мальчишка так странно повел себя перед скобяной лавкой, Фогель, сидя в патрульном автомобиле с выключенными маячками, наблюдал за выражением его лица.

Привезти его в отделение полиции, заставив прождать сорок минут в пропыленном архиве, было методом воздействия. Борги прекрасно справился со своей ролью. Он был любезен, все ответы его удовлетворяли. Но вопросы были продуманы таким образом, чтобы не столько давить на допрашиваемого, сколько заронить сомнение.

Фогель был убежден, что пройдет несколько часов – и все это принесет плоды.

Но Майер была в этом убеждена гораздо меньше:

– А вам известно, у скольких людей, которых мы опросили в неформальной обстановке за эти дни, тоже не было вразумительного алиби на двадцать третье декабря? У двенадцати. И у четверых из них не все гладко в прошлом.

Фогель ожидал, что прокурорша скептически отнесется к его идее. Но для него учитель Лорис Мартини был идеальной фигурой.

– Быть незаметным – это талант, – утверждал он. – Здесь нужен самоконтроль и большая дисциплина. Я убежден, что мысленно учитель Мартини совершал нечто неописуемое, каждый раз спрашивая себя, способен ли он на это в действительности. Но монстрами не рождаются. Это как в любви: необходим именно тот человек… Когда он встретил Анну Лу, то наконец понял, какова его натура. И он влюбился в собственную жертву.

Борги присутствовал при обмене репликами, не вмешиваясь. Если положиться на свой инстинкт, то он бы сказал, что учитель слишком уж спокойно вел себя во время разговора.

– Вы сами не так давно утверждали, что Анна Лу знала своего похитителя и для нее не составило проблемы пойти за ним, – сказала Майер. – Но в данном случае у нас нет уверенности, что они вообще были знакомы.

– Мартини преподавал в той школе, где училась девочка, и она, конечно, знала его в лицо.

– Может быть, Анна Лу знала, кто он такой, но чтобы довериться ему до такой степени? Чтобы сесть в машину, когда на улице уже темно, нужно не доверие, а нечто большее. Особенно если девочку воспитывали в братстве таким образом, что любые контакты с чужими людьми сводились

к минимуму… Нет, не думаю, что Мартини к этому причастен.

– В таком случае как вы объясните видеозаписи, сделанные Маттиа?

– Эти кадры – еще не доказательство, и вы это хорошо знаете.

«Ничего, станут доказательством», – подумал Фогель. И еще раз вгляделся в лицо на экране.

Да, учитель Мартини подходил прекрасно.

5 января
Тринадцать дней после исчезновения

В желтоватом закатном свете вокруг гор образовалась голубая дымка.

Учитель вел машину по шоссе. Рядом с ним сидела жена. Обогреватель был включен и немножко гудел, но в салоне разливалось приятное тепло. Клеа замолчала и наслаждалась теплом и уютом. Мартини то и дело поглядывал на нее, и Клеа отвечала улыбкой на его взгляд.

– Тебе пришла хорошая мысль, – сказала она. – Мы уже так давно не были на озере.

– С самого лета, – вспомнил он. – Но думаю, что зимой там еще красивее.

– Согласна.

Они провели на горном озере целый день. Чтобы до него добраться, надо было часа два идти пешком. Но переход был нетрудный, не то что те, в которых он обычно испытывал себя. Этот маршрут выбрала Клеа, менее тренированная, чем он. Хорошо утоптанную тропу, по которой обычно ходили туристы, пересекали множество ручейков. В эту зиму снега выпало необычно мало, и потому идти было легко. А в награду тем, кто поднимался на вершину, открывался прекрасный вид на маленькую долину на краю огромного ледника, окруженную скалистыми пиками. У самого ледника виднелось прозрачнейшее озеро, на его зеркальной глади вспыхивали полосы золотистых закатных отблесков. Вокруг все заросло рододендронами, которые летом расцветали ярко-красными цветами. Возле озера стояло шале, горный приют, где можно было отведать местных кушаний. Меню всегда состояло из трех блюд. Мартини с женой обычно заходили в приют, чтобы поесть овощного супа с черным хлебом. Время пролетело незаметно, и, когда они спустились к автомобилю, уже почти стемнело.

– О чем ты думаешь? – спросила Клеа.

Вопрос казался абсолютно невинным.

– Ни о чем.

И это была правда. Все, что тревожило его накануне, куда-то ушло, и ему снова стало спокойно. Однако о блокпосте и о странном допросе, который ему устроили, он жене не сказал.

– Тебе надо подстричься, – сказала она, запустив руку в густую

кудрявую гриву его каштановых волос.

Мартини нравились такие знаки внимания, значит у нее еще не пропала охота им заниматься.

– Ты права, завтра схожу к парикмахеру.

Оба устали, но были счастливы. И обоим не терпелось вернуться домой и принять душ. На приборной доске вдруг замигал индикатор топлива.

– Надо заправиться.

– А до завтра дело не терпит?

Клеа очень не хотелось делать остановку.

– К сожалению, нет.

Километров через десять вдали показалась заправка. Когда Мартини свернул к ней, то оказалось, что там полно машин, включая дачные «домики на колесах». Странно, подумал он. Обычно в это время здесь никого не бывает. Наверное, это из-за пропавшей девочки. Опять понаехала куча любопытных.

Возле заправки царило праздничное возбуждение, крики развеселых компаний и визг детей были почти невыносимы. Когда подошла их очередь, Мартини сам заправился у автомата, а потом направился в придорожный ресторанчик, чтобы заплатить, и встал в очередь к кассе. Молодая расторопная кассирша старалась обслужить всех как можно быстрее. В углу, у самого потолка, на кронштейне был прикреплен телевизор. Гомон толпившихся в заведении посетителей заглушал звук, но на экране мелькали кадры очередного репортажа об Анне Лу. Мартини фыркнул и отвернулся от экрана.

Наконец подошла его очередь.

– Я заправлялся на восьмой, – сообщил он кассирше.

– Вы, наверное, из местных, – раздраженно сказала она, сверяя сумму на компьютере.

– А как вы догадались?

– Я видела, как вы отреагировали на репортаж. – И добавила вполголоса: – Мой начальник доволен этим вторжением, говорит, дела пошли в гору. Но я прихожу домой с опухшими ногами и невыносимой головной болью.

Мартини улыбнулся:

– Может, это скоро кончится.

– Будем надеяться. Но сегодня просто какой-то особенный день: на телевидении все посходили с ума и без конца крутят одни и те же изображения.

– Какие изображения?

Кассирша отвлеклась от работы, и очередь стала расти.

– Простите, вы сказали – на восьмой?

– На восьмой.

Она взглянула на контрольный экран автозаправки и с каким-то странным выражением перевела глаза на Мартини.

– Что-то не так?

Кассирша подняла глаза на экран телевизора. Мартини тоже взглянул.

На экране мелькали кадры любительской съемки. Анна Лу в разные моменты жизни. Вот она идет по улице с рюкзачком и с коньками на плече. Вот она с подругой, в которой Мартини сразу узнал Присциллу. В следующих кадрах Анна Лу выходит из дому с братишками. Потом в режиме стоп-кадра появляется увеличенное изображение белого внедорожника. Получается, что он все время присутствует, стоя в отдалении.

И тут учитель понял, что за потрясающую новость транслировали весь день по телевизору. Вот почему начался новый наплыв приезжих. Наконец-то обнаружили след. Белый внедорожник, похожий на его машину.

Да нет, не просто «похожий», это была его машина.

Сенсацию представляла знаменитая тележурналистка Стелла Хонер, ее подпись светилась на экране. А поверх изображения шла надпись:

ОЧЕРЕДНОЙ ПОВОРОТ В РАССЛЕДОВАНИИ: ЗА НЕЙ КТО-ТО СЛЕДИЛ.

Учитель оставил на стойке банкноту в пятьдесят евро, хотя должен был заплатить гораздо меньше. Не обращая внимания на изумление кассирши, он быстро вышел. Не успел он перейти через площадку автозаправки, как раздался чей-то голос:

– Эй, смотрите, вон та самая машина!

Возле автомобиля собралась толпа, и все пытались сверить номер. К счастью, Клеа, сидевшая внутри, была занята написанием эсэмэски и ничего не замечала. Под пристальными взглядами толпы Мартини ускорил шаг и, поравнявшись с внедорожником, быстро прыгнул внутрь.

– Что случилось? – спросила Клеа, увидев, что он встревожен.

– Потом объясню, – оборвал он и, не теряя времени, вставил ключ в зажигание. Но машина не двинулась с места, потому что у него дрожали руки.

Люди тем временем окружили автомобиль. И в глазах у всех читалась та же смесь изумления и страха, что и в глазах кассирши. Если кто-то из них решит хоть что-то ему сделать, остальные ринутся за ним, в ужасе

подумал Мартини. Наконец мотор завелся. Он нажал на газ и отъехал. Быстро выехав на шоссе, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Они все еще стояли там, и в их глазах читалась угроза.

– Ты можешь, наконец, сказать, что происходит? – встревоженно спросила Клеа.

Повернуться и посмотреть на нее ему не хватило мужества.

– Поехали домой.

По дороге жена засыпала его градом вопросов. Он попробовал объяснить ситуацию, которую и сам не до конца понимал.

– Как это понять: тебя задержали?

– Два дня назад меня остановили на блокпосте.

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Я не придал этому значения. Они останавливали всех подряд, не только меня. Там были и те, кого я знаю, – соврал он.

Когда они наконец добрались до дому, Мартини ожидал, что его там поджидает полиция. Но, против ожидания, улица возле их дома была странно безлюдна. Не было видно ни одного прохожего, но учитель все равно поторопил жену:

– Вылезай скорее – и быстро в дом.

Едва они шагнули за порог, как посреди гостиной обнаружили дочь. Она стояла перед телевизором, впившись глазами в экран, и явно была напугана:

– Мама, что происходит? По телевизору говорят, что пропавшая девочка… что за ней кто-то следил… а потом показали машину, и это вроде бы наша машина.

Не зная, что ответить, Клеа обняла Монику и посмотрела на мужа: может, он скажет что-нибудь. Но Мартини не в силах был даже выйти из коридора.

– Не знаю. Ничего не понимаю. Должно быть, это какая-то ошибка, – пробормотал он.

На экране снова появился белый внедорожник.

– Но ведь это наша машина!

Клеа была потрясена, она не верила своим глазам:

– Я знаю, но это чистое безумие.

Тут учитель заметил, что дочь вот-вот расплачется.

– Я же тебе говорил, что меня остановили на блокпосте, задали несколько вопросов и отпустили домой. Я был убежден, что все обойдется.

– Ты был убежден?

В тоне Клеа послышалось обвинение. Мартини волновался все больше.

– Ну да, меня спросили, где я был, когда пропала девочка. Но это вещи настолько…

Клеа несколько секунд помолчала, потом стала вспоминать.

– В тот день ты был в горах. И вернулся вечером, – спокойно сказала она.

Однако в глубине души она вдруг отдала себе отчет, что у мужа нет алиби.

– Ну конечно, они ошиблись, – уверенно произнесла она, потому что и мысли не могла допустить об ином.

– Стоило бы позвонить в полицию и потребовать объяснений.

Но за ее решимостью крылась неуверенность.

Мартини наконец перешагнул порог гостиной, подошел к телефону и набрал номер. Ему ответили через несколько секунд.

– Это Лорис Мартини, попросите, пожалуйста, к телефону агента, с которым я разговаривал позавчера. Кажется, его фамилия Борги.

Ожидая, пока Борги передадут трубку, учитель бросил взгляд на жену и дочь. Обе выглядели растерянными и напуганными. Они так и стояли, обнявшись, и хуже всего было то, что это объятие его не касалось, словно они уже решили про себя дистанцироваться от него.

Прошло несколько минут, и мужской голос ответил:

– Я агент Борги.

– Вы можете сказать, что происходит? Почему моя машина не сходит с экрана телевизора?

Мартини был вне себя.

– Прошу прощения, учитель, – ровным и бесстрастным голосом сказал полицейский. – Произошла утечка информации. Этого не должно было случиться.

– Утечка информации? Меня в чем-то обвиняют?

Борги резко отсоединился, и Мартини так и остался с трубкой возле уха, не зная, что делать. Клеа и Моника смотрели на него с мольбой, ожидая ответа.

В этот момент комнату осветила яркая вспышка.

Это не могла быть галлюцинация, потому что все трое принялись озираться, не понимая, что случилось. Через несколько секунд вспышка повторилась, потом еще и еще. Это не могла быть гроза, потому что за вспышками не последовало раскатов грома.

Мартини подошел к окну и выглянул на улицу, жена остановилась у

него за спиной.

Сверкало снаружи. Вокруг дома метались какие-то темные тени, и вспышки исходили от них. Они выглядели странно, как марсиане, и от них веяло угрозой.

Это были фоторепортеры.

6 января
Четырнадцать дней после исчезновения

Ночью фургоны разных телеканалов заполонили улицу перед домом Мартини. Кто приехал раньше, тому достались лучшие места и лучшая точка съемки, с которой был виден небольшой тихий дом, теперь обреченный на круглосуточную телевизионную круговерть.

Рядом со съемочными группами, фотографами и хроникерами толпились любопытные, правда их полиция отделила временным ограждением, чтобы не нарушать безопасную зону. Около девяти утра Мартини выглянул в окно и понял, что никакие ограждения не смогут защитить ни его, ни его семью, если толпа решит устроить самосуд.

Ночь прошла тяжело. Никто не сомкнул глаз. Незадолго до рассвета Моника просто свалилась от усталости, а Клеа замкнулась в страдальческом молчании. Выносить все это Мартини не мог. Надо было что-то делать.

– Борги сказал, что они сюда явятся, но я не намерен долго ждать, – сказал он жене. – Я ничего такого не сделал, и у них нет ничего, чтобы доказать обратное, иначе они давно бы меня арестовали. Как ты считаешь?

Клеа поразмыслила над его словами, и к ней частично вернулась уверенность.

– Да, тебе надо пойти к ним и разъяснить твою позицию.

Мартини побрился и надел свой лучший костюм и галстук, чтобы выйти из дому, показав себя тем человеком, каким его все знали: порядочным и достойным уважения. Как только он шагнул за порог, на него обрушился шквал фотовспышек. Снимали изо всех углов, это было похоже на бомбардировку. Учитель загородил лицо рукой, но исключительно для того, чтобы окончательно не ослепнуть. Он пошел к внедорожнику, но передумал. После истории с любительским видео не стоило лишний раз давать повод связать себя с этой машиной. И он решил пойти пешком.

Полицейский увидел, как он сошел с крыльца, и крикнул:

– Синьор Мартини, может, вам лучше остаться дома?

Это не был приказ, просто совет не показываться толпе, которая может быть опасна.

Мартини не обратил внимания и двинулся через заграждение. На него тут же налетели операторы и журналисты с микрофонами.

– Почему ваша машина так часто маячила в тех местах, где появлялась девочка?

– Вы были знакомы с Анной Лу? Вы за ней следили?

– Полиция вас вызывала для допроса?

– Как по-вашему, девочку убили?

Учитель молча попытался пройти дальше по улице, но пройти ему не дали. Толпа начала гудеть. Слышать всех оскорблений в свой адрес он не мог, но лица тех, кто был ближе к нему, выражали откровенную ярость. Они пока не подходили близко, но намерения их были очевидны. Когда в него что-то метнули, он даже не успел сообразить, что это было. Только услышал, как что-то глухо стукнуло по асфальту совсем близко от него. И тут же бросок провокатора, который спрятался в толпе, с успехом повторили. В него полетели жестянки из-под пива и мелкие деньги. Хроникеры испугались, что им тоже достанется, и отскочили назад, освободив пространство вокруг учителя и тем самым сделав из него прекрасную мишень.

Мартини поднял руки, пытаясь загородиться, но это было бесполезно. Полиция даже не пробовала сдержать ярость толпы. И в этот момент послышался визг тормозов. Мартини низко наклонился, чтобы дождь летящих в него предметов его не поранил, но на секунду поднял голову, и одного беглого взгляда было достаточно, чтобы увидеть, что рядом с ним затормозил «мерседес» с тонированными стеклами. Задняя дверца распахнулась, и какой-то человек в элегантном костюме в белую полоску протянул ему руку.

– Садитесь! – раздался громкий голос.

Мартини не знал, кто это, но у него не было другого выхода, кроме как принять приглашение. Он сел в машину, и она быстро тронулась с места, спасая его от верного самосуда.

Прежде всего изящно одетый человек протянул ему пачку бумажных носовых платков:

– Вытритесь, синьор учитель. – Потом обратился к своему водителю: – Отвези нас куда-нибудь, где мы сможем спокойно поговорить.

Мартини обнаружил, что его одежда вся в какой-то желтоватой массе, и по запаху определил, что это горчица.

– Чем только в меня не кидали…

– Нельзя вот так выходить к толпе, это ее только провоцирует, разве вы не понимаете?

– А что я должен был делать? – спросил разъяренный учитель.

– Ну, например, довериться мне.

Он рассмеялся, протянул руку и представился:

– Адвокат Джорджо Леви.

Мартини с подозрением его оглядел:

– Вы нездешний.

Тот снова рассмеялся басовитым искренним смехом:

– Конечно нет, – и продолжил, сразу посерьезнев: – Разве вы не знали, что подозрение распространяется в обществе со скоростью эпидемии? Достаточно самой малости – и заразу уже не остановишь. Людям не нужна справедливость, им нужен виновный. Чтобы дать имя собственному страху, чтобы чувствовать себя в безопасности. Чтобы и дальше пребывать в иллюзии, что все образуется, что выход есть всегда.

– Но тогда я должен разоблачить и СМИ, и полицию, должен сделать заявление, – с убежденностью сказал Мартини.

– Не советую, – сурово произнес адвокат.

– Но что же мне тогда делать?

– Ничего, – последовал сухой ответ.

– То есть я должен позволить над собой издеваться и никак не реагировать?

Учитель был возмущен и явно не доверял адвокату.

– Эта битва проиграна, и драться сейчас не имеет смысла. Отдайте себе отчет, что тем лучше. А нам, напротив, надо сосредоточить усилия на вашем имидже честного человека, прекрасного мужа и отца семейства.

– Но с экранов телевизоров говорят, что я около месяца следил за девочкой, перед тем как она пропала. Это же абсурд!

– Не *вы*, – уточнил адвокат, – а *ваша машина* ездила за девочкой. И впредь следите за тем, какие слова вы употребляете, учитель: в тех любительских фильмах в глубине кадра виден только ваш внедорожник.

– Однако журналисты говорят, что эти фильмы снимал один из моих учеников.

– Его зовут Маттиа, – разъяснил Леви.

Мартини удивился.

– Давайте считать эти фильмы досадным совпадением, – продолжал адвокат. – Вы с Анной Лу живете в одном городке, и совпадение вполне могло иметь место. Но я хочу предостеречь вас от другого…

«Мерседес» остановился. Из окна Мартини узнал ту самую площадку за кладбищем, куда молодежь уезжала заниматься любовью или покурить марихуану.

– Сыщика, который устроил на вас охоту, зовут Фогель. – Это имя

адвокат произнес обеспокоенно. – Я бы не причислял его к следователям первой категории и даже сыщиком бы не назвал. Он некомпетентен в криминологии, и его не интересуют такие вещи, как анализ ДНК или другие доказательства, добытые научным путем. Он из тех, кто для достижения результатов привлекает средства массовой информации.

– Не понимаю…

– Фогель знает, что попавшие к нему в руки видеозаписи – никакое не доказательство. Более того, это снимал мальчик, одержимый Анной Лу, у которого неоднократно случались припадки агрессивности. Он принимает психотропные средства и наблюдается у местного психиатра по фамилии Флорес. Короче, если и есть в этом деле источник, которому нельзя доверять, так это Маттиа. Фогель им воспользоваться не может. Поэтому вы до сих пор и на свободе, учитель.

– А они не боятся, что я могу сбежать?

Леви снова рассмеялся:

– А куда бежать? Вы уже попали в выпуски новостей, и теперь вашу физиономию знает вся страна.

Мартини внимательнее вгляделся в адвоката. Он явно был старше его, но выглядел гораздо моложе своего возраста. Возможно, причиной тому были волосы, все еще густые и без малейшей седины. Женщины наверняка находили его очень привлекательным. Он источал запах дорогого одеколона, но дело было не только в этом. Его спокойствие и уверенность внушали доверие.

– А что вы делаете в нашем городке?

– Я здесь, чтобы вас защищать, – ответил адвокат, улыбаясь.

– И сколько мне будут стоить ваши услуги?

– Ни копейки, – сказал Леви, подняв руки. – Я буду вознагражден публичностью процесса, это прекрасная реклама. Однако придется и потратиться.

Он принялся перечислять:

– Для начала – нужен частный детектив, который будет вести расследование параллельно с полицией. Затем, в случае процесса, специалисты разного профиля, эксперты, а также кто-нибудь, кто будет заниматься расследованием в правовом поле.

Мартини безуспешно пытался представить себе, сколько все это будет стоить.

– Я должен посоветоваться с женой.

– Конечно.

Адвокат сунул руку в кожаный портфель, лежащий у него на коленях,

и достал оттуда новенький мобильник, еще не вынутый из упаковки.

– С этого дня связываться со мной вы будете только с этого телефона: вполне возможно, что вас поставили на прослушку. И не выходите из дому, если не уверены в том, что это безопасно.

В гостиничном номере Фогель завязывал перед зеркалом кашемировый галстук. Он купил его перед самым отъездом в Авешот, предвкушая момент – и случай, – когда его наденет.

Внизу его ожидала небольшая группа журналистов, и ему нравилась мысль заставить их подождать. В последние месяцы они порядком потрепали ему нервы.

Он помнил тот случай с *Мучителем.*

Ему осталось еще расплатиться по кое-каким счетам, но теперь он снова на коне, а эти выродки толпятся у его ног в ожидании, когда же он бросит им кость в виде информации, которая сразу утолит их ненасытные аппетиты.

Дело *Мучителя* было поражением, и он это признавал. Но больше он ошибок не наделает. Ему хватило нескольких дней, чтобы восстановить репутацию и снова стать кумиром СМИ. И он был буквально в шаге от того, чтобы вернуть себе былое влияние, а потому следовало соблюдать осторожность.

Стелла на славу поработала с видео Маттиа. Ее монтаж крупных планов внедорожника учителя был просто шедевром. К тому же агент Борги оказался ценным союзником, чего он от него никак не ожидал. Не исключено, что мальчику обеспечено будущее, если он и в дальнейшем будет так податлив. Проблему создавала Майер. Сучка-всезнайка. Нет ничего хуже прокурорши-идеалистки. Но он знает, как ее приручить: достаточно польстить ее самолюбию, дать ей погреться в лучах софитов. От этого никто не мог отказаться, даже если рисковал обжечься.

В случае с *Мучителем* он попался именно на этом. Но все худшее уже позади.

В дверь постучали.

– Синьор Фогель, вам пора спускаться, иначе нам их не удержать, – сказал Борги.

Немного погодя Фогель предстал перед шумной, жаждущей новостей толпой, собравшейся в ресторане гостиницы.

Все стулья были заняты, и многие журналисты стояли. В глубине зала виднелись штативы с телекамерами.

– К сожалению, я пока мало что могу вам сообщить, – начал он перед

скопищем наставленных на него микрофонов. – Полагаю, нам хватит нескольких минут.

Кто-то из репортеров запротестовал, но Фогель был слишком опытен, чтобы дать себя вовлечь в коллективное интервью. Он скажет только то, что посчитает нужным.

– Почему вы до сих пор не арестовали учителя Мартини? – спросил хроникер какого-то печатного издания.

– Потому что намерены обеспечить ему все гарантии, предусмотренные законом. На данный момент он всего лишь подозреваемый.

– Но, кроме белого внедорожника на видео, вы выявили хоть что-нибудь, что связывает его с Анной Лу Кастнер? – спросила корреспондентка в синем костюме.

– Информация секретна, – ответил Фогель.

Это была одна из его любимых фраз: вроде и не утверждение, но и враньем тоже не назовешь. Пусть журналисты думают, что у полиции все шансы на победу.

– Нам известно, что учитель Мартини с семьей недавно переехал в нашу долину, – взяла слово Стелла Хонер. – Его жена оставила должность адвоката и поехала за мужем в Авешот. Как вы полагаете, они от чего-то бежали?

Фогель поздравил себя с таким вопросом. Стелла была мастером находить совершенно неожиданные аспекты во всем, о чем говорила.

– Мы порылись в прошлом учителя Мартини, и могу сказать, что пока он предстает человеком безупречным.

Он намеренно вступился за Мартини, чтобы разозлить публику, которая уже сделала выбор и не желала, чтобы его опровергли.

– Это именно вы загубили его репутацию, устроив утечку информации, – заявил спецагент без всякого стыда. – Больше мне нечего вам сказать.

– Тогда зачем вы нас созвали? – раздался чей-то жалобный голос.

– Чтобы предостеречь, – снова решительно заговорил Фогель. – Мы не можем запретить вам распространять информацию, но вы должны знать, что любая информация, распространенная без согласования с полицией, может нанести вред расследованию, а тем самым – и юной Анне Лу Кастнер. И то, что она сейчас не стоит перед нами, еще не означает, что мы должны ее игнорировать.

Последнюю фразу он произнес прямо в наставленные на него камеры. Потом отвернулся от микрофонов и пошел к выходу, а вопросы все

продолжали сыпаться ему вслед. Но Фогель их не слушал. Тут его отвлек зуммер мобильника. На дисплее появилось сообщение: «Надо поговорить. Позвоните мне по этому номеру».

Наверное, какой-нибудь журналист в поисках сенсации. Он решил не отвечать на сообщение и сразу его раздраженно удалил.

– На самом деле мы с ними не общались. Жена и дочь – еще куда ни шло, но сам он мне никогда не нравился. – Физиономия Одевиса с трудом помещалась в маленьком экране телевизора, что стоял на кухне у Мартини. – И если уж говорить все, то я заметил в его поведении некоторые… странности. К примеру, утром того дня, когда исчезла бедняжка Анна Лу, мы с ним столкнулись нос к носу. Он выходил из дому, и я с ним поздоровался, но он на меня даже не посмотрел. Закинул рюкзак в свой старый рыдван и… Да, он очень спешил, в общем, вел себя так, будто ему есть что скрывать.

Когда Мартини услышал невероятное вранье соседа, он чуть не врезал кулаком по экрану телевизора. Но вовремя спохватился, что рука-то забинтована.

Сидевшая за столом Клеа взяла пульт и выключила телевизор.

– Рана серьезная, и она до сих пор не зажила. Я же говорила, что надо пойти к врачу, – спокойно и уверенно произнесла она.

Мартини все еще кипел от гнева:

– Ублюдок!

– А что ты от него ожидал?

Учитель постарался взять себя в руки. Он подошел к столу и сел рядом с женой. Было одиннадцать вечера, дом погрузился в тишину. Стол, освещенный люстрой, казался островком света в темноте. Перед супругами лежал список приходов и расходов и копия декларации о доходах. Клеа уже раз десять проверила все на калькуляторе, но результат оставался без изменений.

– Нам не хватит денег, чтобы оплатить все расходы, которые назвал адвокат Леви, – с безнадежным вздохом заключил Мартини.

– Ну, значит, на этот раз немного задержим плату за дом.

– Хорошо. А где будем жить, когда нас выселят?

– Подумаем об этом, когда выселят. А я тем временем займу денег у родителей.

Мартини покачал головой, словно хотел подчеркнуть, насколько абсурдна ситуация, в которой они оказались, и как быстро все это завертелось.

– Придется обойтись без услуг Леви. Другого выхода у нас нет.

– У нас кончились продукты.

– А это тут при чем?

– Сегодня я пошла в супермаркет. Кто-то из посетителей меня узнал. Я испугалась и ушла, так ничего и не купив.

Увидев, что лицо мужа снова исказила ярость, она взяла его за руку. Потом сказала с болью:

– Моника стала получать оскорбления через Интернет. Ее вынудили ликвидировать свой профиль в «Фейсбуке».

– Это неудачники, которые ищут, чем бы привлечь к себе внимание. Я бы на них как раз внимания не обращал.

– Да, я знаю… Но через несколько дней ей придется пойти в школу.

Жена была права. За всеми невзгодами он об этом позабыл.

– Ты не можешь позволить над собой измываться и ни разу не отреагировать. Ведь все обвинения в твой адрес тут же переносят на нас.

Мартини вздохнул:

– Ладно, я кажу Леви, чтобы начинал работать.

Кто-то позвонил в дверь. Супруги молча переглянулись, не понимая, кто бы это мог явиться в такой час. Потом Мартини встал и пошел открывать.

– Добрый вечер, учитель Мартини, – с порога приветствовал Борги.

У него за спиной виднелись по меньшей мере пять патрульных машин с зажженными фарами, полицейский фургон и передвижная лаборатория. Весь этот парад был явно устроен для СМИ. Операторы и фотографы снимали вовсю.

– У меня ордер на обыск и изъятие.

Борги протянул ему документ.

Клеа бросилась к мужу, но, увидев возле дома скопление полицейских, резко остановилась.

– Мы должны взять у вас отпечатки пальцев и пробы биоматериала, – продолжал агент. – Вы согласны, чтобы мы все это произвели на месте, или настаиваете, чтобы вас вызвали?

Мартини был выбит из колеи:

– Хорошо, я согласен, делайте все здесь.

Борги обернулся к полицейским, ожидавшим снаружи, и сделал им знак войти.

Мартини сидел в центре собственной гостиной. Вокруг него сновали трое лаборантов в белых халатах и латексных перчатках. Один брал ватным

тампоном пробы слюны, а другой тем временем возился с соскобами из-под ногтей на правой руке, чтобы обнаружить там органический материал Анны Лу. Третий занимался левой рукой. Он снял повязку и принялся брать пробы из еще не зажившей раны, а под конец сфотографировал порез специальным аппаратом с зеркальной оптикой, позволявшей делать снимки с сильным увеличением.

Мартини позволял все это проделывать совершенно спокойно, в каком-то отупении.

Агенты шарили повсюду, рылись в его вещах, в памятных подарках. Вокруг творился немыслимый бедлам. Полицейские выходили из дома с запечатанными полиэтиленовыми пакетами, где были вещи самые разномастные: кухонные ножи, ботинки и даже садовый инвентарь. На бульваре перед домом команда техников обыскивала внедорожник под пристальными взглядами разбуженных соседей. Накинув зимние куртки прямо на пижамы, соседи отпускали отнюдь не дружественные комментарии.

Сидя в углу гостиной, Клеа смотрела на мужа, обняв Монику, которую подняли с постели. Обе выглядели очень расстроенными. И Мартини уже в который раз почувствовал себя виноватым.

9 января
Семнадцать дней после исчезновения

Машиной Мартини занимался лучший криминалист из экспертного отдела.

Это был маленький человечек, уже в возрасте, очень необычного вида. Странность заключалась в том, что, будучи почти лысым, он завязывал остатки волос в хвостик, а участки тела, видневшиеся из-под белого халата, были сплошь в татуировках. Звали его Кропп.

– Мы взяли материал для всех возможных тестов, и на это потребуется немало времени, – оправдывался он, стоя перед Фогелем и Майер.

Чтобы создать наилучшие условия для работы команды исследователей, полиция реквизировала муниципальный гараж. Все просторное помещение по периметру обшили большими пластиковыми щитами, пол застелили белым непромокаемым полотном. Машину поставили на подъемник. Техники старательно разбирали внедорожник по винтику. Все детали были тщательно рассортированы и подвергнуты осмотру с помощью замысловатой аппаратуры.

– Ну что? Есть какие-нибудь новости? Да или нет? – нетерпеливо спросил Фогель.

Кропп, похоже, никуда не спешил и давал объяснения более чем флегматично:

– Первое, что следует из осмотра, – это то, что машину недавно чистили, причем только изнутри.

Такое известие не могло не понравиться спецагенту.

– Обнаружены следы чистящей жидкости и растворителей, и это может навести на мысль, что кто-то пытался уничтожить следы.

– Зачем чистить только салон, если тебе нечего скрывать? – заметил Фогель.

– Кровь или другие органические следы? – спросила прокурорша, явно неудовлетворенная первыми результатами.

Коротышка отрицательно покачал головой, и хвостик у него на спине пришел в волнообразное движение.

– В общем, нет никаких доказательств, что Анна Лу садилась в эту машину, – продолжила Майер.

– А вы что, действительно надеялись, что мы обнаружим следы

крови? – пошел в наступление Фогель.

– Следы ДНК, – уточнила она. – Я ожидала, что обнаружатся следы ДНК девочки.

Фогель чуть не спросил, откуда берется такая детская наивность? Она говорит серьезно или хочет его подразнить?

– Неужели вы не понимаете, что это хороший знак: ничего не найти?

– Как так, прошу прощения?..

– Не все признаки осязаемы. Пустота, к примеру, тоже признак. Она указывает на то, что в данном пространстве что-то было, а теперь нет. Во всяком случае, учителю Мартини следует задать вопрос, почему он вычистил только салон автомобиля.

– Это, господин спецагент, только мнение, а не факт. Точнее, ваше личное мнение. У здравомыслящего человека может быть тысяча причин, по которым он зимой предпочитает не мыть кузов автомобиля, особенно если он живет в горной местности и часто ездит на природу. Грязь, снег и дождь сделают свое дело, и через несколько дней машина снова запачкается. А салон с точки зрения того же здравого смысла надо держать в чистоте, раз уж в нем ездят люди.

Майер пустила в ход все средства, чтобы действовать ему на нервы, но в глубине души он восхищался ее упрямством. Непонятно было одно: почему ей всегда хочется пойти против очевидности, даже если это противоречит ее интересам? У них ведь вообще ничего нет, кроме этого захудалого учителя, а расследование уже стоило налогоплательщикам миллионы, и очень скоро кто-то из них явится к ней и потребует отчета за потраченные средства.

– Механизм, который мы запустили, должен во что бы то ни стало принести плоды, – попытался спокойно объяснить Фогель. – Мы просто обязаны подогнать к процессу обвинение, а вы наконец обязаны это понять. Наша задача – не судить о доказательствах, а представить их судье и присяжным.

– Вы правы, наша задача – не судить о доказательствах, наша задача – их *найти*. Повторяю: нам нужна ДНК.

Кропп, до сих пор спокойно слушавший весь обмен репликами, решился вмешаться:

– На самом деле мы нашли ДНК.

Оба резко обернулись к нему, спрашивая себя, чего же он раньше молчал.

– Кое-что есть, правда очень странное, – продолжал Кропп. – ДНК кошачья. Вернее, кошачья шерсть.

– Кошачья шерсть? – недоверчиво переспросил Фогель.

– Шерсть пятнистого кота, каштаново-рыжего окраса, шерстинки в большом количестве найдены на сиденье и на ковриках.

– Но у Мартини нет кота, – сказала Майер.

Зато Анна Лу очень любила кошек, хотел сказать Фогель, но не сказал, потому что у входа в гараж заметил Борги. Молодой полицейский разговаривал по мобильнику и искал его глазами. Он был чем-то озабочен.

– Извините, – бросил Фогель и пошел ему навстречу.

Борги кончил говорить.

– У нас проблемы, – тихо сказал он шефу.

Мать Анны Лу, босая, в ночной сорочке, сосредоточенно собирала записки и высохшие цветы с рядов игрушечных котят, которых много дней назад люди приносили к ее дому. Паломничество прекратилось, едва только распространилось известие, что есть подозреваемый. Сострадание сменилось болезненным любопытством, судьба пропавшей девочки больше никого не интересовала. Даже журналисты ушли с площадки. Когда Фогель и Борги прибыли на место на полицейской машине, печальную сцену безжалостно фотографировали всего несколько корреспондентов.

– Гони их прочь, – сразу приказал спецагент своему подчиненному.

Потом подошел к женщине:

– Синьора Кастнер, я агент Фогель, вы меня помните?

Она обернулась и растерянно на него поглядела. Шел мелкий дождик, ночная сорочка на ней намокла, и стало видно, что под ней голое тело. Фогель снял пальто и накинул ей на плечи:

– Здесь холодно. Почему бы нам не пойти в дом?

– Я должна закончить наводить порядок, – ответила она, словно это было самое важное на свете занятие.

Тогда Фогель показал ей браслет из бусинок, сплетенный Анной Лу, который Мария надела ему на руку в день Рождества, когда он впервые появился у них в доме.

– Помните, какое обещание вы тогда меня просили дать? Так вот, есть новости… Только поговорим о них в доме, хорошо?

Мария Кастнер с минуту подумала.

– Этот человек, учитель… Вы действительно думаете, что это он? То есть я хочу сказать, что он не тот человек, чтобы… По-моему, он невиновен… Потому что, если бы он держал у себя Анну Лу, вы бы уже давно нашли мою девочку, правда?

Фогель не нашелся что ответить. Было очевидно, что женщина

отказывается отдавать себе отчет, что происходит в действительности.

– Мы за ним наблюдаем, – успокоил ее спецагент.

– Однако дни идут, и Анна Лу наверняка проголодалась. Если этот человек под наблюдением, то кто же носит ей еду?

Впервые за свою карьеру, да и, пожалуй, за всю жизнь, Фогель утратил дар речи. На его счастье, в этот момент появился Бруно Кастнер, которого предупредили, что творится возле его дома.

– Простите меня, я был на работе, – начал он оправдываться.

Потом взял жену под руку и повел ко входу в дом.

– Это все снотворные препараты, которые ей прописал психиатр.

– Синьор Кастнер, мне нужно, чтобы ваша жена, насколько это возможно, пребывала в здравом уме. Может быть, стоит пересмотреть дозировку.

Он подумал о том, что СМИ могут воспользоваться состоянием женщины и приписать ей всякие необоснованные утверждения.

– Я поговорю с доктором Флоресом, – уверил его Бруно Кастнер, уже повернувшись к нему спиной.

Фогель остался стоять, наблюдая, с какой нежностью тот ведет жену домой. Потом снова взглянул на жемчужный браслет у себя на запястье.

Стелла Хонер сидела на диване в гостиной скромной, но красиво обставленной квартиры. Диван был накрыт смятым покрывалом, то ли для того, чтобы скрыть потрепанную обивку, то ли, наоборот, чтобы ее сохранить. Журналистка, как всегда, выглядела безупречно: на ней был серый костюм, а шею охватывал красный шелковый платок, завязанный узлом. В руке она держала микрофон.

Телекамера увеличила границы кадра, и на экране появился еще один персонаж, обитавший в этой квартире и сидевший рядом.

На этот раз одежда Присциллы не отличалась обычной бунтарской крикливостью. Она выглядела гораздо скромнее: на ней были хорошо отглаженные джинсы без единой прорехи и белая блузка. Из ушей исчезли гвоздики, а глаза были не накрашены. Без грима она смотрелась совсем ребенком и нервно комкала в руках платок.

– Итак, Присцилла, ты можешь рассказать, как все было? – ласково спросила Хонер.

Девочка кивнула, словно сделав над собой усилие:

– Я дежурила у дома Кастнеров, принесла Анне Лу шелкового котенка. Со мной были друзья, случившееся нас всех потрясло. И вдруг я обнаружила, что мне пришла эсэмэска… Она была от Мартини.

Девочка запнулась, ей было трудно продолжать.

Стелла Хонер поняла, что ей надо помочь:

– А почему тебя это так удивило?

– Я… я уважала учителя Мартини, он был для меня нормальным человеком… но после того, что случилось…

Хонер на этот раз не стала торопить девочку – пусть слушатели вдумаются в ее слова. Она была мастером создавать напряжение.

– Что же было написано в сообщении?

В точности следуя указаниям, данным ей перед прямым включением, Присцилла вытащила мобильник из кармана джинсов и прочла текст. При этом и рука, и голос у нее дрожали.

– Ты можешь прийти ко мне домой завтра вечером?

Снова повисла рассчитанная журналисткой пауза. Она заметила, что в левом глазу девочки блеснула слеза, но ей вовсе не было нужно, чтобы та разревелась. *Пока не нужно*. Чтобы дать Присцилле прийти в себя, она мягким движением вынула у нее из рук мобильник и поднесла его к объективу телекамеры:

– Нас часто обвиняют в том, что мы рассказываем только часть правды, манипулируя публикой. Но вот это – не выдумка журналистов, смотрите: это действительно посланная эсэмэска.

Она какое-то время подержала телефон перед камерой, чтобы зрители успели прочесть сообщение на дисплее, потом снова обратилась к своей гостье:

– И что ты подумала потом, Присцилла?

– Сначала ничего, просто как-то это странно… А потом, когда по телевизору сказали, что полиция подозревает учителя, я подумала об Анне Лу и о том, что и со мной может случиться то же самое…

Хонер серьезно кивнула и накрыла своей рукой руку Присциллы. Это движение вызвало именно ту реакцию, какую ожидала журналистка. Присцилла разревелась. Хонер ни о чем больше не стала ее спрашивать. Телекамера тем временем крупным планом показала лицо девочки.

– Это всего лишь фантазии девчонки, которая умирала от желания попасть на телеэкран.

Голос Мартини осекся от отчаяния.

Однако его жена была разъярена, как никогда:

– Между прочим, эта *девчонка* стоила тебе работы! Ну и скажи на милость, что нам теперь делать?

За два дня до конца каникул и начала занятий директор школы вызвал

учителя к себе и объявил ему, что он временно отстранен от преподавания и, что хуже всего, временно лишен зарплаты.

– Как мы теперь оплатим расходы на твою защиту? Мы и так все в долгах, а ты еще вытворяешь глупости с ученицей? С девчонкой?

– Я хорошо знаю Присциллу. Этот смиренный вид, этот скромный прикид – всего лишь игра, спектакль!

Спецагент Фогель наслаждался, слушая этот разговор в своем временном кабинете в раздевалке спортивного зала. На нем были наушники, он сидел, задрав ноги на стол, и покачивался на стуле, сложив руки на животе. Идея напичкать дом Мартини жучками во время обыска пока не принесла никаких результатов, однако теперь дело, пожалуй, сдвинется с места. Фогеля развлекала ссора между супругами. Это он убедил директора школы отстранить учителя раньше, чем интервью Хонер с Присциллой вызовет ярость у родителей и учеников. Эта ярость неизбежно падет и на директора. И он, бесчувственный бюрократ, дал себя убедить даже слишком легко.

– Зачем ты послал это сообщение? – напрямую атаковала его жена.

– Она попросила меня позаниматься с ней декламацией. Но послушай, если бы я захотел ею воспользоваться, неужели я пригласил бы ее к нам домой? Как тебе кажется?

Клеа Мартини помолчала, словно колеблясь. Потом снова заговорила со страдальческой ноткой в голосе:

– Я с тобой знакома почти всю жизнь, а потому знаю, что ты прекрасный человек… Но я не знала, что ты настолько наивен.

Фраза произвела впечатление взорвавшейся бомбы, и за ней последовало долгое молчание.

– Ты достаточно умен, чтобы понимать разницу между двумя вещами: и добрые, и хорошие люди тоже могут ошибаться… Выходя из дому, я все время чувствую на себе враждебные взгляды. Мне все время страшно, что кто-то может сделать зло тебе или нам всем. Моника больше не выходит из дому, она потеряла и тех немногих друзей, которые у нее были. Она не выдержит такого напряжения.

Фогель понимал, что происходит, он сам это задумал, и он этого добился.

– Велики или малы твои ошибки, – продолжала Клеа, – я буду с тобой рядом столько дней, сколько мне назначено жить. Я это обещала, и я это выполню. Но твоя дочь не связана никакими клятвами… И поэтому я ее увезу подальше отсюда.

Фогель чуть не подпрыгнул от радости, но сдержался.

– Ты хочешь сказать, подальше от меня.

Реплика Мартини прозвучала не как вопрос, а как горькая констатация.

Жена ему не ответила. Потом послышался звук открывшейся и закрывшейся двери. Спецагент снял ноги со стола и пригнулся, прижав ладони к наушникам, чтобы лучше слышать, что происходит там, в тишине.

Мартини все еще был в комнате. Он слышал его дыхание. Тихое, ритмичное. Дыхание человека, загнанного в угол. Он пока не мог отправить учителя на каторгу, но тот уже и так попался в капкан собственной жизни, из которого больше не вырвется.

Фогель создал вокруг него пустоту. «Теперь, когда и жена, и дочь его бросили, он расколется, – сказал себе спецагент. – Он человек конченый».

И тут произошло нечто непредвиденное. Нечто абсурдное и лишенное всякого смысла.

Учитель принялся напевать. Тихонько, вполголоса. И это веселье никак не вязалось с тем, что только что произошло. Фогель изумленно вслушивался в странную песенку. Песенка была детская. Он с трудом уловил несколько слов.

В песенке говорилось про девочек и котят.

10 января
Восемнадцать дней после исчезновения

Леви позвонил ему по «секретному» телефону, который вручил несколько дней назад, и попросил о встрече. Затем отправил за ним личного водителя, чтобы тот довез его до места. Репортеры тут же поехали вдогонку за «мерседесом», но вынуждены были остановиться, когда Мартини вышел из машины и вошел в калитку частного дома.

Адвокат арендовал этот дом, чтобы быть рядом и следить за ходом событий.

Войдя в дом, Мартини оказался в обстановке, которую увидеть не ожидал. Гостиная превратилась в офис, где вовсю работал целый отряд сотрудников. Кто-то изучал судебные документы и досье, кто-то дежурил у телефона, кто-то обсуждал стратегию защиты. Все результаты следствия поместили на специальную витрину. Люди были настолько заняты, что даже не заметили присутствия Мартини.

Леви ждал его на кухне для приватной беседы.

– Вы заметили, как я здесь все устроил? И все исключительно ради вас, – похвастался адвокат.

Мартини подумал о том, сколько все это будет стоить, и еще о том, что он остался без работы.

– Сказать по правде, я теряю последнюю надежду.

– И совершенно напрасно, – с упреком оборвал его Леви и указал на стул, а сам остался стоять. – Я слышал, что ваши жена и дочь вчера уехали.

– Они у родителей жены.

– Откровенно говоря, так даже лучше, поверьте мне. Атмосфера стала очень напряженной, и думаю, что в ближайшие недели будет еще хуже.

Мартини горько усмехнулся:

– И у вас хватает мужества говорить, чтобы я не терял надежды?

– Конечно, потому что именно этого я и ожидал.

– Это все Фогель, ведь так? Это он все срежиссировал…

– Именно, однако это и делает его предсказуемым. Он следует только одному сценарию, у этого человека нет воображения.

– Но все к нему прислушиваются.

Адвокат подошел к холодильнику, достал бутылку минеральной воды, отвинтил пробку и протянул бутылку учителю.

– Единственное, что сейчас может вас спасти, – это ясный рассудок и крепкие нервы. А потому успокойтесь и предоставьте действовать мне.

– Этот полицейский разрушил мою жизнь.

– Но ведь вы ни в чем не виноваты, правда? – напомнил адвокат.

Мартини опустил глаза на бутылку с водой.

– Иногда я сам начинаю в этом сомневаться.

Леви рассмеялся, хотя фраза была сказана вовсе не под настроение. Он положил руку учителю на плечо:

– У Фогеля тоже есть болевая точка, вот на нее-то мы и пойдем в атаку… И ему будет плохо, очень плохо.

Мартини поднял голову и посмотрел на Леви. В его глазах блеснула надежда.

– Вы когда-нибудь слышали о деле Дерга? – спросил адвокат.

– Не припоминаю, – отозвался учитель.

– Это дело имело широчайший резонанс во всех СМИ примерно год тому назад. Но может быть, вы вспомните Дерга по тому прозвищу, что ему дали в газетах: *Мучитель*.

– Да, да, я что-то такое слышал… Но обычно меня не особенно интересуют факты газетной хроники.

– Так вот. Полиция довольно долго выслеживала серийного преступника, который прятал миниатюрные взрывные устройства в упаковки продуктов в супермаркете, а потом снова клал упаковки на полку: корзинки с выпечкой, тюбики с майонезом, банки с консервами. Взрывами было ранено много народу, людям отрывало фаланги пальцев, а то и пальцы целиком, а однажды кому-то даже оторвало руку.

– О господи… Но он никого не убил?

– Нет, но рано или поздно это могло произойти: *Мучителю* стало скучно, и он принялся обдумывать неожиданный удар. Все подсознательно ожидали, что он что-нибудь такое выкинет. Если помните, среди населения распространилась паника. Однако, прежде чем появился труп, Фогель где-то выкопал некоего Дерга, простодушного мужичка, который увлекался моделированием и электроникой. Случаю было угодно, чтобы Дерг еще в детстве лишился указательного пальца правой руки. В то время говорили о бытовой травме, но на самом деле палец ему секатором отрезала мать. В наказание. Она страдала психическим расстройством и калечила сына.

– Боже мой… – проговорил учитель.

Леви указал на него пальцем:

– Вот: вы сейчас подумали то же, что тогда подумали все. Дерг прекрасно подходил на роль обвиняемого.

– И правда, – согласился Мартини. – Такое поведение в зрелом возрасте вполне объяснимо, если знать, что с ним случилось в детстве.

– Вот так и создают монстров. Но дело не только в этом. В деле Дерга тоже не было доказательств, одни косвенные улики. Фогель устроил настоящее шоу в СМИ и убедил прокурора признать Дерга виновным. Но кончилось тем, что обвиняемого оправдали полностью.

– Почему?

– *Мучитель* пользовался примитивной взрывчаткой. Такое вещество мог бы в домашних условиях получить любой дилетант. Все ингредиенты продаются в каждой скобяной лавке. Но у такой взрывчатки есть одна очень неудобная особенность: она оставляет химические следы на одежде и телах всех, кто с ней работает. А на Дерге никаких следов не наблюдалось.

– И этого было достаточно, чтобы его оправдали?

– Нет, конечно. Слушайте дальше: самую вескую улику против него обнаружили при обыске. У Дерга в доме нашли такую же коробку с печеньем, как и та, куда *Мучитель* спрятал взрывное устройство. Более того, по серии и номеру определили, что печенье было куплено в том самом супермаркете. Но Дерг упорно отрицал, что он там был.

– Но тогда как же…

– Слушайте дальше, сейчас начинается самое интересное. Тот, кто подкинул коробку с печеньем в дом Дерга, чтобы того признали виновным, не посмотрел на дату изготовления. Печенье было произведено как раз в то время, когда Дерг сидел в тюрьме в ожидании суда, а потому никак не мог его купить. В результате его освободили и полностью оправдали.

Мартини задумался:

– А Фогель?

– Фогель сохранил лицо, свалив всю ответственность на одного из подчиненных, на молодого парня, которого тут же уволили. Он всегда так делает: назначает козла отпущения, а потом при необходимости приносит его в жертву. Однако после дела Дерга СМИ перестали доверять той информации, какую им поставлял Фогель, и постепенно отодвинули его в тень.

– До сегодняшнего дня, – сказал учитель. – А теперь я предоставил ему удобный случай вновь обрести блеск прожекторов.

– А как только прожекторы загорятся, мы постараемся, чтобы он предстал в их свете тем, кто он есть на самом деле: мистификатором.

К Мартини, кажется, начала возвращаться уверенность.

– И тогда меня выпустят.

– Да, но какой ценой? – Теперь адвокат говорил очень серьезно. – Дерг

провел в заключении четыре года, ожидая, когда закончится процесс. За это время он получил инсульт, потерял работу и семью.

И тут учитель понял, что Леви вызвал его на разговор с определенной целью.

– Что я могу сделать, чтобы избежать такой участи?

– *Забудьте о том, что вы невиновны*.

Мартини не понял смысла фразы, но адвокат уже пожал ему руку на прощание, так ничего и не объяснив.

– Мы скоро увидимся, – пообещал он.

Прошлой ночью агенту Борги никак не удавалось заснуть. Он вертелся в постели, и из головы у него не шла сцена, свидетелем которой он стал возле дома Кастнеров: пережившая страшное потрясение, оглушенная горем мать бродит в ночной сорочке среди игрушечных котят, принесенных в дар пропавшей дочери. Мария пыталась придать смысл своей боли.

«А котята – это ответная реакция», – сказал себе Борги.

Шерстинки каштаново-рыжего пегого кота, обнаруженные в учительском внедорожнике, не поддавались объяснению. Столкнувшись с этой необычной подробностью, Борги рассуждал так же, как Фогель.

У Мартини не было кота. А вот Анна Лу мечтала о котенке.

Мучась бессонницей, Борги пришел к заключению, что разгадка тайны крылась в самой девочке. Однако остальные почему-то перестали ею интересоваться. Они уже не задавали себе вопроса, что же с ней все-таки случилось. Журналисты, публика и даже полиция перешли к вопросам иного толка. Как ее убил учитель? Насиловал он ее или нет? Почему-то для всех само собой разумелось, что она убита. И, не высказываясь в открытую, все смаковали воображаемые скабрезные детали, стараясь удовлетворить свое нетерпеливое любопытство.

Но никто, к примеру, не спросил себя: а почему он ее убил?

Каков был мотив у скромного учителя из маленького горного местечка убить такую тихую девочку, как Анна Лу? Этот вопрос отошел в тень, а ему следовало бы быть определяющим.

Почему он ее убил?

На рассвете Борги понял, что отталкиваться надо от нее, от Анны Лу Кастнер. В сущности, что они знали о девочке? Только то, что сообщили родственники и знакомые. Но разве этого достаточно? В полицейской академии он хорошо усвоил один урок.

Жертвы тоже имеют голос.

Все очень быстро смиряются с тем, что они уже не могут представить

свою версию случившегося. А они еще как могут. Обычно за них говорит прошлое. Просто кто-то должен услышать.

Поэтому, узнав, что школа, где училась Анна Лу и преподавал Мартини, располагала старой системой видеонаблюдения для предотвращения актов вандализма, Борги засел в маленькой каморке, где были свалены старые видеорегистраторы, и часами прокручивал те пленки, на которых появлялась девочка. В основном это были сцены из повседневной жизни, где Анна Лу проявляла себя во всей своей наивности. В классах аппаратура установлена не была, но в столовой, в спортзале и в коридорах девочка оставалась прежней: робкой, замкнутой, но способной улыбнуться в ответ на любое обращенное к ней слово. Никаких отклонений в поведении.

Система видеонаблюдения обновлялась каждые пятнадцать дней. Пленки просто очищали от старых записей и снова заправляли в систему. По счастью, рождественские каникулы приостановили весь этот цикл, и записи за две с лишним недели сохранились.

Как раз те, что были сделаны за пятнадцать дней до исчезновения девочки.

Часы и часы непрерывной съемки. Борги изобрел для себя метод просмотра скачками: он наугад выбирал те моменты, на которых надо сконцентрироваться, чтобы найти девочку на экране. Он закрылся в каморке, уселся на складной стул перед черно-белым монитором и взял термос с кофе, который, впрочем, тут же остыл. Ни в одном из кучи просмотренных фильмов он не увидел Анну Лу рядом с учителем. Он как раз просматривал кадры последнего школьного дня перед каникулами. На следующий день девочка исчезла. И тут у него зазвонил мобильник.

– Почему ты не позвонил мне вчера вечером?

Это была Каролина, и говорила она раздраженно.

– Извини, ты права. Я вчера вечером очень поздно закончил работу.

– Значит, работа важнее, чем беременная жена?

Это уже был не вопрос, а прямое обвинение.

– Ну конечно нет, – попробовал он ее успокоить. – Я не пытаюсь оправдаться, просто так оно и есть. Когда я работаю, я не могу тебе звонить, но думаю о тебе постоянно.

Каролина вздохнула. Наверное, сегодня у нее был «хороший» день, когда гормоны не доводили ее до безумия. Но сказать ей это Борги не мог: она сразу впала бы в бешенство.

– Ты получил одежду, которую я тебе послала?

– Получил. Кстати, спасибо. Мне очень не хватало чего-нибудь на

смену.

– Вчера вечером папа видел тебя по телевизору, – сказала она.

Борги представил себе ее улыбку. Так вот почему она не сердилась: она была им горда.

– В самом деле? Ну и как, я хорошо выглядел?

– Надеюсь, наша девочка будет похожа на меня.

Оба рассмеялись.

– Мама хочет, чтобы мы немножко побыли у них, когда она родится.

Они уже давно об этом говорили. Каролина считала, что бабушка сможет помочь ей в первое время после родов, но тогда получалось, что ему тоже придется переехать. Борги прекрасно ладил с родителями жены, но не хотел рисковать, боясь, что совместная жизнь с ними затянется на неопределенный срок.

– Давай поговорим об этом, когда я вернусь? Ведь до родов осталось еще несколько месяцев.

Каролина его будто бы и не услышала:

– Папа уже приготовил нам комнату в конце коридора. Раньше это была комната брата, но теперь он живет самостоятельно. Она расположена в стороне, и мы получим свое собственное гнездышко.

По ее тону чувствовалось, что Каролина уже все решила за них обоих. Борги хотел что-то ответить, но вдруг резко вскочил со стула. Он кое-что увидел в мониторе.

– Прости, Каролина, я тебе перезвоню.

– Мы и так редко друг друга слышим, а ты еще от меня отделываешься?

– Я понимаю. Прости.

Он отсоединился, не дожидаясь следующей реплики, и сконцентрировался на видео.

Анна Лу и учитель впервые появились в одном кадре.

В школьном коридоре никого не было, кроме девочки, которая шла, держа под мышкой книги. В другом конце коридора появился учитель. Оба прошли друг возле друга очень близко, почти задев друг друга.

Борги прокрутил запись назад и снова пересмотрел. Его особенно поразила одна мысль: если бы этот ролик обнаружили СМИ, поднялся бы невообразимый гвалт. Надо будет сказать Фогелю.

В одиннадцать часов вечера Мартини сидел в гостиной на диване, не зажигая света. С улицы доносились голоса съемочных групп, стоявших лагерем возле его дома. Смысла слов он не улавливал, но то и дело слышал

взрывы смеха.

Странно получается, когда твоя жизнь внезапно останавливается, а жизнь других идет своим чередом. Именно так он себя сейчас и ощущал. Запертым в собственной жизни.

Он погасил свет, чтобы те, с улицы, не заглядывали в окна, пытаясь выведать, что делает монстр. Но была и другая причина. Он хотел укрыться от глаз Клеа и Моники, которые смотрели на него с фотографий в рамках. Они сбежали от него, и ему тоже хотелось от них сбежать. Он был очень рассержен, хотя и понимал их позицию. В конце концов, так было лучше для них.

От этих мыслей его отвлекла вибрация мобильника. Одновременно со звуком на полке появилось пятно света. Он встал и подошел посмотреть. На дисплее телефона, который предоставил ему Леви, появилось сообщение: «Через полчаса на кладбище».

Интересно, с чего бы адвокату назначать ему встречу в таком необычном месте, если можно встретиться в доме, который он специально арендовал для своего штаба. И еще в голове у него прозвучали слова, сказанные Леви в то утро.

Забудьте о том, что вы невиновны.

Может, он получит какое-то разъяснение. И он быстро придумал, как выйти из дому, чтобы его никто не увидел. Он поднялся на второй этаж и взял старую куртку и кепку с козырьком. Их вполне можно использовать как камуфляж и спокойно пройти по улице. Чтобы сбить со следа хроникеров, он вышел через черный ход и перелез через одну из живых изгородей.

До кладбища он добрался гораздо позже, чем через полчаса. Ему хотелось быть уверенным, что за ним никто не следит. Калитка ограды была только прикрыта. Он ее толкнул и двинулся вперед между надгробиями.

На небе сияла полная луна. Мартини прошел еще немного, надеясь, что с минуты на минуту появится Леви. И вдруг заметил в отдалении мигающий огонек и пошел на него, словно на маячок, указывающий, куда идти. Но, подойдя ближе к источнику света, он понял, что это сигарета. Ее кончик тускнел и разгорался всякий раз, когда Стелла Хонер делала затяжку.

– Успокойся, я здесь с дружественными намерениями, – быстро сказала она, явно забавляясь.

Она сидела на надгробии, положив ногу на ногу, словно в каком-нибудь светском салоне.

– Что вам угодно? – сухо и жестко спросил он.

– Хочу тебе помочь.

Его раздражало, что Хонер обращается к нему так фамильярно.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи.

– Хочешь, я покажу, что я тебе друг? Ладно. Шесть месяцев назад твоя жена собиралась уйти от тебя к другому человеку. И вы переехали сюда, чтобы попытаться все начать сначала.

«Вот оно, *нечто*, – подумал Мартини. – Откуда она узнала?»

– Вот видишь? Мы друзья, – продолжала Хонер, заметив, что учитель скорее сбит с толку, чем разгневан.

Фогель, снабжая ее информацией, предвидел такую реакцию.

– Я могла бы воспользоваться этим известием, но я этого не сделала… Я знаю, Клеа с дочкой уехали. Но если хочешь, чтобы она вернулась, тебе придется хитрить.

– Когда мое положение прояснится, они вернутся, и мы снова заживем как прежде.

Стелла наклонила голову, глядя на него с нежностью:

– Бедный зайка, ты действительно думаешь, что все пойдет именно так?

– Я невиновен.

– Тогда ты ни хрена не понял.

Эта фраза прозвучала как угроза.

– Да всем плевать, виновен ты или нет. Все уже давно все решили. И полицейские тебя в покое не оставят: они тратят кучу денег, чтобы распутать это дело, и у них уже нет ресурсов, чтобы начать другое расследование и найти другого подозреваемого.

Мартини с усилием сглотнул, но старался казаться спокойным.

– Значит, либо я, либо никто…

– Именно. И ты все еще на свободе только потому, что не нашли труп. Без тела они не могут оформить по всем правилам обвинение в убийстве. Но рано или поздно что-нибудь выйдет наружу, так всегда бывает.

– Но если мне все равно крышка, на что вы мне сдались?

Учитель продолжал обращаться к Хонер сухо и формально, чтобы подчеркнуть дистанцию.

Журналистка немного помолчала и улыбнулась. Глаза ее блеснули в лунном свете.

– Я тебе нужна, чтобы извлечь максимум пользы из этой истории. Ты мог бы много выкачать из тех же СМИ, которые сейчас смотрят на тебя косо. Твое интервью сейчас на вес золота. И я хочу его купить…

Разумеется, мое предложение действительно, пока ты на воле. В тюрьме ты уже ничего не будешь стоить.

– Неужели эту встречу организовал Леви? Так вот зачем был нужен утренний разговор…

Мартини с отвращением поморщился.

– Твой адвокат – человек практичный. Если надеешься выскочить из этой передряги, ты должен иметь достаточно денег, чтобы оплатить параллельное расследование, услуги специалистов и частных сыщиков.

– Да, он мне об этом говорил.

– А где ты думаешь найти деньги? Ты подумал, что будет с твоей семьей, если ты окажешься в тюрьме? Как они будут дальше жить?

Он должен был бы разозлиться, а он рассмеялся. Такая реакция немало удивила журналистку, но Мартини все не мог остановиться.

– Извините, – сказал он, пытаясь сдержать смех. – Странно это все… Для всех я монстр, и доказательства уже никому не нужны. Даже у моей жены уже появились сомнения. А знаете, что я вам скажу?

Он перевел дыхание и заговорил серьезно:

– Я вам скажу, что знаю *точно*, кто я. И нет такого человека, кто заставит меня спекулировать на жизни пропавшей девочки и на горе ее семьи даже во имя моего спасения или спасения жены и дочери. Можете это передать моему адвокату.

Мартини повернулся к ней спиной и пошел прочь.

– Вы идиот, Мартини, это вы знаете? – секунду спустя сказала ему вслед Стелла Хонер.

Но ответом ей была удаляющаяся спина учителя.

В этот вечер Фогель съел легкий ужин в номере и теперь перед сном записывал что-то в свою черную записную книжку. Облачившись в домашний халат, он сидел в кресле и чему-то улыбался про себя. Он был уверен, что эта старая ехидна Леви уже начал двигать на шахматной доске свои пешки.

Когда он узнал, что адвокат объявился в городе, он не особенно удивился. Леви так давно был связан с конторой, что его появление можно было расценить как норму. Он всегда удивлял каким-нибудь цирковым номером. Мог выступить в качестве фокусника и поразить публику, мог стать клоуном, который явился, чтобы отвлечь публику, пока лев терзает дрессировщика. В этот раз Леви наверняка созвонился со Стеллой Хонер, чтобы она убедила учителя отдать себя на съедение диким зверям.

Мартини согласится. Все в конце концов соглашаются. Дерг тоже

немного поносил маску монстра. Ровно столько, сколько было нужно, чтобы подкопить деньжат, прежде чем его объявят невиновным.

Если учитель появится на телеэкране, это упростит жизнь спецагенту. Придурок наверняка станет искать сочувствия у публики, а в результате только больше ее разозлит. И все начнут требовать его голову, причем не только обыватели, но и высокие полицейские чины, и даже министр. И Майер уже ничего не сможет сделать.

Когда завибрировал его мобильник, Фогель очень удивился. Он узнал таинственного отправителя, от которого получил сообщение четыре дня назад в конце пресс-конференции.

– Мне надо с вами поговорить. Позвоните мне по этому номеру.

На этот раз спецагент тоже решил не отвечать и не задумываясь стер номер из памяти телефона. В этот момент в дверь постучали. Фогель спросил себя, не связаны ли как-нибудь эти оба события. Уверенный, что сейчас увидит настырного абонента, он распахнул дверь.

На пороге стоял Борги. Вид у него был помятый, глаза ввалились. Он держал в руках сумку с ноутбуком.

– Могу я с вами поговорить?

– А на завтра отложить нельзя? – раздраженно бросил Фогель. – Я уже ложусь спать.

– Я хочу вам кое-что показать, и вам будет весьма кстати увидеть это сразу, – настаивал Борги, похлопав рукой по сумке с компьютером.

Немного погодя, компьютер включили прямо на кровати Фогеля. Оба агента стояли, вглядываясь в экран.

– Я нашел эту запись, когда проверял школьную систему видеонаблюдения. Смотрите, что происходит…

Молодой полицейский просмотрел эту сцену по меньшей мере раз двадцать, но Фогель видел впервые. По пустынному школьному коридору спокойно шла Анна Лу. Потом на другом конце коридора появился Мартини и пошел ей навстречу. Они поравнялись друг с другом и оба исчезли из кадра.

Борги остановил пленку:

– Вы заметили?

– Что заметил? – раздраженно переспросил спецагент.

– Они друг на друга даже не взглянули… Если хотите, я еще раз отмотаю пленку…

Борги уже потянулся вперед, чтобы включить перемотку, но Фогель взял его за руку:

– В этом нет нужды.

– Почему нет нужды? – удивился тот. – Один из главных пунктов обвинения зиждется на том, что Анна Лу знала своего похитителя, помните? Именно поэтому она ему доверилась и пошла за ним, и никто из соседей ничего не увидел и не услышал. Вы же сами так говорили…

Фогель спрятал улыбку. Наивность этого парня его тронула.

– По-вашему, это говорит о том, что Анна Лу не знала, кто такой Мартини?

Борги на секунду задумался:

– В самом деле…

– В самом деле она могла прекрасно знать, кто он такой, но не посмотрела ему в лицо, потому что боялась.

Но Борги не мог принять такое объяснение:

– Ведь это всегда рискованно.

– Для кого? Для нас? Вы боитесь, что СМИ, узнав об этом кадре, поменяют свою позицию по отношению к учителю?

Ясное дело, не поменяют, и Борги понял это только сейчас. Все уже давно решено. И никакой внезапный поворот событий для Мартини ничего не изменит. Просто потому, что все уже предрешено.

– Вас поэтому не было видно так долго? – с добродушным упреком заговорил Фогель. – Пока вы подобным образом тратили свое время, я тоже просеивал сквозь сито видео.

– Какое видео? – ошарашенно спросил Борги.

– С камер слежения на домах соседей Кастнеров.

– Но вы же говорили, что они вас не интересуют, потому что объективы камер нацелены на внутреннюю территорию участков, а не на улицу.

Каждый возделывает только свой огород. На первом брифинге Фогель так и сказал. Что же он теперь имеет в виду?

Но спецагент не собирался делиться с ним своими открытиями. Он положил ему руку на плечо и подтолкнул к двери:

– Пойдите отдохните, агент Борги. И не мешайте мне работать.

11 января
Девятнадцать дней после исчезновения

– Я не собираюсь подписывать ордер на арест.

Фраза Майер прозвучала как окончательный вердикт. Фогель уже в который раз сталкивался с упрямством прокурорши.

– Но вы нам все сорвете, – попытался возразить спецагент. – Нам необходим арест учителя, иначе станут говорить, что мы мучаем невиновного.

– А разве это не так?

Фогель представил ей решающую улику: увеличенные фрагменты, нарезанные из пленок камеры слежения на домах соседей Кастнеров. Он думал, что будет достаточно показать их Майер, чтобы она поменяла свою позицию. Очевидно, этого не случилось.

– Мне нужно неопровержимое доказательство. Как мне вам сказать, чтобы вы поняли?

– Доказательства нужны для приговора, а для ареста нужны улики, – протестовал спецагент. – Если мы его сейчас арестуем, то, возможно, он пойдет на сотрудничество со следствием.

– Вы намерены силой вырвать у него признание?

Закрывшись в раздевалке – кабинете Фогеля, они препирались уже минут двадцать.

– Когда он поймет, что все потерял и выхода у него нет, Мартини заговорит, чтобы облегчить себе совесть.

Они стояли друг напротив друга возле шкафчиков, и Майер нервно постукивала по полу носком туфли на высоком каблуке.

– Я поняла вашу игру, Фогель. Я не дура: вы хотите припереть меня к стенке и силой заставить принять решение, которое для меня неприемлемо. Под угрозой выставить меня в смешном виде перед публикой.

– Мне нет нужды вам угрожать, чтобы добиться своей цели, – предостерег он. – Моего стажа и опыта самих по себе уже достаточно, чтобы подтвердить мою позицию.

– Как в деле *Мучителя*?

Майер намеренно вытащила на свет божий эту историю. Фогель спросил себя, почему она не сделала этого раньше, и сказал с улыбкой:

– Вы ничего не знаете о деле Дерга. Вернее, думаете, что знаете, а на

самом деле…

– Простите, а что там знать? Человека засадили в тюрьму по сфабрикованному обвинению. Он провел четыре года в одиночной камере, в изоляции. Он потерял все: и близких, и здоровье. Он чуть не умер от инсульта. И все из-за чего? Из-за того, что кто-то повел следствие по ложному пути, представив фальшивые доказательства. – Все это прокурор произнесла с презрением. – Кто даст мне гарантию, что все это не повторится?

Фогель не стал возражать. Он сгреб со стола фотографии, которые полагал своими неубойными картами, и направился к выходу.

– Вы хоть помните тот день, когда потеряли свою честь, агент Фогель?

Слова Майер настигли его на пороге, и он резко остановился. Что-то мешало ему уйти. Он обернулся к прокурорше, и в глазах его был вызов.

– Дерг был оправдан трибуналом и сразу же получил солидную компенсацию за годы несправедливого заключения… Но если *Мучителем* был не он, тогда почему после его ареста все покушения немедленно прекратились?

И он, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты.

А в спортзале, переоборудованном в следственный штаб, стояла мертвая тишина. Его люди, несомненно слышавшие перепалку с прокурором, смотрели на него, пытаясь понять: неужели все старания и труды этих двадцати дней были напрасными?

Но Фогель обратился только к Борги:

– Настал момент прижать Мартини.

Утро было совсем не по-январски солнечное. Словно и не зима стояла на дворе. Лорис Мартини проснулся очень быстро. Вернее, мысли, которые его постоянно мучили, явились его будить, принеся с собой тревогу, что крылась в одном-единственном известии.

Момент настал. Его вот-вот арестуют.

Однако учитель не собирался зря транжирить этот солнечный и необычно теплый день. Он пообещал Клеа – и должен выполнить обещание. Взяв ящик с инструментами, он вышел в сад, где ему не будут надоедать журналисты и любопытные. Здесь, среди кустов, он уже начал переделывать старую беседку в теплицу.

Он орудовал молотком и чувствовал, как солнце пригревает затылок, как со лба маленькими каплями катится пот и как это усилие укрепляет и мышцы, и душу. Он возрождался к жизни. Но печаль раз за разом возвращалась. Она притаилась где-то рядом и приходила в тишине, чтобы

напомнить, что же с ним случилось, почему он потерял все, что имел.

Все началось задолго до Авешота. Маленький городок в горах казался лучшим местом, чтобы начать все сначала, а стал эпилогом скверной истории.

Нечто. Оно. Стелла Хонер тоже об этом знала.

Мартини задавал себе вопрос, откуда ей стало известно. До самого простого ответа он не додумался. Так случается с наивными людьми. Особенно с теми, у кого из-под носа уводят жену, а они даже не замечают.

Эту информацию продал бывший любовник Клеа. Все очень просто.

Надо же, до сих пор он чуть ли не уважал этого человека. Наверное, потому, что его выбрала Клеа, а он доверял ее суждениям. Он и сам понимал, насколько абсурдна такая мысль, но она позволяла хоть как-то оправдать ее в своих глазах: он не мог допустить мысли, что Клеа настолько поверхностна.

«Мы всегда стремимся спасать других, чтобы спасти самих себя», – подумал он. Может быть, трактовка роли мужа как существа все понимающего его и уберегла. Иначе ему пришлось бы посмотреть правде в глаза.

Если Клеа ему изменила, то он тоже в этом виноват.

В то июньское утро глупая шутка кого-то из учеников заставила раньше закончить занятия. Анонимный звонок оповестил, что в здании школы заложена бомба. Такие штучки были типичны для конца учебного года, когда ученики старались увильнуть от опросов, чтобы потом не провалить экзамены. Никто ни в какие бомбы не верил, но по закону были обязаны очистить территорию для действий служб безопасности. И все разошлись по домам раньше.

Когда Мартини вошел в дом, его встретила непривычная тишина. Обычно, когда он приходил, Клеа и Моника были уже дома, и об их присутствии можно было догадаться по включенному телевизору или проигрывателю. И еще по запаху: Клеа пахла ландышем, а Моника земляничной жвачкой. В то утро учитель ничего такого не почувствовал.

Сидя в автобусе, который вез его домой, Мартини прикидывал, на что бы потратить неожиданно подаренные судьбой свободные часы. Ему надо было составить тесты для выпускных экзаменов, это была его идея. Однако желание сразу пропало, как только он вошел в дом. Он подошел к холодильнику, сделал себе бутерброд с колбасой и сыром, уселся в кресло и включил телевизор, убавив звук. Канал передавал какой-то старый баскетбольный матч, и ему не верилось, что он вот так может просто посидеть один.

Он точно не помнил, когда это произошло. То ли он дожевал бутерброд, то ли прервался матч, но он вдруг уловил какой-то звук, вклинившийся в голос диктора и в хлопки по мячу.

Какой-то шелест, будто птица забила крыльями.

Он завертел головой, чтобы понять, откуда идет звук. Потом, повинуясь инстинкту, встал с места. Звук больше не повторился, но Мартини устремился в коридор. Четыре закрытые двери, по две с каждой стороны. Кто знает почему, но он выбрал именно дверь спальни. Он тихо отворил ее и увидел…

Они его не заметили. Как и он поначалу. Их жизни так и переплетались бы дальше, если бы случай не подстроил эту встречу.

Клеа лежала голая, только ноги и таз прикрывала простыня. Она занимала ту позицию, в какой обычно был он. Лорис вгляделся в мужчину, который лежал под ней, уверенный, что увидит себя. Но там был другой. Эта сцена к нему не имела никакого отношения.

Что было дальше, он не помнил.

Клеа потом сказала ему, что услышала, как хлопнула дверь, и сразу поняла, что произошло.

Когда спустя много часов он вернулся, она сидела в том самом кресле, где он смотрел матч, и раскачивалась из стороны в сторону, подтянув колени к подбородку. На ней был просторный белый пуловер и широкие спортивные штаны. Наверное, ей хотелось спрятать собственное тело, а вместе с ним – и грех. Волосы у нее растрепались, лицо побледнело. Она посмотрела на мужа отсутствующим взглядом. Оправдываться она даже не пыталась. Только сказала:

– Давай уедем. Прямо завтра.

И он, все это время метавшийся по городу и искавший нужные слова, так их и не найдя, коротко произнес:

– Давай.

С тех пор они больше об этом не говорили. В Авешот они переехали недели две спустя. Она отказалась от любимой работы и бросила все, только бы он простил ее и ничего не говорил. В этот момент Лорис понял, насколько ее испугала мысль его потерять. Если бы она тогда знала, что он напуган еще больше…

Хуже всего было выяснить, кто был тот человек, с которым жена ему изменила. Он был адвокат, как и она, очень богатый, и его средств вполне хватило бы на то, чтобы она навсегда рассталась с тем полунищенским существованием, которое мог дать ей муж.

Лорис был вынужден принять эту горькую истину. Клеа заслуживала

большего.

В общем, они укрылись в горах, чтобы больше об этом не думать. Но горький привкус предательства остался и постепенно уничтожал то, что осталось от любви. Лорис это чувствовал и понимал, что бессилен что-либо сделать.

Поэтому он и дал эту клятву. *Больше никогда*.

И теперь, стоя под таким неожиданно теплым январским солнышком, он еще раз подумал об *этом*, надеясь, что *нечто* возникло в последний раз. Когда зазвонил телефон, он бросил молоток на высохшую январскую лужайку и пошел в кухню, чтобы ответить.

– Хорошо. Я буду, – коротко сказал он в трубку.

Потом открыл холодильник. Там осталось только сморщенное яблоко и упаковка из четырех бутылок пива. Он взял одну и вернулся в сад. Он поддел пробку отверткой и уселся на сухую траву, прислонившись спиной к балке беседки. Не спеша, прикрыв глаза, он посасывал прохладную жидкость.

Когда бутылка опустела, он принялся внимательно разглядывать руку, все еще перевязанную с того дня, как пропала Анна Лу Кастнер. Сняв повязку, он осмотрел рану. Она почти затянулась.

Тогда он взял отвертку, которой только что вскрывал бутылку, и то же самое проделал с раной: он ее вскрыл. Воткнул жало отвертки в шрам и раздвинул края. Ни малейшего стона не слетело с его губ. Когда-то он смалодушничал и теперь заслужил эту боль.

Из раны хлынула кровь, заливая одежду и тяжелыми каплями капая на голую зимнюю землю.

К вечеру от теплого солнечного дня осталось одно воспоминание. Над долиной повисли густые, плотные облака, и пошел частый крупный дождь.

Над стеклянной дверью придорожного ресторана все еще висел плакат с пожеланием «*Хорошего Рождества*» проезжающим автомобилям. Рождество и Новый год давно прошли, но ни у кого не нашлось времени снять плакат. В последние дни было очень много работы.

К десяти вечера заведение опустело.

Спецагент Фогель попросил хозяина зарезервировать для него зал: у него назначена важная встреча. Хотя полицейский и не требовал никакой благодарности за быстро выросший оборот заведения, хозяин чувствовал себя обязанным.

Стеклянная входная дверь открылась, звякнул дверной колокольчик. Учитель потопал ногами, чтобы стряхнуть с куртки капли дождя, снял

кепку с козырьком и огляделся.

В зале было темно, свет горел только в одном из отдельных кабинетов, примыкавших к стене. Фогель уже сидел там и дожидался его. Учитель прошел к нему, и его ботинки поскрипывали на линолеуме, оставляя мокрые следы. Он сел с другой стороны голубого пластикового столика, прямо напротив спецагента.

Фогель, как всегда, был элегантен. Он не снял кашемировое пальто, на столе перед ним лежала папка, и он постукивал по ней пальцами.

Они встретились впервые.

– Вы верите в пословицы? – начал спецагент, даже не поздоровавшись.

– В каком смысле?

– Меня всегда приводил в восторг такой метод отличать истинное от ложного… Законы же, напротив, так сложны… Их следовало бы писать в виде пословиц.

– Вы полагаете, что добро и зло так просты?

– Нет, но очень утешительно думать, что кто-то их так воспринимает.

– Лично я думаю, что истина никогда не бывает простой.

Фогель кивнул:

– Да, возможно.

Мартини оперся локтями на стол. Он был абсолютно спокоен.

– Почему вы захотели встретиться со мной здесь?

– Здесь нет телекамер и микрофонов. Нет надоедливых журналистов. Никто не подкарауливает, не подстраивает ловушек. Только я и вы… Хочу дать вам возможность доказать, что я ошибаюсь, что ваша причастность к этому делу – плод серьезного недоразумения.

Мартини старался показать, что уверен в себе.

– Без проблем, – сказал он. – С чего начнем?

– На день исчезновения девочки у вас нет алиби, более того, у вас травмирована рука.

Он показал на испачканную кровью повязку.

– Я вижу, она еще не зажила, возможно, необходимы несколько стежков.

– Моя жена тоже так считает, – ответил Мартини, давая понять, что не оценил проявленной заботы. – Это была досадная случайность, – уже в который раз объяснил он. – Я поскользнулся и схватился рукой за острую ветку, чтобы не упасть.

Фогель опустил глаза на лежащую перед ним папку, но не стал ее открывать.

– Странно, потому что судебный медик сказал, что края раны такие

ровные… как если бы ее нанесли ножом.

Мартини не ответил.

Но Фогель не стал настаивать и продолжил разговор:

– Видеозаписи Маттиа, на которых появляется ваша машина. Вы сейчас скажете, что это случайное совпадение и к тому же не видно, кто сидит за рулем. В конце концов, внедорожник был в распоряжении всей семьи… А кстати, у вашей жены были права?

– Машину всегда водил я, оставьте мою жену в покое.

Он нарушил рекомендации Леви, но ему было все равно. Ему не хотелось, чтобы Клеа втягивали в это дело, даже если это и могло бы облегчить его положение.

– Мы обследовали салон машины, – продолжал Фогель, – и не обнаружили ДНК Анны Лу. Однако странная вещь: там была кошачья шерсть.

– Но у нас нет кошки, – простодушно парировал учитель.

Спецагент наклонился к нему и проворковал медовым голосом:

– А что вы скажете на то, что именно благодаря кошке мне удалось установить, что вы были в том месте, где пропала Анна Лу?

Мартини явно не понял вопроса, но в его глазах промелькнуло любопытство, смешанное со страхом.

Фогель вздохнул:

– Кое-что меня поразило с самого начала… Почему Анна Лу не сопротивлялась, когда ее увозили? Почему не кричала? Никто из соседей ничего не слышал. И я пришел к выводу, что девочка пошла за похитителем по своей воле… Потому что ему доверяла.

– Значит, она его хорошо знала, но тогда меня надо исключить: хотя она и училась в моей школе, вы не найдете никого, кто мог бы сказать, что видел, как мы общаемся или просто разговариваем.

– На самом деле, – спокойно сказал Фогель, – Анна Лу не была знакома с похитителем… она была знакома с его котом.

Фогель наконец открыл папку и протянул учителю те самые снимки, что недавно показывал Майер, убеждая ее арестовать Мартини.

– Мы изучили снимки с систем видеонаблюдения домов, соседних с Кастнерами. К сожалению, ни одна камера не смотрит на улицу. Как говорится, каждый заботится только о своем огороде. Но было выявлено, что в течение нескольких дней, предшествовавших исчезновению, в этом месте объявился бродячий кот.

Мартини вгляделся в снимок. На английской лужайке действительно виднелся толстый, пятнистый, каштаново-рыжий кот.

Фогель ткнул в снимок пальцем:

– Видите, что у него на шее?

Учитель вгляделся и заметил браслет из разноцветных бусинок.

Фогель снял с руки тот, что ему подарила Мария Кастнер, и положил его рядом со снимком.

– Такие браслеты плела Анна Лу и раздаривала тем, кого любила.

Казалось, Мартини застыл на месте, не в состоянии ничего сказать.

Фогель решил, что настал момент нанести решающий удар:

– Похититель воспользовался котом как приманкой. Он принес его заранее и пустил свободно разгуливать по кварталу, надеясь, что Анна Лу, которая очень любила кошек, но не могла завести свою, его рано или поздно заметит… Но она его не только заметила, она его приняла в круг самых близких существ, надев ему на шею браслет. А посему, дражайший учитель, с этого дня я вас больше не преследую. Если мне удастся найти эту кошку, то ваша песенка спета.

На несколько секунд воцарилась тишина. Фогель знал, что учитель попался, и, пристально на него глядя, выжидал, когда тот хоть как-то отреагирует и даст понять, что он не ошибся. Но учитель не проронил ни слова. Вместо этого он встал и спокойно пошел к выходу. Однако, прежде чем шагнуть за порог, он обернулся и так же спокойно сказал:

– Кстати, о пословицах. Однажды кто-то сказал мне, что самый глупый из грехов дьявола – тщеславие.

И вышел из заведения, звякнув дверным колокольчиком.

А Фогель еще какое-то время сидел, наслаждаясь моментом. Он был убежден, что справился с очень важной задачей. Но Майер все еще составляла проблему. Надо найти способ ее нейтрализовать.

Самый глупый из грехов дьявола – тщеславие.

Кто его знает, что Мартини хотел сказать этой фразой. Ее можно расценить и как оскорбление. Но Фогель не был мнителен. Он хорошо знал, что удар можно нанести, но можно получить и ответный. И часы учителя сочтены.

Он решил, что настало время уходить. Укладывая снимки в папку, он вдруг застыл на месте: на столе что-то виднелось. Нагнувшись пониже, он вгляделся.

В том месте, где учитель опирался перевязанной рукой на голубой пластик, краснело маленькое пятно свежей крови.

16 января
Двадцать четыре дня после исчезновения

На той неделе, когда он бесследно исчез, маленькому Лео Бланку исполнилось пять лет.

Тогда силы правопорядка не располагали еще теми современными методами расследования, какие появились сейчас. Довольствовались «трамбовкой территории», как говорили сами полицейские. Это дело поручили опытным сыщикам, хорошо знавшим местность и людей и умевшим добывать информацию без помощи бригады экспертов и анализа ДНК. Они делали свою тяжелую повседневную работу, продвигаясь маленькими шажками и с каждым шажком добиваясь скромного результата. Но все это, вместе взятое, и составляло основу расследования. И требовало большого терпения.

Дар терпения стал заметно уменьшаться с приходом СМИ. Зрителям был нужен быстрый ответ, иначе они просто переключали канал. Таким образом, сеть телеканалов давила на следователей, понуждая их работать в спешке. В таких условиях было легко наделать ошибок. Самым важным было не прерывать шоу.

И Лео Бланк своей скоротечной трагической историей и короткой жизнью неосознанно проложил важный водораздел между «до» и «после».

Однажды утром его мать Лаура Бланк, вдова двадцати пяти лет, потерявшая своего мужа и отца Лео в автокатастрофе, пришла в полицейское отделение маленького равнинного городка, где жила с сынишкой. Она была в отчаянии и утверждала, что кто-то проник к ней в дом и похитил ее Леонарда.

Фогель был тогда рядовым агентом, только что окончившим полицейскую академию. Поэтому ему поручали несложные и скучные задания, вроде сдачи рапортов в архив или перепечатки начисто заявлений истцов. В остальном он должен был наблюдать, как работают более опытные сотрудники, и, соответственно, у них учиться. Однако так случилось, что свидетельские показания у Лауры получил именно он.

Женщина утверждала, что забыла в машине упаковку молока, купленную накануне в мини-маркете, и обнаружила это только утром. Она решила забрать молоко раньше, чем сын проснется и попросит есть. Машина была припаркована на улице метрах в пятидесяти от дома. То ли

по рассеянности, то ли потому, что все соседи друг друга знали и не привыкли закрывать двери на ключ даже по ночам, Лаура оставила дверь незапертой. И теперь не могла себе этого простить.

Как было заведено, Фогель передал ее заявление агенту, под началом которого проходил испытательный срок. Оба отправились в дом женщины и, не обнаружив следов взлома, нашли комнату маленького Лео перевернутой вверх дном. Они заключили, что мальчик проснулся, испугался, увидев чужого человека, и пытался сопротивляться, но тот в конце концов взял над ним верх.

Лаура Бланк пребывала в состоянии шока, но с помощью полицейских ей удалось шаг за шагом восстановить, как развивались события. Между тем моментом, когда она вышла из дому, и тем, когда вернулась, получался зазор минут в восемь, за которые она успела перекинуться парой слов с соседкой. Похитителю этого хватило, чтобы забраться в дом и увести мальчика.

Преследование похитителя развернули тотчас же. Но события развивались бы совсем по-другому, если бы совершенно случайно в зоне поиска не оказалась съемочная группа одного из телеканалов, которая снимала сюжет о перелетных птицах, населявших окрестные болота. И тогда лейтенанту пришла мысль попросить телевизионщиков передать в эфир просьбу матери ко всем, кто хоть что-то знает о ее сыне.

После передачи сразу поднялся шум.

На полицию обрушился шквал телефонных звонков. Многие были уверены, что видели малыша Лео, и называли, где и при каких обстоятельствах. Кто-то якобы видел его в компании мужчины, который покупал ему мороженое, кто-то вместе с какой-то супружеской парой в поезде, называли даже имена и фамилии. Большинство сигналов оказались пустышками, да и проверить их все было невозможно. Такая масса информации, конечно, тормозила работу сыщиков. Однако удивительнее всего было то, что огромное количество людей звонили просто, чтобы узнать, как движется расследование. Звонки такого содержания потоком поступали на коммутаторы СМИ, и те решили, выражаясь на профессиональном жаргоне, «сцапать известие», отправив на места съемочные группы и журналистов.

Фогель видел, с какой скоростью развиваются события. Молодому, неопытному полицейскому недостало сообразительности понять, что у него перед глазами происходит настоящая революция. Ему все это казалось слишком нереальным. Но даже бесспорные факты, преображенные СМИ, обретали иной смысл. Лаура Бланк быстро превратилась в печальную

героиню. Фогель знал ее как заурядную дурнушку, а тут даже ее внешность внезапно изменилась. Грим и правильное освещение сделали свое дело, и она начала получать письма от претендентов на дальнейшую заботу о ней. А маленького Лео виртуально усыновили все мамаши городка. Пятилетний ребенок стал иконой, люди вешали в своих домах его фотографию, а молодые родители называли его именем своих первенцев.

Когда все уже уверились, что раскрыть тайну исчезновения мальчика не удастся, при очередном обыске в доме Бланков был обнаружен отпечаток пальца. Понадобилось две недели, чтобы перерыть все архивы и сличить отпечатки. В конце концов совпадение было найдено.

Имя обладателя отпечатка было Томас Бернинский. Сорокалетний разнорабочий уже имел судимости за развратные действия в отношении несовершеннолетних, а сейчас работал на строительстве промышленных корпусов в этом районе.

Бернинского нашли очень быстро. Он был арестован, и у него дома обнаружили окровавленную пижамку маленького Лео. Педофил-убийца сознался, что изнасиловал и убил мальчика, и показал следователям заброшенную свалку, где зарыл труп.

Ужасный финал этой истории потряс публику. Однако кое-кто в верхах полицейских чинов и представителей СМИ догадался: что-то неожиданно переменилось и ничего уже не будет как прежде.

Началась новая эра.

Правосудие уже не было прерогативой трибуналов, теперь оно принадлежало всем без исключения. И при таком новом взгляде на вещи информация превратилась в ресурс. *Информация стала золотом*.

Смерть маленького, ни в чем не повинного мальчика вызвала к жизни бизнес.

Фогель, молодой полицейский-идеалист, даже представить себе не мог, что станет частью извращенного механизма и будет строить свою блестящую карьеру на чужом несчастье. Однако тогда он пришел к удивительному заключению… Лаура Бланк рассказывала, что вышла из дому, чтобы взять в машине купленную накануне упаковку молока. Ее дом перерыли десятки раз, прежде чем нашли там отпечаток пальца Бернинского.

Но тогда почему никто не нашел пресловутый пакет с молоком?

И повзрослевший Фогель, уже с большим опытом за плечами, до сих пор задавал себе этот вопрос. И до сих пор возможный ответ на него заставлял его содрогаться. Лаура Бланк быстро устроила свою личную жизнь с человеком, которого знала задолго до событий и который, может

быть, не хотел брать на себя ответственность за чужого ребенка. Продать журналистам идею, что Лаура давно догадывалась о намерениях Бернинского и дала ему возможность их осуществить, было бы трудно. Но в том, что Лаура нарочно надолго вышла из дому, Фогель был уверен. Но он знал, что есть тайны, которые так и должны оставаться тайнами. И поэтому он ни с кем не поделился своими подозрениями. Однако всегда об этом вспоминал, когда в деле обнаруживалось что-нибудь слишком очевидное.

И в это утро, когда они с агентом Борги ехали на служебной машине, ему на ум пришло дело маленького Лео. Борги прибежал за ним в гостиницу бегом.

Ныряльщики нашли в сточном канале разноцветный рюкзачок Анны Лу Кастнер.

Порой ему становилось страшно в закрытом доме и хотелось куда-нибудь сбежать. Мартини наловчился сбивать со следа журналистов, стоявших лагерем возле дома. К примеру, он вычислил, что время между пятью и семью часами, когда они готовили к выходу очередной репортаж, было самым благоприятным, чтобы улизнуть с черного хода.

У него был свой лабиринт «надежных» улиц, через который ему удавалось выбраться из Авешота. Он уходил в лес и погружался в уединение природы, в уверенности, что скоро потеряет привилегию свободы. С момента его встречи со спецагентом Фогелем в придорожном ресторане прошло уже пять дней. Представить себе, что все это время полицейский гонялся за пегим котом, было воистину смешно. Истина была в том, что учитель не испытывал ни малейшего страха перед тем, что могло с ним произойти. Лорис Мартини, не переставая, укреплял и закалял свою душу, хотя его запущенный, одичалый вид говорил о другом. Длинная нечесаная борода и резкий запах немытого тела теперь были для него броней, которой он рассчитывал отгородиться от людей. Клеа была бы недовольна, она все время следила за его внешним видом и постоянно донимала его советами по этому поводу. В юности он был небрежен в одежде до того дня, когда, в синем костюме и в смешном галстуке-бабочке, явился приглашать ее на ужин. Его жене всегда была важна видимость, форма.

Мартини остро ощущал отсутствие Клеа и Моники, но понимал, что должен стойко держаться и ради них тоже. С самого их отъезда они ни разу не общались, даже по телефону. Сказать по правде, он и сам не пытался им позвонить. Он хотел их уберечь. Уберечь от себя.

Утренний туман медленными каплями скатывался с листьев, и Мартини с удовольствием поглаживал их ладонями, ощущая свежую влагу. Он шел, раскинув руки и прикрыв глаза, и блаженно, полной грудью вдыхал напоенный ароматами леса воздух. Ночь понемногу уступала место разгоравшемуся дню, и сознание наполнялось новой свежей силой. Лесные звери вылезали из нор, птицы радостно заливались, выныривая из сумрака.

Когда запищал таймер наручных часов, Мартини понял, что его два часа свободы кончаются и наступило время возвращаться. В тот день он тоже, как обычно, повернул и пошел к дому той же дорогой, что выходил из города. Но на шоссе, ведущем в Авешот, заметил идущую навстречу фигуру. Человек шел по противоположной стороне проезжей части. Учитель с радостью свернул бы в сторону, чтобы не столкнуться с ним, но сворачивать было некуда: кругом поля и ни одной тропинки. Пришлось продолжить путь, пониже опустив голову и надвинув козырек на пол-лица. Засунув руки в карманы и сгорбившись, он старался идти точно вдоль воображаемой линии и точно ее соблюдать. Но желание разглядеть лицо загадочного путника взяло верх, и, когда он его узнал, у него перехватило дыхание.

Бруно Кастнер узнал его несколькими секундами позже. Он тоже, видимо, растерялся от неожиданности, потому что замедлил шаг.

Оба чуть не остановились, но каждый выжидал, чтобы первым остановился другой. У отца пропавшей девочки было непроницаемое, полное достоинства лицо. Мартини не думал о том, как тот отреагирует, встретившись с предполагаемым монстром, который похитил его дочь. Напротив, и это было странно, он подумал, как бы он отреагировал сам, окажись он на месте Бруно. И ему стало страшно.

Они в ногу шли навстречу друг другу, и звуки шагов одного перекрывали шаги другого. Оставшееся между ними расстояние растянулось в вечность. Когда же они наконец поравнялись, от плеча одного до плеча другого было не более двух метров. Но ни один не обернулся. Мартини остановился первый, словно ожидая чего-то.

Но другой даже не замедлил шага, наоборот, пошел быстрее и скоро скрылся из виду.

Мартини был не в состоянии двинуться с места. Он слышал только свое отчаянно колотящееся сердце и все еще чувствовал присутствие Бруно Кастнера у себя за спиной. Был момент, когда он решил уже, что тот сейчас вернется и нападет на него. Но этого не случилось. Когда же он обернулся, то высокая, массивная фигура Бруно превратилась в маленькую точку на

опушке леса.

Вряд ли учителю удастся забыть эту встречу. Однако именно в этот момент он принял одно решение.

Разноцветный рюкзачок Анны Лу Кастнер лежал на прозекторском столе в маленьком морге Авешота. Его туда положили за неимением трупа. Но Фогелю казалось, что на месте рюкзачка он видит рыжеволосую девочку с веснушками. Голая, холодная и неподвижная, она лежит под яркой бестеневой лампой, которая освещает сверху только ее, оставляя все остальное в полумраке.

Все-таки порой бывают счастливые случаи, думал спецагент. Кто бы ни выбросил рюкзачок в сточный канал, сначала он позаботился о том, чтобы его опустошить, а потом заполнить камнями. Но и это еще не все. Такая предусмотрительность была веским доказательством. Теперь наличие монстра перестало быть следственной гипотезой. Монстр стал реальностью.

Появился рюкзачок Анны Лу. Словно она сама открыла глаза и повернула голову к Фогелю, который уже с полчаса стоял здесь один, оценивая, на что может сгодиться эта находка. Прядь рыжих волос упала ей на лоб, губы зашевелились и беззвучно прошептали всего одну фразу. Она была обращена только к спецагенту.

Я все еще здесь.

И Фогелю подумалось о том дне, когда он впервые вошел в дом Кастнеров. Это был день Рождества. Он вспомнил украшенную елку и слова матери, что елка будет стоять зажженной до тех пор, пока девочка не вернется. Как маяк в ночи. Он вспомнил подарочный пакет с красной лентой, который дожидается, чтобы его вскрыли. Теперь эта коробка займет место белого гроба.

– Мы никогда тебя не найдем, – тихо сказал он ей.

И это убеждение сразу же глубоко укоренилось в нем.

Самый глупый из грехов дьявола – тщеславие.

А потому пришло время действовать. И не дать этому случиться еще раз.

Около девяти утра учитель Мартини встал под душ. Теплая вода смыла накопившуюся усталость. Немного погодя, стоя голышом напротив зеркала, он заглянул себе в лицо, чего старательно избегал в последние дни, и принялся бриться.

Потом открыл шкаф и выбрал из своего довольно скудного гардероба

одежду, которая более всего подходила к его внутреннему состоянию: бежевую вельветовую куртку, темные бумазейные брюки и клетчатую, коричневую с синим, рубашку. Дополнил комплект бледно-коричневый, с сероватым отливом, галстук. Зашнуровав свои «кларки», он надел зимнюю куртку, перекинул через плечо ремень сумки и вышел из дому.

Увидев его на пороге дома, операторы и репортеры опешили. Все объективы тут же нацелились на него, но он, ни на кого не обращая внимания, прошел через лужайку на улицу, перешагнул через временное ограждение и спокойно двинулся по улицам Авешота.

Когда он переходил центральную улицу, прохожие останавливались и указывали на него пальцем. Из магазинов высыпали покупатели, чтобы не пропустить такую сцену. Однако никто ничего не говорил и не предпринимал. Учитель избегал встречаться глазами с людьми, но чувствовал на себе тяжесть их взглядов.

Когда он подошел к зданию школы, у него за спиной собралась небольшая толпа. Мартини заметил, что, кроме спортивного зала, переделанного в помещение для полицейской бригады, в школе ничего не изменилось.

Он поднялся по ступеням ко входу, и, конечно, шакалы, что толпились за ним, тоже ринулись туда. Оказавшись внутри, он услышал знакомый школьный звонок. По расписанию в десять начинался урок литературы. Он прямиком отправился в свой класс, а коллеги-учителя и ученики расступались перед ним.

В классе стояла суета, типичная для перемены. Скоро должен был появиться преподаватель, которого директор назначил подменять Мартини. Он запаздывал, и ученики болтали, пересмеивались и перешучивались.

Присцилла опять явилась в своей излюбленной одежде, снова ярко накрасилась, и в ушах у нее по-прежнему блестел пирсинг.

– Я поеду на кастинг в реалити-шоу, – возбужденно говорила она одной из подружек.

– А мать согласна? Она ничего тебе не скажет? – спросила та.

– Да если и скажет, мне плевать. Теперь у меня в жизни есть цель, и она должна это понимать, – заявила Присцилла, пожав плечами и сразу сняв все вопросы. – Возможно, мне надо будет поискать агента.

Ершистый Лукас с татуированным черепом обратился к кому-то на другом конце класса:

– А тебе, неудачник, они ничего не предложили?

Реплика потонула во всеобщем хохоте, но Маттиа сделал вид, что

ничего не слышит, и продолжал, как всегда, что-то черкать в блокноте.

Дверь открылась. Все не сразу обернулись. Но те немногие, что обернулись, сразу замолчали. Когда Мартини подошел к кафедре и положил на подставку сумку, в классе стояла мертвая тишина.

– Здравствуйте, ребята, – поздоровался он с улыбкой.

Никто не ответил, все растерялись, включая Маттиа, который казался просто испуганным. Несколько секунд учитель, стоя возле кафедры, разглядывал их всех одного за другим. Потом как ни в чем не бывало снова заговорил:

– На последнем уроке мы с вами говорили о технике повествования в романах. Я объяснял вам, что все авторы, даже самые крупные, начинают с того, что находят начальный импульс в произведениях своих предшественников. Помните? Первое правило: «копировать».

Ответа не последовало. «Ну и ладно», – сказал себе Мартини. Но класс никогда еще не слушал с таким вниманием.

Дверь в аудиторию снова открылась, и на этот раз ученики обернулись. Вошел Фогель и, оказавшись перед такой сценой, поднял руку, словно извиняясь и давая понять присутствующим, что все в порядке. Потом уселся на свободное место и посмотрел на учителя, приглашая его продолжить урок.

Мартини невозмутимо продолжил:

– Я говорил вам, что двигателем любого повествования является зло. Герои и жертвы – всего лишь инструменты, потому что читателей не интересует повседневная жизнь, у них она и так есть. Им хочется конфликта, ведь только так им удается оторваться от собственной заурядности. – Тут он намеренно взглянул на спецагента. – Запомните: заурядность более приемлемой всегда делает злодей и это он в конечном итоге *мастерит* повествование.

Фогель вдруг, ни с того ни с сего, принялся аплодировать. Он убежденно и энергично хлопал в ладоши, удовлетворенно кивая, и повернулся к классу, чтобы все его поддержали. Поначалу ученики растерянно переглядывались, не зная, как поступить. Потом кто-то робко стукнул в ладоши вслед за ним. Ситуация создалась абсурдная, парадоксальная. Спецагент встал с места и, не переставая аплодировать, направился к кафедре. Подойдя совсем близко к Мартини и оказавшись в нескольких сантиметрах от его лица, он вдруг резко умолк и сказал:

– Прекрасный урок.

Наклонившись к уху учителя, он шепнул:

– Мы нашли рюкзачок Анны Лу. Тело пока не найдено, но это не

важно… Потому что на рюкзачке обнаружена ваша кровь, учитель…

Мартини ничего не возразил, ничего не сказал.

Спецагент достал из кармана кашемирового пальто пару наручников:

– Теперь нам, пожалуй, действительно пора идти.

23 февраля
Шестьдесят два дня после исчезновения

В ночь, когда все навсегда изменилось, из окна амбулатории доктора Флореса был виден только горнодобывающий комбинат. На верхушках аэрационных башен шахты мигали красные огоньки. Маленькие недремлющие глаза. Часовые в тумане.

– У вас есть семья, спецагент Фогель?

Фогель непонятно зачем внимательно разглядывал ногти на правой руке и долго не отвечал.

– Семья? – переспросил он. – У меня никогда не было на это времени.

– А я вот уже сорок лет женат, – сказал Флорес, хотя его об этом никто не спрашивал. – София воспитала прекрасных детей, а теперь поглощена внуками. Она замечательная женщина, не знаю, как бы я без нее жил.

– А чем заниматься психиатру в Авешоте? – полюбопытствовал Фогель. – В таком маленьком местечке он, пожалуй, последний, кого ожидаешь встретить.

– В этом районе, – серьезно ответил Флорес, – самый высокий процент самоубийств на душу населения. У каждой семьи есть что порассказать в этом плане: у кого покончила с собой мать, у кого отец, брат или сестра. Бывает, что и сын…

– А мотивация?

– А без всякой мотивации. Те, кто приезжают из других краев, обычно нам завидуют. Они думают, что в таком тихом месте, укрывшемся среди гор, жизнь течет всегда безмятежно. Не исключено, что чрезмерная безмятежность местного населения – уже сама по себе заболевание. Для счастья ее оказывается мало, и она превращается в застенок. Чтобы выйти из этого застенка, люди лишают себя жизни, причем самыми жестокими способами. Им мало наглотаться таблеток или перерезать себе вены, они норовят причинить себе боль, словно карают сами себя.

– И многих из них вам удалось спасти?

Флорес коротко хохотнул:

– Моим пациентам больше, чем лекарства, нужен кто-нибудь, перед кем можно выговориться.

– Бьюсь об заклад, что вы всегда находите нужные слова, наверное, отчасти потому, что всех их хорошо знаете и они легко идут с вами на

контакт.

Полицейский был прав. В беседах с пациентами Флорес был мастером: он умел слушать и никогда не давил на собеседника, не выходил из себя. А голоса он вообще не повышал, даже когда отчитывал за что-нибудь собственных детей. Ему нравилось, что его считают человеком уравновешенным, а сам себя он с удовольствием определял как сельского врача из горной местности, как те лекари стародавних времен, которые врачевали прежде всего души своих пациентов, и те справлялись с любыми болезнями.

– Может быть, они не просто несчастливы. Может быть, излишняя безмятежность лишает страха смерти. Вы не задумывались над этим?

– Вполне возможно, – согласился врач. – А вам когда-нибудь приходилось испытывать страх смерти, спецагент Фогель?

В его вопросе таилась провокация. Ему надо было вернуть собеседника к той реальности, где на нем была запачканная кровью одежда и, несомненно, имелся мотив сюда вернуться.

– Когда вокруг тебя постоянно чужие смерти, о своей как-то не задумываешься, – с горечью сказал Фогель. – А вы часто об этом думаете?

– Каждый день, вот уже тридцать лет. – Он постучал себя по груди. – Три шунта.

– Инфаркт? В таком молодом возрасте?

– Тогда я уже был отцом семейства. Я знаю, что это ничего не значит, но, когда на тебе лежит большая ответственность, молодость – всего лишь деталь, частная подробность. Благодарение Богу, что я выжил после филигранной двенадцатичасовой операции и теперь должен всего лишь пить лекарства и время от времени проходить контрольное обследование.

Флорес всегда был склонен преуменьшать значение этого эпизода своего прошлого: не желал признать, насколько глубокий след он оставил. Но ночь, когда все изменилось, отодвинет на задний план все события его прошлой жизни, в том числе и это.

В дверь постучали. Психиатр не пригласил войти того, кто стучал. Вместо этого он сам вышел из комнаты. Стук был условным сигналом. Но Фогель, казалось, не придал этому значения.

В коридоре нетерпеливо расхаживала взад и вперед прокурор Майер.

– Ну что? – спросила она, увидев Флореса.

– У него чередуются моменты ясности сознания и моменты, когда он выключается из действительности.

– Но он притворяется или нет?

– Не все так просто, – объяснил Флорес. – Он завел длинный рассказ о событиях, связанных с делом Анны Лу Кастнер, и я даю ему выговориться: думаю, в конце рассказа мы доберемся до ночной аварии.

Впрочем, не рассказа, а скорее исповеди. Но этот вывод психиатр пока держал при себе.

– Будьте начеку: Фогель – искусный манипулятор.

– Если он говорит правду, ему нет нужды мной манипулировать. Пока мне не показалось, что он врет.

Майер эти слова не убедили.

– Фогель в курсе, что Мария Кастнер три дня назад покончила с собой?

– Он об этом не упоминал, а потому не знаю…

– Надо было швырнуть это известие ему в физиономию. То, что этим кончилось, – по сути дела, его вина.

Флорес сразу понял, что она не лукавит. Но он был не в состоянии что-либо предпринять. После самоубийства Марии братство от нее дистанцировалось, заклеймив за такой святотатственный поступок. Ее не разрешили даже похоронить по-христиански.

– Я не думаю, что сейчас нам поможет, если мы помянем эту историю. Наоборот, это может оказаться пагубным.

Майер подошла вплотную к врачу и взглянула ему прямо в лицо:

– Прошу вас, хоть вы не позволяйте себя заворожить. Я поддалась всего только раз и до сих пор не могу себе простить.

Флорес кивнул:

– Не беспокойтесь, если он нам устраивает спектакль, мы заставим его раскрыться.

Когда он вернулся с двумя чашками дымящегося кофе, Фогель стоял у окна и разглядывал чучело радужной форели, которое его так заинтересовало.

– Я принес вам кое-что взбодриться, – сказал Флорес с улыбкой и поставил чашки на стол.

Фогель даже не обернулся:

– Вы знаете, почему у нас в памяти никогда не остаются имена жертв?

– Что, простите?

Флорес усаживался на место и не понял вопроса.

– Тед Банди, Джеффри Дамер, Андрей Чикатило… Все мы знаем имена злодеев, монстров, но вряд ли кто припомнит имена их жертв. Вы не спрашивали себя – почему? Хотя должно бы быть наоборот. Мы говорим о

жалости, о сочувствии, а потом о них благополучно забываем. Нас это должно бы удивлять…

– А вы знаете почему?

– Вам скажут, что, в сущности, это вина СМИ, потому что они буквально бомбардируют нас до бесчувствия именем монстра. Может, СМИ – сами те еще злодеи, вы не находите? – сказал он с ноткой сарказма в голосе. – Но они становятся безвредны, если их нейтрализовать, оказав давление на съемочную группу. Только никто этого не делает. Мы все слишком любопытны.

– Может быть, у нас в сердцах все-таки гнездится справедливость, а не эти монстры?

– Да бросьте вы… – Фогель махнул рукой, словно отмахиваясь от этой мысли, как от наивной глупости. – Справедливость о себе не кричит, друг мой. Справедливость никого не интересует…

– Даже вас?

Фогель замолчал, словно этот вопрос пригвоздил его к месту.

– Я знал, что учитель виновен… Есть вещи, которых сыщик объяснить не может. Инстинкт, например…

– Так это, повинуясь инстинкту, вы стали его преследовать и сделали его жизнь невыносимой?

Флорес почувствовал, что они вплотную подошли к очень важному повороту в разговоре.

– Когда я увидел на прозекторском столе рюкзачок Анны Лу, во мне что-то восстало… Прокурорша Майер точно бы позволила себе обвинения в мой адрес.

Помолчав, он добавил вполголоса:

– Я не мог этого допустить…

– Что вы пытаетесь объяснить мне, спецагент Фогель?

Тот поднял на него глаза:

– Дело Дерга не должно было повториться. *Мучителя* отпустили с извинениями, выплатив ему миллионную компенсацию за моральный ущерб, нанесенный несправедливым приговором.

Флорес застыл на месте, но подгонять рассказчика не стал.

– В тот вечер, когда мы впервые встретились с Мартини в придорожном ресторанчике, рука у него все еще была перевязана. Этот дурак не пожелал наложить швы, и рана кровоточила.

Фогель ясно вспомнил тот момент, когда он складывал в сумку фотографии и заметил красное пятно на голубом пластике стола.

– Кровь на рюкзачке… – не веря своим ушам, произнес Флорес. – Так,

значит, это верно… Вы фальсифицировали доказательство.

17 января
Двадцать пять дней после исчезновения

После полуночи в ворота тюрьмы въехала темная безымянная машина. Она остановилась в тесном, зажатом стенами дворике-колодце.

Двое полицейских в штатском выскочили из задних дверей и помогли выбраться учителю. Двигаться свободно Мартини мешали наручники. Едва коснувшись ногами земли, он сразу посмотрел наверх.

Звездное небо было втиснуто в пугающее своей теснотой пространство.

Борги сидел впереди, но на этот раз не за рулем. У него в руках был ордер на арест, подписанный Майер, и протокол допроса, которому подвергли учителя вечером в присутствии прокурора. Мартини продолжал отрицать все обвинения, но улики и доказательства против него были очень весомые.

Борги вошел в блок С первым, за ним двое конвойных и учитель. Затем протянул документы главному надзирателю, чтобы тот принял арестованного.

– Лорис Мартини, – сказал он, представляя новичка. – Обвиняется в похищении и убийстве несовершеннолетнего, отягощенном сокрытием трупа.

Очевидно, главный надзиратель знал, кто такой Мартини и почему он здесь находится, но таков был порядок. Он ограничился тем, что дал агенту на подпись документы, подтверждающие, что арестованный принят.

Закончив все формальности, Борги в последний раз обернулся к Мартини. Вид у того был растерянный и неприкаянный, во взгляде застыл вопрос. Так смотрят люди, которые не знают, что с ними будет дальше. Но Борги не сказал ему ни слова, повернулся к конвойным и сухо бросил:

– Пошли.

Мартини проводил его взглядом до самой двери. Потом чьи-то руки взяли его под локти и куда-то потащили. Двое помощников надзирателя провели его в небольшое помещение с облезлыми от сырости стенами. В комнате стояла только железная скамья, а в середине покатого пола виднелась дыра для стока воды.

– Раздевайтесь, – скомандовали ему, сняв наручники.

Он повиновался. Когда он разделся догола, ему велели сесть на

скамью и включили душ. Он поначалу не заметил душевого зонтика, перпендикулярно торчавшего на кронштейне у него над головой. Ему сунули в руки кусочек мыла. Когда же он попытался привстать, чтобы лучше вымыться, ему не разрешили: не положено по регламенту. Теплая вода отдавала хлоркой. Маленькое белое полотенце, которое ему протянули, промокло за секунду.

– Встаньте, обопритесь обеими руками о стенку и наклонитесь как можно ниже, – сказал один из помощников надзирателя.

Учитель дрожал от холода и страха. Он не мог видеть, что происходит у него за спиной, но сообразил, когда вздрогнул от прикосновения латексной перчатки. Осмотр длился не более нескольких секунд, и он зажмурился, чтобы не чувствовать унижения. Убедившись, что он ничего не спрятал в заднем проходе, ему велели снова сесть на скамью.

В абсолютной тишине прошли еще несколько тягостных минут. Его ни о чем не предупреждали, и Мартини пришлось дожидаться событий в полном неведении. Наконец зазвучали чьи-то шаги, и вошел врач в белом халате, с медицинской картой в руках.

– Вы страдаете каким-нибудь хроническим заболеванием? – спросил он, даже не поздоровавшись.

– Нет, – еле слышно ответил Мартини.

– Вы принимаете какие-нибудь лекарства?

– Нет.

– Вы больны или болели раньше венерическими заболеваниями?

– Нет.

– Вы употребляете наркотики?

– Нет.

Тюремный медик занес последний ответ в карточку и вышел, больше не сказав ни слова. Помощники надзирателя снова подняли Мартини под руки. Один из них вручил ему блекло-голубую арестантскую робу из грубого полотна и пару пластиковых тапок на два размера меньше.

– Одевайтесь, – приказал он.

На учителя снова надели наручники и повели по бесконечно длинному коридору. За их спинами открывались и снова захлопывались дверные окошки камер.

Стояла глубокая ночь, но тюрьма не спала.

Вдруг из одной из камер послышался ритмичный металлический стук, который быстро подхватили остальные. Этот стук сопровождал его проход под конвоем, как фанфара возвещает о появлении приговоренного к смерти. Сквозь запертые двери камер долетало свирепое шипение:

– Ублюдок!

– Считай дни, а уж мы до твоей шкуры доберемся!

– Добро пожаловать в ад!

Такой прием всегда оказывали тем, кто обвинялся в преступлениях над несовершеннолетними. Согласно тюремному кодексу чести, такое преступление делало их недостойными даже сидеть в тюрьме. Остальные заключенные не желали сидеть в одной камере с детоубийцами. Для них было предусмотрено дополнительное наказание: их ждал приговор внутри приговора. Их клеймили как падаль.

Мартини шел, опустив голову, арестантская роба была ему велика, штаны спадали, и руками в наручниках он с трудом их удерживал.

Они подошли к массивной железной двери. Один из помощников надзирателя открыл ее и втолкнул арестанта внутрь. В камере и одному было не повернуться, не то что троим. В ней размещались только железная койка, железная параша и умывальник на стене. Маленькое окошко под самым потолком пропускало лунный свет и струи ледяного воздуха.

Через порог переступил еще один человек, крепыш лет пятидесяти. Могучие мускулы распирали форменную рубаху.

– Я старшина Альвис, – представился он. – Управляющий блоком одиночных камер.

Мартини думал, что с ним сейчас проведут краткую беседу и объяснят, хотя бы в грубой форме, что здесь к чему. Но вместо этого ему в руки сунули шерстяное коричневое одеяло, силиконовую миску и силиконовую ложку, видимо в расчете на то, что заключенный никому не сможет причинить вреда, в том числе и себе самому.

– Все эти предметы, как и матрас на койке, являются собственностью тюрьмы. Утеря или порча имущества вменяется арестованному в вину, – отбарабанил он на память и прибавил: – А теперь распишитесь здесь.

Он протянул Мартини карточку, и тот поставил свою подпись в конце короткого списка, спрашивая себя, какую ценность имеют предметы, если требуется такая формальность. И вдруг понял, что для бюрократии одержимость формальностями важнее, чем само тюремное заключение. В жизни за тюремными засовами все, вплоть до самых мелких подробностей, регламентируется формулярами и предписаниями. Все решения уже кем-то приняты. Во избежание любого сговора каждый шаг заключенного должен соответствовать установленному стандарту. Все обесчеловечено. Для жалости, сопереживания, да и вообще для любого живого чувства, не оставлено ни малейшей щелочки.

Здесь все наедине с собой и со своей виной.

Когда старшина Альвис и помощники надзирателя вышли из камеры, Мартини так и остался стоять с коричневым одеялом, миской и ложкой в руках. Тяжелая металлическая дверь захлопнулась, в замочной скважине повернулся ключ.

«Падаль», – повторил про себя учитель. В камере наступила полная тишина.

Прежде чем сделать заявление, он выждал двадцать четыре часа. Фогелю хотелось, чтобы поутих шум от вчерашнего ареста и сцена для выхода на вызовы досталась только ему.

Полицейскому удалось добиться обвинения в убийстве, хотя тело так и не было обнаружено.

Теперь спецагент наслаждался вниманием СМИ перед целым лесом микрофонов и телекамер, расставленных в школьном спортзале, который все еще служил оперативным штабом. Для появления перед журналистами он выбрал новый костюм: темный бархатный пиджак, серые брюки и строгий галстук. На манжетах белоснежной сорочки посверкивали запонки из белого золота в виде звездочек. Он не снял с запястья браслет Анны Лу из разноцветных бусинок и собирался выставить его напоказ в качестве трофея.

– В итоге точная и молчаливая работа полиции принесла те плоды, которых мы все ожидали. Как видите, упорство и терпение всегда вознаграждаются. Давление со стороны СМИ и общественного мнения на нас не повлияло. Мы трудились без шума, не включая прожекторов, стараясь максимально сфокусироваться на задаче, которую поставили перед собой с самого начала: добраться до истины в деле исчезновения Анны Лу Кастнер.

Просто парадоксально, как ему удается перевернуть все факты, не испытывая при этом ни малейшего смущения, думал агент Борги, стоя в сторонке. И если истина, о которой говорил Фогель, не давала ответа, что же все-таки случилось с рыжеволосой девочкой с веснушками, он блестяще сумел всех убедить в том, что говорил. Потому что в глубине души сам был в этом убежден.

– На этом наша работа в Авешоте завершена, и мы оставляем поле деятельности для правосудия в надежде, что прокурор Майер сумеет воспользоваться ценными и не подлежащими сомнению результатами расследования.

Майер, стоявшая с ним рядом, отвела глаза от нацеленных на нее объективов. Для Борги это было красноречивое движение. Она не была

способна, как Фогель, врать самой себе.

– Как Кастнеры восприняли известие об аресте? – спросил один из хроникеров.

– Мне известно, что вчера они услышали эту новость по телевидению, – ответил спецагент. – Я бы предпочел не надоедать им: их боль в эти часы вполне понятна. Но я при первой же возможности постараюсь растолковать им, что произошло и что теперь будет.

– Вы перестанете искать Анну Лу?

Это спросила Стелла Хонер.

Фогель этого вопроса ожидал и не стал отвечать только ей, а обратился ко всем присутствующим.

– Конечно, не перестанем, – успокоил он аудиторию. – Нам не будет покоя, пока мы не найдем недостающего кусочка этого пазла. Судьба бедной девочки всегда была для нас приоритетом.

Борги отметил, что этим «бедная девочка» он официально признал конец всем надеждам ее найти. Тут налицо были некоторые диалектические ухищрения, которые позволяли выкрутиться в случае неудачи. Впрочем, вместе с гаснущим светом софитов начали быстро таять субсидии на расследование. Значит, никаких научных бригад, никаких кинологов и никаких водолазов больше не будет. И вертолеты перестанут сновать между горами, а волонтеры потихоньку разойдутся по домам. Но первыми Авешот покинут журналисты. Через пару дней весь этот цирк свернет свои шатры. А на его месте останется голая проплешина, засыпанная бумажным мусором. Съемочные группы разъедутся, и долина вместе с обитателями снова погрузится в неотвратимую летаргию. Возобновится прежняя жизнь, снова выплывут противоречия между теми, кто разбогател на внезапно найденном месторождении флюорита, и теми, кто, наоборот, обеднел. Гостиницы и рестораны, которые вновь пооткрывались, сразу растеряют клиентуру, хоррор-туризм изберет для воскресных семейных вылазок другие места, другие кровавые преступления. Может быть, придорожный ресторанчик и продержится еще с год, но потом хозяин смирится и поймет, что лучше закрыть заведение.

Для Авешота закончился короткий сезон нежданной и временами надоедливой популярности. Но эту зиму никто никогда не забудет.

Фогелю надо было как можно скорее оказаться в окружном центре, где ему предстояло участвовать в знаменитом вечернем ток-шоу. Он уже собирался распрощаться с публикой, когда Стелла Хонер снова подняла руку.

– Спецагент Фогель, последний вопрос, – сказала журналистка, не

дожидаясь, пока он даст ей слово. – После такого значительного успеха можем ли мы утверждать, что дело Дерга было всего лишь неудачной страницей в вашей карьере?

Фогель ненавидел эту ее способность нанести жестокий удар по самому больному месту. Он позволил себе приличествующую случаю улыбку:

– Видите ли, госпожа Хонер, я знаю, что для вас и ваших коллег журналистов отличить успех от неудачи – задача простая. Но для нас, полицейских, существует множество разных нюансов. *Мучитель*, как ваши СМИ изволили его окрестить, больше ни на кого не нападал. Может, еще нападет, а может – нет. Но мне нравится думать, что мы его повергли в такой страх, что он много раз подумает, прежде чем заложить еще одно взрывное устройство.

Он поставил точку, теперь можно было уходить. И Фогель быстро удалился, прежде чем кто-нибудь из присутствующих успел задать еще один неудобный вопрос.

Пока вспышки фотоаппаратов провожали главного героя этой драмы, агент Борги, стоявший у стены в другом конце зала, устремился за ним. Одна часть его самого была довольна, что все это наконец кончилось, но была еще и другая, маленькая и настырная, которая не могла смириться с таким эпилогом. Когда-то он мнил себя участником какого-то эпического действа, этакой битвы добра и зла. Однако после ареста учителя он не испытал никакого удовлетворения. По сути, дело было раскрыто совершенно случайно. Хорошо было то, что теперь он сможет вернуться к Каролине и они вместе станут дожидаться появления на свет своей девочки. Но ему будет не хватать работы. Ему будет не хватать Авешота.

Борги догнал Фогеля у выхода из спортзала.

– Хотите, я отвезу вас в гостиницу? – спросил он.

Фогель посмотрел на небо:

– Нет, спасибо. Погода хорошая, я, пожалуй, пройдусь пешком.

Он вытащил из кармана пальто свою неизменную черную записную книжку.

Пока шло расследование, Борги десятки раз видел, как он достает ее из кармана. Интересно было бы узнать, что там так старательно строчит спецагент. Несомненно, в этих записях есть чему поучиться.

– Что ж, агент Борги, пора прощаться.

Фогель отечески положил ему руку на плечо, что никак не вязалось с его обычным поведением.

– В следующий раз, если таковой будет, я снова приглашу вас в свою

бригаду.

«И в самом деле, – подумал спецагент, – на этот раз все обошлось, и не возникло необходимости перекладывать ответственность на подчиненного. А Борги может быть полезен: мальчишка пока еще зеленый и будет верить всему, что ему ни скажешь».

– Работать с вами – для меня высокая честь, я многому научился, – убежденно произнес молодой полицейский.

Фогель в этом сомневался. Его метод ведения расследования сочетал в себе тонкие тактические приемы и навык быстро приспосабливаться к обстоятельствам. Такому быстро не научишься, да он и не был расположен с кем-нибудь делиться секретами мастерства.

– Ну ладно, всего наилучшего, – сказал он с улыбкой.

Он уже собрался уйти, но Борги снова его окликнул:

– Прошу прощения, синьор, но меня мучает один вопрос…

– Что за вопрос, поделитесь…

– Вы не спрашивали себя, зачем Лорис Мартини похитил и убил Анну Лу и зачем он спрятал тело? Ну, в общем… Каков был мотив?

Фогель сделал вид, что воспринял вопрос всерьез:

– Людям свойственно ненавидеть, синьор Борги. Ненависть – субстанция неосязаемая, ее не предъявишь и не выложишь перед судом как доказательство. Но к сожалению, она существует.

– Простите, но я не понимаю. За что было Мартини ненавидеть Анну Лу?

– Не именно ее, а весь мир. Ведь учитель жил очень скромно, и в его жизни было мало удовольствий. Жена изменяла ему с другим, и для него велик был риск вообще потерять семью и остаться в одиночестве, что и произошло. Накопившаяся ярость должна была в конце концов пыплеснуться. Я думаю, Мартини жаждал мстить всем подряд… И Анна Лу, с ее простодушием и наивностью юности, как нельзя лучше подходила, чтобы покарать всех.

Борги такой ответ не убедил.

– Странно, в академии нас учили, что ненависть – отнюдь не главный мотив убийства.

Фогель снова улыбнулся:

– Я дам вам совет, который вы никогда не услышите от полицейского… Учитесь расценивать каждое дело только со своих собственных позиций и забудьте все, чему вас учили другие. Иначе вы никогда не разовьете в себе охотничьего инстинкта.

Спецагент повернулся и пошел прочь, а Борги разглядывал

удаляющееся кашемировое пальто и думал: охотничий инстинкт… как же он отличается от инстинкта убивать.

«Ненависть – еще не главный мотив для преступления», – повторил себе Фогель, входя в свой гостиничный номер. Что он понимает, этот сопливый криминалист? Да как он посмел поставить под сомнение его слова? Но он не позволил гневу омрачить чувство удовлетворения, которое сопутствовало ему весь день. У Борги, несомненно, нет будущего.

На кровати уже была разложена одежда, все эти дни висевшая в шкафу, каждый костюм в отдельном чехле. Туфли и ботинки тоже покоились в специальных хлопчатых мешочках. Затем шли галстуки, сорочки и белье. Все вместе целиком занимало поверхность матраса и составляло великолепно выверенную цветовую мозаику. Немного погодя Фогель уложил все в чемодан. И вдруг на маленьком столике возле телевизора заметил то, чего раньше там не было.

Там лежал какой-то пакет.

Он с подозрением подошел поближе. Видимо, пакет положил кто-то из персонала. Но к нему не было приложено никакой записки. Это было странно. После секундного колебания он решил все-таки вскрыть пакет.

Там оказался старенький ноутбук, весь в царапинах и пятнах.

«Это еще что за шутки?» – подумал Фогель и поднял крышку. На клавиатуре лежал кусочек картона, на котором каллиграфическим почерком было выведено:

Он невиновен.

Вместо подписи стоял номер телефона. Тот самый, с которого были отправлены анонимные эсэмэски и который он удалил, решив, что это какой-нибудь журналист в поисках сенсаций.

«Мне надо с вами поговорить. Позвоните мне по этому номеру».

Фогель разозлился. Он не выносил никаких вторжений в свое личное пространство. Но в то же время должен был признать, что ему страсть как любопытно заглянуть в содержимое компьютера. Здравый смысл велел остановиться, но ведь, в сущности, такая проверка ничего не будет стоить.

Он протянул руку и нажал клавишу включения.

Ноутбук начал потихоньку оживать. Черный дисплей стал синим, и в центре появилась всего одна иконка: интернетный браузер. Фогель уже собрался его запустить, но соединение с Сетью оказалось автоматическим. Немного погодя появилась страничка с бледной и сильно устаревшей графикой. Спецагенту сразу пришло на ум, что пользователь живет в богом забытом месте и он давно не получал никаких консультаций, однако его

продолжает носить, как мусор, по волнам Всемирной паутины.

У страницы имелось имя.

Человек тумана.

Под названием размещены шесть девичьих лиц, очень похожих друг на друга. Рыжие волосы и веснушки. Но прежде всего бросалось в глаза, что все они похожи на Анну Лу Кастнер.

На том конце линии гудки раздавались довольно долго. Потом хриплый женский голос ответил:

– Вы как раз вовремя, синьор спецагент.

– Кто вы и что хотите этим сказать? – пошел в атаку Фогель.

Но собеседница держалась абсолютно спокойно.

– Я вижу, что мне удалось наконец привлечь ваше внимание.

За фразой последовал короткий приступ кашля.

– Мое имя Беатрис Леман, я журналистка. Вернее, была журналисткой.

– Я не стану делать заявлений по поводу того, что увидел, что бы это ни было. А потому не стройте себе иллюзий: при помощи этой истории вы популярности не добьетесь.

– Я не собираюсь давать никаких интервью, – ответила Леман. – У меня есть одна вещь, которую я хотела бы вам показать.

Фогель на секунду задумался. Гнев не утихал, но к нему примешивалось что-то, что заставляло выслушать эту странную женщину.

– Хорошо, давайте встретимся, – предложил он.

– Вам придется ко мне приехать.

Фогель не удержался и раздраженно хмыкнул:

– Это почему?

– Потом поймете.

Она положила трубку раньше, чем он успел что-то ответить.

21 января
Двадцать девять дней после исчезновения

Беатрис Леман была прикована к инвалидному креслу. Фогель потратил четыре дня на размышления, звонить ей или не звонить, и потихоньку наводил о ней справки. Как журналистка она занималась преимущественно местной хроникой, и не раз ее статьи приводили в замешательство политиков и власть имущих. Она была крепкой женщиной, но свое уже отжила. И больше никого не боялась.

Поначалу спецагент решил не обращать внимания на бредовые идеи старой журналистки, которая явно ищет славы, чтобы вынырнуть из забвения. Но потом подумал, что Леман может вступить в контакт с такой, как Стелла Хонер. И корреспондентка, конечно же, не преминет извлечь на свет божий дело Кастнер и преподнести публике новую аппетитную версию, отличную от той, что он установил в ходе расследования. Будет скверно, если кто-то поверит в этот бред, особенно если учесть, что он фальсифицировал главную улику, чтобы засадить Мартини в тюрьму. Фогель не желал, чтобы кто-то совал свой нос в это дело, и решился встретиться с этой женщиной.

Леман жила в шале неподалеку от Авешота. Она никогда не была замужем, и ее семью составляла целая армия кошек, обитавшая вместе с хозяйкой в некоем подобии кабинета. Фогель увидел перед собой ехидную, изверившуюся женщину с лицом, изрытым глубокими морщинами, и пучком нечесаных седых волос на затылке. На ней был обсыпанный сигаретным пеплом балахон, а в комнате во всех углах виднелись пепельницы с окурками. В доме стоял застарелый запах никотина и кошачьей мочи, но Леман, видимо, к нему привыкла и уже не чувствовала. Повсюду валялись какие-то бумажки, а на полу высились стопки старых газет.

– Входите, пожалуйста, спецагент Фогель, – сказала она, приглашая его в дом.

Посреди невероятного хаоса угадывалось что-то вроде тропинки, по которой Леман передвигалась по дому в кресле на колесах.

Фогель плотнее запахнул кашемировое пальто, чтобы, не дай бог, ни к чему не прикоснуться: мало того что тут было пыльно, но дом, скорее всего, кишел всяческими микробами.

– Честно говоря, не понимаю, зачем я сюда приехал.

Он счел нужным предпослать своему визиту эту фразу, так, на всякий случай.

Старая журналистка рассмеялась:

– Для меня важно, что сейчас вы здесь.

Она заехала за письменный стол и указала гостю на стул напротив.

Пересилив себя, Фогель все же уселся.

– Я вижу, вы не взяли с собой ноутбук, который я вам послала. Он у меня единственный, а потому я хотела бы получить его обратно.

– А я подумал, это подарок, – съязвил спецагент. – Я позабочусь о том, чтобы тотчас же его вам вернуть.

Леман закурила сигарету.

– Это действительно необходимо? – спросил Фогель.

– Я парализована от рождения по вине акушерки, а потому мне плевать, что там вредно для других, – резко бросила она.

– Хорошо, но давайте ближе к делу, не будем тратить время.

– Я основала небольшую местную газету и руководила ею сорок лет. Скажем так, я все писала и делала сама: от хроники дня до некрологов. А потом нашествие Интернета свело на нет все усилия, и я прикрыла лавочку за неимением читателей… Теперь ты запросто можешь в реальном времени видеть, что делается на другом конце света, но ни хрена не знаешь о том, что делается за углом твоего дома.

После этого короткого вступления Беатрис достала из шкафа толстую папку, вызвав при этом небольшую лавину из бумаг и газет, и, не открывая, положила ее на колени.

– За свою карьеру журналист занимается сотнями разных случаев, – продолжила она. – Но среди них обязательно попадется такой, что буквально прирастает к тебе: ты уже не сможешь забыть ни имен, ни лиц пострадавших и носишь этот случай в себе, как какого-то паразита, питающегося чувством вины… Может, и у вас, полицейских, такое бывает.

– Иногда, – согласился Фогель, чтобы она не останавливалась.

– Ну, так вот… Мой солитер начал рыть себе нору, когда пропала Катя Хильман.

Она подняла папку и со стуком бросила ее на стол:

– Она была первой.

Этот стук эхом отдался в грязной, запущенной комнате. Фогель молча рассматривал объемистое досье, лежавшее перед ним на столе. Он знал, что если вникнет в это дело, то ему будет трудно из него выйти. Но выбора не было. Он приподнял картонную обложку и принялся перелистывать

содержимое папки.

И сразу же натолкнулся на старую фотографию Кати Хильман. Он уже видел ее в Интернете, но теперь смог вглядеться лучше. На девочке была школьная форма с синим передником. Она улыбалась в объектив. У нее были доверчивые зеленые глаза. За этой фотографией шли другие, и на всех доверчиво улыбались рыжеволосые девочки с веснушками. Фогель их внимательно рассмотрел одну за другой. Они казались сестрами. И у всех были открытые, простодушные лица. Это предопределение, сказал он себе. На них пало проклятие невинности.

Пока спецагент изучал документы, Беатрис разглядывала его, молча куря сигарету. Она держала ее только кончиками пальцев, глубоко затягивалась и не стряхивала пепел, давая ему скопиться длинной трубочкой.

Фогель заметил, что в наборе личных карточек предполагаемых жертв было много газетных статей самой Леман и очень мало полицейских отчетов.

– У всех девочек были неблагоприятные ситуации дома, – сказала Беатрис, нарушив молчание. – Жестокие отцы, матери, которые им беспрекословно покорялись. Может быть, именно поэтому сыщики Авешота и окрестных городков не особенно усердствовали в расследованиях: почти естественно, что девочки сбегали из такого ада.

– И вы собрали все эти случаи вместе, предположив, что за ними стоит импульсивное поведение, то есть деяние, совершенное под влиянием неодолимого влечения.

– Все девочки одного возраста, пятнадцати-шестнадцати лет, у всех рыжие волосы и веснушки – налицо элементы мании, это очевидно. Но мне никто не поверил.

– Последнее исчезновение произошло тридцать лет назад, – напомнил ей Фогель, взглянув на дату в отчете.

– Именно так, – сказала Беатрис. – Но в это время *ваш* учитель Мартини еще не поселился в Авешоте, а самое главное – он был тогда ребенком.

Да, подумал Фогель, Стелле Хонер эта история пришлась бы по вкусу. Хотя в ней и было некоторое совпадение с делом Кастнер, уйти отсюда, просто пожав плечами, он не мог. Надо было с корнем вырвать из головы Леман мысль, что между ними может возникнуть какое-то согласие. Но для этого нужно выведать у нее как можно больше.

– Почему же после исчезновения Анны Лу никто, кроме вас, не вспомнил эту историю?

– Люди быстро все забывают, разве вы не знали? Несколько лет тому назад я создала сайт в Интернете, тот самый, что показала вам, чтобы разбудить память, но эти бедные девчонки больше никого не интересовали.

– А почему *Человек тумана*?

Голос Беатрис Леман, и без того низкий, обрел какой-то особый, царапающий тембр.

– В тумане люди исчезают: мы знаем, что они там, а увидеть их не можем… Эти девчонки все еще среди нас, спецагент Фогель, даже если с ними случилась беда, даже если они мертвы. По какой-то непонятной причине *Человек тумана* их всех похитил. А в этом я не сомневаюсь: почерк один и тот же. Я уверена, что это не учитель. Значит, тот, другой, все еще рыщет вокруг в поисках новой жертвы.

– Бессмыслица, – возразил Фогель. – Почему тогда он целых тридцать лет себя никак не проявлял?

– Может быть, он куда-то уезжал, а теперь вернулся. Может быть, действовал в других местах, но мы этого не знаем. Достаточно поискать сведения о девочках со сходными приметами.

Фогель покачал головой:

– Сожалею, но я так не думаю: дело Кастнер наделало столько шума, что кто-нибудь наверняка обратил бы внимание полиции или СМИ на подобные случаи.

Леман собиралась что-то сказать, но закашлялась.

– Эта папка – не единственное, что я хотела вам показать, – смогла она наконец выговорить.

Открыв ящик стола, она достала оттуда бандероль и протянула ее Фогелю:

– Я получила это довольно давно, но если вы посмотрите на дату на марке, то заметите, что бандероль отправили в день исчезновения Анны Лу.

Спецагент отложил в сторону папку и схватил пакет.

– Как видите, бандероль адресована вам, но отправили ее на мой адрес. Но поскольку вы не отвечали на мои сообщения, несколько дней назад я ее вскрыла.

Фогель поднял пакет, чтобы рассмотреть содержимое сквозь щель надорванной упаковки. Потом сунул туда руку и вытащил розовую книжечку с котятами на обложке.

«*Настоящий* дневник Анны Лу», – тотчас подумал он.

Тот самый, который она скрывала от матери и который так и не нашли. Возможно, она носила его в рюкзачке, оказавшемся в сточном канале. Фогель внимательно оглядел маленький замочек в форме сердечка,

запиравший книжку.

Спецагент пытался оценить ситуацию. Если некто отправил дневник на адрес Леман, то он сделал это явно с целью снова разжечь интерес к делу *Человека тумана*. Кто был этот монстр? И какова роль Мартини во всей этой истории? У него зародилось подозрение, что насчет учителя он все-таки ошибся. А ведь он почувствовал, что тут есть сходство с делом Дерга. Тогда он тоже был убежден, что *Мучитель* – вот он, рядом, и это толкнуло его на то, чтобы фальсифицировать доказательства. Только тогда он не допустил ни одной ошибки. Дерг действительно покушался на людей в супермаркетах, потому покушения и прекратились.

– Что вы хотите взамен? – спросил он, вертя в руках дневник.

– Правду, – не задумываясь, ответила Леман.

– Вы хотите сделать из этого сенсацию? Или что?

– Вы уж очень по-дьявольски рассуждаете, мой друг. Я женщина простая.

«Самый глупый из всех дьявольских грехов – тщеславие», – сказал себе Фогель, вспомнив слова Мартини и размышляя над создавшейся ситуацией. Возможно, он впал в грех тщеславия и теперь будет за это наказан.

– Если бы я хотела того, на что вы изволили сейчас намекнуть, я бы давно обратилась в СМИ и получила бы кучу денег за этот дневник.

«А ведь она права, а я оказался в дураках, не подумав об этом. Но если журналистка не добивается ни известности, ни денег, то чего же ей на самом деле надо?»

– Я вам обещаю, что, если за этим кроется хоть что-то, что позволит возобновить расследование и связать его с исчезновением других шести девочек, я не буду медлить ни минуты.

Это прозвучало как торжественная клятва.

– Дневник – это последняя возможность поймать *Человека тумана*, – сказала Леман. – Я уверена, что вы ею не пренебрежете.

Похоже, она попалась.

Зал свиданий заключенных с родственниками был оборудован железными столами с прикрученными к полу ножками. Такими же были и стоявшие вокруг стулья. Низкий потолок отражал каждый звук, и в зале стоял такой шум, что разговаривать было невозможно. Но сейчас, кроме двух охранников, в зале находились только учитель Мартини и адвокат Леви.

Хотя с момента ареста прошло всего несколько дней, учитель выглядел

как человек, которому здорово досталось.

– Я здесь личность популярная. Меня держат в одиночке, но по ночам я слушаю одно и то же: мне угрожают заключенные из других камер. Они не в состоянии до меня добраться, но пытаются не давать мне спать.

– Я поговорю с директором, и вас переведут в другую камену.

– Лучше не надо, не хочется наживать себе новых врагов. Быть *звездой* вообще нелегко, – горько усмехнулся он. – Более того, один из охранников дал понять, что мне лучше не прикасаться к тюремной еде. Я думаю, что охранники меня тоже презирают, и он это сказал просто так, чтобы напугать. Наверное, ему это удалось, потому что я теперь довольствуюсь крекером и булочками.

Леви попытался подбодрить своего подопечного, но было видно, что он не на шутку обеспокоен.

– Так не может дальше продолжаться, вам надо есть, иначе не будет сил выдержать все тяготы судебного процесса.

– Как думаете, когда он начнется?

– Говорят, через месяц или чуть позже. Обвинение располагает вескими доказательствами, но мы готовимся отразить их все одно за другим.

– Как же я обойдусь без денег?

Мартини явно утратил уверенность в себе.

Леви заговорил вполголоса, чтобы не услышали охранники:

– Именно поэтому я и организовал вам встречу с Хонер. Было бы просто глупо не принять ее предложение.

– То есть вы отказываетесь от защиты, адвокат?

– Не говорите глупостей. Я полагаю, что у нас тоже есть шанс. Единственное, на чем держится обвинение, – это проба ДНК. Если мы выведем ее из игры, обвинение рухнет. Я уже нашел специалиста-генетика, который повторит все тесты на совместимость с тем пятном крови, что обнаружили на рюкзачке.

Мартини, похоже, не особенно в это поверил.

– Мне сказали, что вы дали интервью на телевидении обо мне и моем деле.

Это прозвучало как обвинение, но Леви не обиделся.

– Необходимо, чтобы люди услышали и вашу версию тоже. Вы сами не можете присутствовать, значит это должен сделать я.

Мартини было нечего возразить, – в конце концов, адвокат известностью возмещал себе убытки. Так пусть уж воспользуется этой историей.

– Что слышно о моей семье? Как там жена, дочка?

– Они в порядке, но, пока вы в заключении, им нельзя с вами встречаться.

«Они и так не приехали бы», – подумал учитель.

– Вот увидите, на процессе мы отметем все обвинения и истина выйдет наружу.

Выйдя из дома Беатрис Леман, Фогель до вечера кружил по городу на машине, выбирая только малолюдные улицы, выводившие в горы. Ему надо было подумать и собраться с мыслями. Он планировал уехать из Авешота еще накануне, а теперь снова не может двинуться с места и вынужден заниматься тем, чем никогда не занимался и не был уверен, что умеет.

Расследовать.

«Человек тумана» расстроил все его планы. А теперь небось подглядывает за ним из своего надежного белого укрытия. И смеется над ним.

Предполагаемый дневник Анны Лу лежал рядом на сиденье. Фогель его так и не открыл, не будучи уверен, стоит ли вообще это делать. Сначала надо было взвесить все «*за*» и «*против*». Может, наилучший выход – выбросить его, а то и сжечь для надежности и обо всем позабыть. Может, *Человек тумана* вовсе и не собирался появляться, а просто хотел попугать? Не исключено. Но будет ли этого достаточно? «Может, он и такое решение тоже предвидел», – сказал себе спецагент. И поэтому не уничтожил доказательство, которое может оправдать Мартини. У него в голове даже блеснула идея использовать дневник как аргумент для освобождения учителя из-под стражи. Но тогда кто-нибудь наверняка спросит, а не подделал ли он и тут доказательства, как в деле Дерга. Такое подозрение положит конец его карьере. Мысль о том, что в тюрьме может сидеть невиновный, ему даже не пришла в голову. Его это больше не касалось. А вот того, что *Человек тумана* по прошествии тридцати лет снова решит взяться за старое, он боялся. В этом случае развернутся события, которые опровергнут результаты расследования Фогеля, потому что после Анны Лу монстр, несомненно, примется за какую-нибудь другую девочку. За рыженькую, с веснушками. За чью-нибудь дочку. Но это все тоже не имело значения для спецагента. Ему надо было, прежде всего, подумать о себе. Это не был цинизм, это был инстинкт выживания.

Солнце тем временем начало свой неизбежный путь к сумраку.

После почти трехчасового кружения по городу показания датчика топлива вынудили Фогеля сделать остановку. Он припарковал машину на

площади возле очистных резервуаров шахты, вышел и потянул носом пыльный воздух. Прямо перед ним виднелись несколько горок флюорита. В темноте минерал светился зеленоватым светом, похожим на северное сияние. Вокруг не было ни души. Фогель подошел к мерцающим камням и посреди этой заколдованной сцены расстегнул ширинку и принялся мочиться. Облегчаясь, он вдруг почувствовал, как кто-то легонько тронул его за плечо. Конечно, ему показалось, но все-таки кто-то как будто хотел привлечь его внимание.

Это дневник звал его с сиденья и, казалось, говорил: ты не можешь меня вот так проигнорировать.

Закончив мочиться, спецагент вернулся в машину, уселся и взял в руки дневник. Он оглядел его со всех сторон, как ценную реликвию. Потом вдруг, словно повинуясь неожиданному импульсу, с такой силой дернул замочек, что тот отлетел в сторону. От возбуждения его бросало то в жар, то в холод.

Он наугад открыл какую-то страницу и сразу узнал почерк Анны Лу.

– Черт! – сквозь зубы пробормотал он, но все же начал читать.

Фогель надеялся найти хоть что-нибудь, что указывало бы на Лориса Мартини, что доказывало бы, что это он убил пропавшую девочку, а не какой-то там *Человек тумана*. Но было ясно, что учитель не мог послать дневник Беатрис Леман. Однако бандероль отправили в день пропажи, а значит, кто бы ни послал дневник, он не стремился оправдать Мартини, который в то время еще даже не попал под подозрение. Нет, эта посылка имела какое-то другое значение.

Это был автограф, подпись.

Вот почему Фогель не нашел ничего, что связывало бы Анну Лу с человеком, который сидел сейчас в тюрьме. Тайна, которую девочка так ревниво сохраняла в дневнике, связана не с ним.

«Одиннадцатое августа. На море я встретилась с очень милым парнем. Мы разговаривали всего пару раз, и мне показалось, что ему хотелось меня поцеловать. Но так не случилось. Кто знает, увидимся ли мы на будущий год… Его зовут Оливер, это красивое имя. Я решила, что каждый день буду шариковой ручкой рисовать его инициал у себя на левой руке, на той, что ближе к сердцу. Всю зиму буду рисовать, пока не увижу его на будущий год. Это будет моя тайна, залог того, что мы снова увидимся».

Фогель быстро перевернул еще несколько страниц. Там были еще записи, посвященные загадочному Оливеру, предмету невинных фантазий и желаний, которые никогда не сбудутся.

«Оливер», – сказал про себя спецагент, думая об инициале на руке трупа Анны Лу. Маленькое «о», нарисованное шариковой ручкой, которое погибло вместе с ней и которое никто никогда не найдет.

Ее тайна умерла вместе с ней.

Однако в дневнике нашлось еще кое-что. Фогель не заметил, как из страниц выскользнул какой-то листочек. Он нашел его позже, на коврике под сиденьем. Он развернул листок и сразу понял, что в дневник его вложила не пропавшая девочка.

Это была новая подсказка для погони за преступником: карта.

22 января
Тридцать дней после исчезновения

Он провел бессонную ночь.

Карта лежала на тумбочке у кровати, и Фогель, натянув до самого подбородка пуховое одеяло, всю ночь, не двигаясь, глядел в потолок. Вопросы и сомнения теснились в голове, мешая рассуждать здраво. Началась новая партия, и не играть он уже не мог. «Человек тумана» ему этого не позволит. Делать было нечего.

Только идти вперед.

Даже если спецагент чувствовал, что финал этой партии, которую навязал ему *Человек тумана*, окажется для него скверным. Впервые за всю карьеру он боялся правды.

Около пяти утра Фогель решил, что хватит прохлаждаться в гостиничном номере. Настал момент действовать. Спастись можно, только опередив события. Он вылез из кокона одеяла и встал с кровати. Прежде чем одеться, он проверил табельный пистолет, который годами носил с собой исключительно для виду. На самом деле он из него ни разу не стрелял, разве что на полигоне, и сомневался, что в кого-нибудь попадет. Он даже не знал, как почистить и приготовить оружие, и всегда поручал это кому-нибудь из подчиненных. В руке «Беретта» показалась ему слишком тяжелой, но это его собственная тревога искажала плотность предметов. Он убедился, что магазин полон, а затворная ручка ходит свободно. Руки у него дрожали. «Спокойно», – сказал он себе. Оделся он без привычной элегантности, выбрав темную фуфайку, полуспортивные брюки и самые удобные ботинки из своей коллекции. Сверху надел пальто и вышел.

Почти все журналисты уже уехали из Авешота. Остались только команды, освещавшие самые последние события. Да и там поменялись все корреспонденты. Крупную телеаппаратуру увезли. Но Фогель не мог отделаться от страха, что какой-нибудь ушлый журналист, приехавший за сенсацией, все-таки заметит, что он куда-то поехал. А потому выезжал он с кучей предосторожностей, все время поглядывая в зеркало заднего вида, нет ли за ним слежки. Одна рука лежала на руле, в другой он держал карту, чтобы определять направление.

В центре карты красным крестиком была обозначена какая-то точка. Были и другие ориентиры, так что накануне вечером ему пришлось купить

компас в одном из магазинов, торговавших альпинистским снаряжением. Он старался не думать о том, что найдет в обозначенной точке. Точка находилась на северо-западе, в не особенно опасном месте, которое к тому же много раз прочесали поисковые отряды. Но почему же они ничего не заметили? «Плохо работали», – сказал себе Фогель. На самом деле вряд ли кто в действительности старался отыскать Анну Лу Кастнер. И он сам был виноват. Вместо того чтобы самому следить за поисковыми работами, он поручил это молодому и неопытному Борги, чтобы развязать себе руки для работы со СМИ.

Ручейки розового утреннего света перевалили через вершины гор и начали стекать в долину, как кровавые речки. Дальше начинался лес. Пришлось вылезти из машины и идти пешком, светя себе фонариком. Склон был покатым, и ноги скользили на толстом слое прошлогодних листьев. Чтобы удержаться на ногах, Фогель то и дело хватался за ветки. Продираясь сквозь частый кустарник, он поранился о колючку ежевики и даже не заметил царапины. Ему приходилось то и дело останавливаться и сверяться с картой и компасом. И надо было успеть до восхода солнца: его гнал страх, что кто-нибудь увидит его здесь.

Впереди виднелась небольшая лужайка. Судя по карте, именно она была обозначена красным крестиком. Если бы на кону не стояли его карьера и жизнь, он решил бы, что это чья-то скверная шутка. В сущности, так оно и было: *Человек тумана* шутил с ним свои шуточки. «Ладно, говнюк, посмотрим, что ты мне приготовил».

Он осветил лужайку лучом фонарика, но не увидел ничего особенного. Но, посветив чуть выше, заметил, что на ветке что-то висит. Коробка из-под пирожных. «*Дело Дерга*», – промелькнуло у него в голове. По всей видимости, *Человек тумана* хорошо знал его уязвимые места. Фогелю даже хватило сил с иронией воспринять намек на *Мучителя* и на фальсифицированные доказательства.

К тому же теперь он знал, где надо копать.

Он опустился на колени у подножия дерева, надел пару латексных перчаток и сгреб в сторону слой прошлогодних листьев. Потом принялся раскапывать землю, уже не обращая внимания на то, что может запачкаться. Копать глубоко он не собирался: на глубине мог оказаться труп Анны Лу, а он не желал его видеть. Ему надо было только удостовериться. Однако, углубившись всего на несколько сантиметров, он что-то нащупал. Из земли торчал уголок непрозрачного пластикового пакета. Фогель секунду колебался, потом схватил его и с силой выдернул.

Это оказался сверток, тщательно заклеенный изолентой, так чтобы

содержимое осталось в безопасности.

Спецагент повертел сверток в руках, пытаясь понять, что же там такое. Потом поднес к уху и потряс. Внутри раздался знакомый звук: так звучат детские погремушки. Чем бы ни оказался подарок «человека тумана», это явно не был фрагмент человеческого тела. «Ну уж нет, пора заканчивать», – сказал он себе в ярости, которая теперь пересилила страх. Он решил сразу же вскрыть пакет и принялся разворачивать пластик, запечатанный на совесть. Когда же он понял, что это такое, худшие из его опасений тут же материализовались в вязком комке, застрявшем в горле. Теперь ему было не до иронии.

Подарком, который «человек тумана» пожелал преподнести Фогелю, оказалась видеокассета.

Изоляция обостряет все чувства. Он сделал это открытие в дни вынужденного одиночества. У него отняли возможность читать газеты и смотреть телевизор, отобрали даже наручные часы. Время дня он определял по запаху, доносившемуся из кухни, и мог догадаться, что приближается время завтрака, обеда или ужина. Камера была как прожорливый эмбрион: все, что в нее попадало, она уже не выпускала. Вот и его не выпустила. Теперь он распознавал все тюремные шумы. Бряканье ключей на большой связке у охранника при коридорной двери означало, что ночная смена кончилась и он сдает дежурство дневной смене. Это происходило примерно в шесть утра.

Видеть то, что происходит снаружи, он не мог, мешала тяжелая металлическая дверь. Зато по свету, льющемуся сквозь щель над порогом, можно было понять очень многое. Увидев возникшие у порога тени, он догадался, что в камеру кто-то собирается войти. Он насторожился и выждал, пока ключ не повернется в замочной скважине столько раз, сколько нужно. Дверь открылась, и на пороге появились две человеческие фигуры.

Этих охранников он раньше не видел.

– Соберите свои вещи, – сказал один из них.

– Зачем? Куда мы идем?

Ему никто не ответил. Мартини сделал, как приказали: свернул коричневое шерстяное одеяло, забрал миску и ложку, которые были в собственности тюрьмы, кусок мыла и флакончики с шампунем и гелем для душа, которые купил у торговца и которые на данный момент составляли всю его собственность. Потом пошел за охранниками.

Учитель думал, что его просто хотят перевести в другую камеру, но

они прошли сквозь весь коридор одиночных камер, до самой решетки. И вот что странно: по дороге им не попалось ни одного охранника. Миновав еще пару коридоров, они вошли в лифт и спустились на два этажа. Странность номер два: им снова не попалось ни души. Не может быть, чтобы все охранники разом покинули свои посты. Мало того, за дверями камер стояла мертвая тишина. Обычно в этот час заключенные уже на ногах и громко требуют завтракать. Мартини вспомнил прошедшую ночь. Никто почему-то не мешал ему спать воплями и угрозами. Это была странность номер три.

Они подошли к помещению охраны, и тогда, прочитав на табличке «Блок F», учитель понял, что его привели в секцию общих камер, и встревожился.

– Минуточку, – сказал он. – Я спецзаключенный и должен содержаться в одиночной камере. Это приказ судьи.

Его никто не слушал.

Мартини внезапно охватил ужас.

– Вы меня поняли? Вы не можете поместить меня вместе с остальными.

Голос у него дрожал.

Но охранников его протесты не интересовали. Его крепко схватили за руки и подтащили к двери в одну из камер. Один из охранников открыл ее, а другой повернулся к учителю:

– Побудете немного здесь, а потом мы за вами придем.

Мартини сделал шаг, но заколебался. В камере было темно, и он не мог видеть, что или кто там внутри.

– Вперед, входите, – настаивал охранник. Тон у него был обнадеживающий.

В мозгу у Мартини пронеслась вереница мыслей. Он не сомневался, что эти люди его ненавидят, так же как и все в этой тюрьме. Но почему они должны причинить ему зло? В отличие от заключенных, они обязаны соблюдать закон. Он решился им довериться и шагнул в камеру. Дверь за ним захлопнулась, и он остался стоять у порога, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к темноте. Вокруг себя он улавливал какие-то смутные шорохи, поскребывания, приглушенные звуки.

Изоляция обостряет все чувства. И он понял, что не один в камере.

Когда первый удар кулака обрушился на его лицо, Мартини сразу потерял равновесие. Вещи, которые он держал в руках, полетели на землю вместе с ним. Потом на него отовсюду посыпались удары. Били кулаками, били ногами. Он пытался прикрываться руками, но не мог увернуться от

ударов. Он почувствовал вкус крови и острую боль от пореза на лице. Ребра трещали, у него перехватывало дыхание. Но вскоре он вообще перестал что-либо чувствовать. Он превратился в кусок плоти, валяющийся на полу и безуспешно пытающийся отбиваться.

В падаль.

Боли не было, только усталость. Мозг сдался раньше тела и впал в какое-то оцепенение. Только руки еще продолжали упорно сопротивляться. Глаза заволокло туманом. И когда все вокруг стало исчезать, в глаза ему ударил яркий свет. Он шел откуда-то из-за спины. Потом его схватили и поволокли через порог. Он был спасен, но его больше не было.

И тут он потерял сознание.

Он заперся в школьной кладовке, где хранились видеорегистраторы устаревшей системы наблюдения. В темноте светился только монитор, и в его свете лицо Фогеля выглядело как маска призрака.

Полицейский с некоторым усилием вставил в устройство кассету; зашуршал, наматываясь на бобину, ракорд, а потом пошел фильм. Сначала раздался треск, и на экране заплясали серые искры. Фогель уменьшил звук, чтобы его не было слышно за пределами кладовки. Прошло несколько секунд, и на экране появилось изображение.

Узкий луч света скользил по матовой поверхности. Потом появились какие-то грязные, выщербленные плитки, и кто-то несколько раз щелкнул по микрофону видеокамеры. Видимо, снимавший пытался установить ее более устойчиво. Объектив камеры скользнул вверх по стенке и остановился перед зеркалом. Подсветка над объективом дала ослепительный блик. В этой вспышке была видна только рука снимавшего в черной перчатке. Потом он сдвинулся в сторону, и стало видно его лицо. На нем был горнолыжный подшлемник[4]. Единственным, что жило в этой неподвижной маске, были глаза. Далекие, загадочные. Пустые.

Человек тумана, сказал себе Фогель. Он ждал, что незнакомец что-нибудь скажет или сделает, но тот стоял неподвижно. Слышалось только его спокойное, ровное дыхание, и эхо от него исчезало и растворялось в тесной ванной комнате, где он стоял. Что это было за место? И почему он хотел, чтобы Фогель его увидел? Спецагент приблизил лицо к экрану, чтобы лучше разглядеть, и заметил за спиной незнакомца висевшее на крючке полотенце с двумя спаренными зелеными треугольниками.

Фогель пытался понять смысл этого символа, но тут человек на экране поднял руку в перчатке и стал безмолвно считать, помогая себе пальцами:

– Три… два… один…

Объектив резко сместился в сторону. Лицо в подшлемнике исчезло в зеркале, и на его месте в глубине кадра появилось мутное светлое пятно. Объектив немного сфокусировался…

И тогда он ее увидел. И сразу отпрянул, откинувшись на стуле.

За ванной виднелась комната, видимо номер заброшенного отеля. В углу, на загаженном матрасе, сидела одинокая фигурка. В луче подсветки телекамеры вокруг нее стояло сияние. И в темноте было в этом сиянии что-то угрожающее. Она сидела в позе полной покорности: согнутая спина, безвольно свисающие руки. Кожа у нее была белоснежная. Кроме зеленых трусиков и белого лифчика, как у маленьких девочек, облегавшего почти весь торс, на ней ничего не было. Объектив приблизил девочку. Рыжие волосы падали ей на лицо нечесаными прядями, и сквозь них проглядывал только полуоткрытый рот со струйкой слюны, сбегавшей с уголка. Острые лопатки поднимались и медленно опускались вместе с дыханием. Дыхание сразу превращалось в облачко пара, но она не дрожала от холода. Словно вообще ничего не чувствовала.

Казалось, Анна Лу Кастнер была без сознания, а может быть, ей что-то вкололи. Фогель узнал ее только по кружку буквы «о» на запястье. Оливер, мальчик, так и не поцеловавший ее летом. Маленькая тайна, которую она доверила только дневнику.

Видеокамера безжалостно держала ее в кадре. Потом девочка приподняла голову, словно хотела что-то сказать. Спецагент ждал, и услышать ее голос ему было страшно. Но именно в тот момент, когда она начала кричать, видеозапись внезапно оборвалась.

Первым долгом он уничтожил видеокассету. Бросил ее в топку школьной котельной и не отошел, пока не убедился, что она полностью сгорела. Он не мог рисковать и позволить, чтобы кто-нибудь нашел кассету у него. Фогелем овладела паранойя.

Он собрался уничтожить и дневник, но вовремя одумался. Беатрис Леман могла подтвердить, что отдала дневник ему, а потому идея ликвидировать и это доказательство была не из лучших. По сути, дневник не содержал никакой информации, которая могла бы его скомпрометировать. Он решил его не трогать, но спрятал в одном из шкафчиков школьной раздевалки, все еще служившей ему кабинетом.

Затем Фогель принялся искать в Интернете ту заброшенную гостиницу, где была сделана съемка. Он был уверен, что это видео играло роль приглашения. Если в той комнате найдут тело Анны Лу Кастнер, он всегда сможет сделать так, чтобы вся ответственность за убийство пала на

учителя.

Полицейский был убежден, что именно этого добивался «человек тумана».

Иначе для чего ему было вести его к истине? Зачем было показывать видео с девочкой? Если он хотел просто настоять на том, что похищение – дело его рук, он послал бы материал в СМИ, а не Фогелю.

Спецагент определил целью поиска в Сети одну из старых гостиниц в окрестностях Авешота, из тех, что позакрывали после появления разработок флюорита, отпугнувших туристов. Некоторые из отелей еще значились в Сети. Примет у полицейского было мало, но имелась одна важная: два спаренных зеленых треугольника. Благодаря этому символу он и нашел наконец ту старую гостиницу.

Треугольники оказались двумя стилизованными елочками. Они и красовались на заржавевшем дорожном указателе.

Фогель подошел к воротам, за которыми начинался парк, расположенный вокруг здания. В само здание вели семь входов, и вокруг не было ни души: гостиница стояла в уединенном месте далеко от Авешота.

Фогель заметил, что ворота не закрыты, и, распахнув створки, въехал в парк на автомобиле. Потом вышел и закрыл створки. По короткой аллее он проехал с погашенными фарами и припарковал машину под портиком, с таким расчетом, чтобы ее не было видно.

Все окна четырехэтажной гостиницы были заколочены досками, но со входной двери доски были сняты. Спецагент вошел и зажег фонарик.

Вид ему открылся весьма плачевный. Хотя гостиницу закрыли лет пять тому назад, впечатление создавалось такое, что прошло полвека. Словно отсюда начался закат человеческого рода. От внутреннего убранства почти ничего не осталось. В темноте ржавели остовы старых диванов. Сырость покрыла стены зеленоватой патиной, из-под которой сочились ручейки вязкой желтой воды. Пол целиком покрылся строительным мусором и заплесневелыми деревяшками. Повсюду царил запах гнили. Фогель прошел мимо того, что раньше было стойкой рецепции со стеллажом для ключей, и оказался у подножия цементной лестницы, некогда затянутой бордовым паласом, клочки которого еще покрывали часть ступенек.

Он стал подниматься.

На втором этаже его ожидала табличка с номерами комнат: справа от номера 101 до 125, слева от 126 до 150. Учитывая, что в здании четыре этажа, найти нужную комнату будет нелегко. Задерживаться здесь дольше

чем нужно ему не хотелось. И тут ему на память пришла одна деталь видеофильма, на которую он раньше не обращал внимания. Прежде чем навести объектив на Анну Лу, «человек тумана» считал на пальцах в обратном порядке.

Три… два… один…

И это не был театральный прием, очередная шуточка маньяка. Это было указание на то, где он находился.

Триста двадцать первая комната располагалась на четвертом этаже в левой части коридора. Фогель остановился на пороге и направил внутрь луч фонарика. Пучок света обшарил комнату и остановился на грязном матрасе, на котором сидела Анна Лу.

Однако никакого тела в комнате не было. Не чувствовалось даже запаха.

И никаких признаков, что здесь были люди. Что же происходит, гадал спецагент. Заметив, что дверь в ванную комнату закрыта, он подошел и взялся за дверную ручку, словно это движение могло помочь ему почувствовать смерть и разрушение внутри ванной комнаты. Ведь именно отсюда монстр вел свою жуткую съемку.

«Он хочет, чтобы я открыл дверь», – сказал себе Фогель. Теперь в голове спецагента команды отдавал «человек тумана».

Фогель медленно нажимал на ручку, пока она не опустилась до предела. И тогда резко распахнул дверь.

В лицо ему ударил яркий свет.

Это было как взрыв, только без огня и жара. Световой волной его отбросило назад.

– Держи его! Поймал? – раздался женский голос.

И кто-то ответил:

– Поймал!

Фогель попятился еще на шаг и закрылся рукой от слепящего света. Из-под руки он разглядел человека с телекамерой, а за ним еще одну фигуру, которая протянула руку и что-то поднесла ему к подбородку.

Микрофон.

– Спецагент Фогель, как вы объясните свое присутствие здесь? – спросила Стелла Хонер, не дав ему ни секунды передышки.

Полицейский в растерянности продолжал пятиться назад.

А журналистка наступала:

– Наш канал получил видеокассету с Анной Лу и ее похитителем. Вы знали, что девочку держали в этой гостинице?

Фогель чуть не упал на загаженный матрас, но удержал равновесие.

– Оставьте меня в покое!

– Откуда вы это узнали и почему скрывали информацию?

– Я… я… – пытался он выкрутиться.

Но в голову ничего не приходило. Он не смог даже задать ответный вопрос, а что, собственно, делают здесь корреспонденты.

– Оставьте меня в покое! – услышал он и не узнал собственного голоса в неуверенном, срывающемся визге.

И в этот момент Фогель понял, что его карьера закончилась навсегда.

23 февраля
Шестьдесят два дня после исчезновения

В ту ночь, когда все навсегда изменилось, Флорес следил глазами за Фогелем, который рассеянно разглядывал чучела рыб на стенах амбулатории.

– А знаете, доктор, все ваши рыбки похожи друг на друга.

– На самом деле это одна рыбка.

Фогель недоверчиво на него взглянул:

– Как это – одна рыбка?

– *Oncorhynchus mykiss*, – повторил психиатр. – Это всё разные экземпляры радужной форели. Отличаются только некоторые детали окраса и формы.

– То есть вы хотите сказать, что коллекционируете только эту породу?

– Сам знаю, что это странно.

Но Фогель не унимался:

– Но почему?

– Я бы так сказал: порода самая чарующая, этих рыб труднее всего поймать. Но это не вся правда. Помните, я вам говорил, что перенес инфаркт? Так вот, когда случился приступ, я был один на горном озере. Поплавок ушел под воду, и я тянул изо всех сил.

Флорес изобразил, как он вытягивал рыбу.

– Острую боль в левой руке я принял за судорогу от напряжения и продолжал тянуть. Когда же боль распространилась по всей грудной клетке и засела в грудине, я понял, что со мной что-то не то. Я упал на спину и почти потерял сознание. Помню только, что рядом на траве лежала крупная рыбина и, задыхаясь, смотрела на меня. Мы оба умирали.

Он рассмеялся:

– Глупая ситуация, правда? Я был молод, мне едва исполнилось тридцать два года, да и этот экземпляр был в расцвете рыбьих сил. Последний оставшийся во мне кусочек воздуха я истратил на то, чтобы позвать на помощь. На мое счастье, поблизости по лесу проезжал егерь.

Он указал на стену:

– Вот та самая рыбка.

– И какова же мораль истории?

– А нет никакой морали. Просто с тех пор каждый раз, как мне удается

поймать радужную форель, она заканчивает свой жизненный путь на этой стенке. Я сам делаю из них чучела. У меня в полуподвале есть специальная лаборатория.

Фогеля все это позабавило.

– А вот мне бы хотелось сделать чучело из Стеллы Хонер. Эта гарпия меня как следует поимела. Можно подумать, что похититель Анны Лу не только меня втянул в эту историю…

Флорес снова посерьезнел:

– Я полагаю, ваше присутствие нынешней ночью в Авешоте – не простая случайность. И авария произошла потому, что вы от чего-то спасались бегством.

– Привлекательная гипотеза, – согласился Фогель. – А если точнее: от чего я спасался бегством?

Флорес откинулся на спинку кресла.

– То, что вы в состоянии шока, – вранье. То, что вы потеряли память, – тоже вранье… Вы помните каждую подробность. Разве не так?

Фогель снова сел на стул и бережно провел рукой по своему кашемировому пальто, словно хотел удостовериться в мягкости ткани.

– Наверное, я действительно потерял все, потому что во мне зародилась одна глубокая мысль. Впервые в жизни я подумал не только о собственной выгоде.

– И что же это была за мысль, если она навсегда изменила ваше восприятие?

– Маленькое «о», нарисованное на левой руке шариковой ручкой, – сказал Фогель, обведя в воздухе кружок, словно рисуя букву. – Когда я в первый раз прочитал это место в дневнике Анны Лу, я как-то не подумал о бедном Оливере. Он пришел мне на ум позже.

– Бедный Оливер?

– Да, тот мальчик, что не отважился поцеловать ее летом, что-то потерял. Он тоже утратил нечто, как и все остальные – и семья девочки, и все, кто был с ней знаком. Но в отличие от них он об этом не знает и не узнает никогда… Может быть, Анна Лу мертва, но вместе с ней умерли дети, которые у нее уже никогда не родятся, и внуки… Поколения и поколения, которых не будет на свете. И все эти души, пленники небытия, заслуживали лучшего… по крайней мере, мести…

Флорес почувствовал, что настал момент истины:

– Кому принадлежит кровь на вашей одежде, спецагент Фогель?

Тот поднял голову, и лицо его осветила ясная улыбка.

– Я знаю, кто убийца, – сказал он, и глаза его блеснули. – И нынче

ночью я убил монстра.

31 января
Тридцать девять дней после исчезновения

Содержание под стражей не отменили.

После сенсационного сообщения Стеллы Хонер Мартини еще десять дней должен был провести в тюрьме. Это время требовалось властям, чтобы собрать доказательства, что виновным в предполагаемом убийстве Анны Лу Кастнер был серийный маньяк, имевший страсть к рыжим девочкам, который снова взялся за старое после необъяснимого перерыва в тридцать лет.

«Человек тумана».

Имя, данное ему Беатрис Леман, сразу понравилось СМИ, которые снова ревностно занялись этим делом. Перелом в расследовании получил шумную огласку, и публика еще не насытилась.

Мартини эти десять дней провел в состоянии почти полного безразличия, на койке тюремной больницы. Официальной причиной того, что его до сих пор не освободили, объявили состояние здоровья. На самом же деле – и он это прекрасно знал – власти надеялись, что следы побоев исчезнут раньше, чем учитель появится на публике. Их можно было понять: Леви уже пригрозил, что разоблачит начальника тюрьмы и доведет это дело до сведения министра.

Когда Мартини сказали, чтобы он собрал вещи, потому что за ним пришли родственники, он не поверил. Он с трудом встал и принялся укладывать вещи в большую сумку, поставив ее на кровать. Правая рука у него была в гипсе, и переломанные ребра тоже все еще болели. От давящей повязки то и дело перехватывало дыхание, и приходилось останавливаться. Вокруг левого глаза и до самой щеки растеклась лиловая гематома, которая снизу начала отсвечивать желтым. Все тело покрывали синяки, но бо́льшая часть из них уже почти рассосалась. Верхняя губа была рассечена и явно требовала нескольких стежков. Зато рана на левой руке, полученная еще в день исчезновения Анны Лу, зажила полностью.

Около одиннадцати явился охранник и объявил, что начальник тюрьмы подписал приказ об освобождении, присланный ему прокурором Майер, а потому учитель может идти. Мартини передвигался с костылем, охранник взял у него сумку и проводил по коридорам до зала, где

происходили свидания заключенных с родственниками. Путь показался ему бесконечным.

Когда дверь открылась, Мартини увидел жену и дочку, которые ожидали его с трепетом. Однако взволнованные улыбки на их лицах быстро сменились выражением смятения и ужаса. Адвокат Леви пытался подготовить их к тому, что они увидят, но, когда они увидели, вся подготовка пошла насмарку. Да и вряд ли кому удалось бы сохранить спокойствие. И дело было не в костыле и не в сизом от синяков лице. Они вдруг поняли, что перед ними совсем другой человек, не тот, кого они знали раньше. Он похудел на двадцать кило, щеки ввалились, кожа под подбородком обвисла, хотя он и пытался ее прикрыть отраставшей бородкой. Этот сорокатрехлетний человек выглядел как глубокий старик.

Мартини, хромая, пошел им навстречу, изобразив на лице лучшую из улыбок. Клеа и Моника наконец опомнились от шока и бросились к нему. Они долго и молча плакали, прижавшись к нему, а он целовал обеих своих женщин в склоненные ему на грудь затылки и гладил по волосам.

– Все кончилось, – сказал он.

Все кончилось, сказал он себе, хотя еще и не мог в это поверить.

Потом Клеа подняла на него глаза, и они посмотрели друг на друга, словно узнавая заново. Лорис понял смысл этого взгляда. Она просила у него прощения за то, что бросила его в тяжелый момент, и за то, что усомнилась в нем. Мартини кивнул, и оба поняли, что он все простил.

– Поехали домой, – сказал учитель.

Все сели в «мерседес» Леви. Адвокат устроился спереди рядом с водителем, а они трое – на заднем сиденье. Им удалось улизнуть от репортеров, выйдя через запасной выход. Но когда машина с тонированными стеклами выехала на улицу, впереди ее ожидало очередное скопление телекамер и лес микрофонов, за которым толпилось порядочное количество любопытных.

На лицах Клеа и Моники промелькнул страх: они боялись, что, как еще совсем недавно, попадут в настоящую осаду и им снова не дадут жить. Но Леви успокоил их, повернувшись к ним с переднего сиденья:

– Отныне все будет по-другому. Смотрите…

И действительно, едва толпа увидела, как машина свернула на аллею, ведущую к дому учителя, раздались аплодисменты. Кто-то стал выкрикивать что-то ободряющее.

Леви вышел из машины первым и распахнул заднюю дверцу, чтобы семья Мартини, наконец снова соединившаяся и счастливая, предстала

перед фотографами и операторами. Клеа вышла за ним, потом показалась Моника, а последним – учитель. Аплодисменты и приветственные крики нарастали, и семья была в полной растерянности: такого они не ожидали.

Мартини огляделся вокруг. Вспышки фотоаппаратов, направленных прямо на его усталое лицо, слепили глаза, но он все же разглядел лица соседей. Были среди них и Одевисы в полном составе, и глава семьи, оболгавший его на телевидении всего несколько недель назад, теперь старался привлечь его внимание и поздравить с возвращением. Учитель даже не подумал о том, сколько лицемерия в этой сцене, он предпочел показать, что ни на кого не держит зла, и приветственно помахал рукой собравшимся.

Войдя в дом, Мартини сразу устремился к дивану. Он устал, у него болели ноги, очень хотелось сесть. Моника подала ему руку и придержала за талию. Потом помогла устроиться поудобнее, подставила под ноги скамеечку и сняла с него ботинки. Такой заботы и нежности он от дочери не ожидал.

– Принести тебе что-нибудь? Чая, печенья?

Он погладил ее по щеке:

– Спасибо, милая, мне и так хорошо.

Клеа, напротив, была чрезвычайно активна:

– Я пойду приготовлю обед. Вы пообедаете с нами, адвокат?

– Непременно, – ответил Леви, поняв, что отказаться не может.

Когда она ушла на кухню, он обратился к клиенту:

– После обеда нам с вами надо будет обсудить важные вопросы.

Мартини догадался, о чем юрист поведет речь, и ответил:

– Разумеется.

Он уже несколько дней не выходил из проклятого гостиничного номера в Авешоте. Ему пришлось распаковать чемоданы и пребывать «в распоряжении властей». Эта формулировка, которую придумала Майер, была великолепна, ибо означала все и одновременно ничего. Его не могли арестовать, потому что следствие по его делу еще не закончилось. И уехать отсюда он тоже не мог, потому что прокурор в любой момент могла вызвать его на допрос. Фогель не боялся, что ситуация переменится необдуманно быстро. Фальсификация улики, повлекшая за собой тюремное заключение Мартини, на данный момент являлась всего лишь гипотезой, доказать которую будет трудно. Официальная версия гласила о случайно допущенных неточностях при сборе улик. Однако, учитывая дело Дерга, этот эпизод должен был положить надгробную плиту на карьеру

спецагента.

Нервно расхаживая по маленькой комнате и снуя, как челнок, между ванной и кроватью, Фогель рассудил, что уволить его не уволят, но, скорее всего, сделают так, чтобы он сам подал в отставку. Таким образом, можно будет легче замять скандал, уже докатившийся до самых верхов полиции. Его удаление от дел произойдет тихо, под сурдинку, «по мотивам личного характера». В этом смысле «человек тумана» протянул ему руку. Теперь все внимание СМИ и общественного мнения переключилось на этот загадочный персонаж, и все остальное отошло на задний план. А потому спецагенту надо было просто проявить хитрость и нужным образом трактовать свой уход со сцены.

Но этого ему было мало.

Ему вовсе не нравилось, что его вот так возьмут и уберут. Он годами распутывал дела, которые на газетных полосах набирали крупным шрифтом, и за счет его работы начальство упрочивало свое положение. Боссы садились рядом с ним на итоговых пресс-конференциях, получая свою долю славы и продвигаясь по карьерной лестнице. Ублюдки. И где они теперь, когда он в них нуждается? Куда они все подевались, когда настала их очередь прикрывать его задницу?

Особенно его разозлила пресс-конференция, созванная накануне Майер и прокатившаяся волной по всем СМИ.

– С этого момента расследование продолжится с новой энергией, – заявила та, что поначалу не желала показываться перед объективами телекамер. – У нас есть новое направление, и мы сумеем пролить свет на исчезновение еще шести девочек, пропавших задолго до Анны Лу.

Так она пообещала, прекрасно зная, что через тридцать лет это будет фактически невозможно.

А когда кто-то задал вопрос, будет ли теперь полиция ловить «человека тумана», то ответил этот неблагодарный мальчишка Борги:

– Вы, журналисты, любите раздавать красивые имена, чтобы возбудить фантазию публики. Я же предпочитаю думать, что у этого человека есть лицо и есть личность и он не просто монстр. Только так мы сможем его поймать.

Мальчишка быстро адаптировался, подумал Фогель. Возможно, он его недооценил. Нет, парень, тебе еще мамочка нос вытирает, и недостанет тебе силенок выдержать такой нажим.

Но вот от чего он просто озверел, так это от ореола святости, которым теперь был окружен учитель. Переход от монстра к «жертве системы» оказался почти мгновенным. У СМИ была куча поводов для того, чтобы

заработать себе прощение, ведь они рисковали по суду ответить за моральный ущерб. И те же хроникеры, что неделями линчевали Мартини, тепрь переключились на Фогеля. И поэтому, будучи вынужден оставаться в Авешоте, он не имел возможности даже нос высунуть из треклятого гостиничного номера. Снаружи его караулила орда, которая только того и дожидалась, чтобы его распять.

«Ну уж нет, я не уйду без шума и головы не опущу, не дождутся», – сказал он себе. Он уже обдумал более почетный и выгодный путь к отступлению. Если уж ему суждено закончить карьеру, то он это сделает с максимальной выгодой для себя. И деньги, по крайней мере частично, возместят разочарование и залечат рану, нанесенную его эго. Да, это была отличная идея.

Надо было только раздобыть одну вещицу.

После обеда он сказал, что очень устал. Извинившись перед Клеа, Моникой и Леви, он поднялся в спальню, чтобы отдохнуть. Проспал он целых пять часов и, проснувшись, надеялся, что адвокат уехал. К разговору, который собирался вести с ним Леви, он был не готов. Однако адвокат все еще сидел в гостиной. За окнами уже темнело. Леви разместился на диване рядом с Клеа, в руках они держали чашки с дымящимся чаем и о чем-то беседовали. Увидев, что он появился на вершине лестницы, Клеа пошла ему навстречу, помогла спуститься и усадила в кресло.

– Я был уверен, что вы проспите до утра, – со своей немного деланой улыбкой сказал адвокат.

– А вы никогда не сдаетесь, ведь правда? – ответил Мартини, поняв, какую игру затевает тот.

– Это моя работа.

– Ну хорошо. Скажите мне то, что собирались, и поставим на этом точку.

– Я бы хотел, чтобы при этом присутствовала вся семья, если возможно.

– Зачем?

– Я уже знаю, насколько трудно заставить вас рассуждать здраво, и мне нужна поддержка.

Мартини вздохнул. Но Клеа взяла его за руку:

– Я пойду позову Монику.

Немного погодя все собрались в гостиной.

– Итак, – начал адвокат, – теперь, когда присутствуют все заинтересованные лица, я могу сказать, что вы идиот.

Мартини удивленно рассмеялся:

– Вы находите, что меня мало побили?

– Ну, скажем так, это более всего соответствует действительности.

– И почему же? Интересно послушать…

Леви положил ногу на ногу и поставил чашку с чаем на столик.

– Все эти люди перед вами в долгу, – заявил он, указывая на улицу за окнами. – Они хотели сломать вам жизнь, и, насколько я вижу, это им почти удалось.

– И что я должен делать?

– Для начала подать в суд на тюремное начальство за причиненный вред здоровью. И на министерство тоже. А потом потребовать огромную компенсацию за то, каким образом полиция вела расследование против вас.

– Но я же в конце концов добился справедливости?

Но Леви не желал его слушать и продолжал:

– И не только. СМИ ответственны за все случившееся – по крайней мере наравне с полицейскими. Они поддержали процесс, который велся вне рамок закона и, что еще хуже, вынес приговор, не дав вам возможности защититься. Они тоже должны заплатить.

– Интересно, каким образом? – скептически произнес Мартини. – Они прикроются своим правом рассказывать о событиях и выйдут сухими из воды. Все это бесполезно.

– Но им надо, по крайней мере, сохранить лицо перед публикой, иначе они рискуют потерять доверие. К их мнению перестанут прислушиваться. И потом, люди хотят услышать вашу версию и вместе с вами отпраздновать ваше освобождение… И готовы даже заискивать перед вами, если будет необходимость.

– И я должен обратиться на телевидение, чтобы вернуть себе репутацию?

Леви покачал головой:

– Нет. Вы должны заставить их за все *заплатить*, и только так вы получите компенсацию.

– То есть я должен продать свои интервью тем, кто предложит лучшую цену, вы это хотите сказать? – ужаснулся Мартини. – Я уже однажды сказал Стелле Хонер, что не стану спекулировать на драме Кастнеров.

– Это вовсе не означает спекуляцию на трагедии девочки, – возразил Леви. – Скорее, вы сейчас спекулируете на своей.

– Это одно и то же. Я просто хочу забыть эту историю. И хочу, чтобы забыли обо мне.

Леви взглянул на Клеа и Монику, которые до этого момента молчали.

– Я знаю, что ты человек честный, и понимаю твои доводы, – с нежностью сказала Клеа. – Но эти ублюдки нанесли тебе огромный вред.

Последнюю фразу она произнесла с неожиданной яростью.

Мартини повернулся к Монике:

– И ты тоже с этим согласна?

Девочка кивнула, в глазах у нее стояли слезы.

Тогда Леви взял стоявший рядом с ним чемоданчик и вынул оттуда какие-то бумаги:

– Здесь у меня контракт с одним издательством, они предлагают вам описать свою историю в книге.

– В книге? – удивился Мартини.

Леви улыбнулся:

– Ведь вы все еще учитель литературы, разве не так? А предполагаемый скорый выход в свет этой книги станет поводом, чтобы пригласить вас на передачу или поместить интервью с вами на первых полосах газет или в Интернете… Так сказать, «культурный предлог», который облагородит вашу роль в этом деле.

Мартини с любопытством покачал головой.

– Вы меня просто в угол загнали, – сказал он. Потом еще раз посмотрел на жену и дочь и вздохнул. – Ну хорошо. Но все это не может продолжаться вечно. Я хочу как можно скорее со всем этим покончить, ясно?

В одиннадцать вечера Борги все еще сидел за своим столом в школьном спортзале. Все остальные давно разошлись, и настольная лампа была единственным источником света в просторном пустом помещении. Борги изучал скупые отчеты о шести исчезновениях, предшествовавших исчезновению Анны Лу Кастнер. Приметы всех девочек совпадали, и действительно можно было предположить, что действовал серийный убийца. Если отталкиваться от этих совпадений, то человек в подшлемнике, который попал в поле зрения видеокамеры, вернулся через тридцать лет, чтобы снова напасть и на этот раз взять свое.

Но почему?

На этот вопрос молодой полицейский не мог себе ответить. Почему он выжидал так долго? Конечно, за этот промежуток времени он мог напасть еще на кого-нибудь, но в совершенно другом месте, а может, совершать нападения ему мешало какое-то чрезвычайное обстоятельство. К примеру, он отбывал длительный срок за другое преступление, а теперь, освободившись, принялся за старое. Но поменял *modus operandi*, способ

совершения преступления. В первых шести случаях он действовал анонимно, и это его защищало. В последнем же случае он пытался привлечь к себе внимание. Конечно, тридцать лет тому назад СМИ с такой готовностью не предоставляли сценическую площадку монстрам, однако Борги все это по-прежнему казалось очень странным.

Вечером он снова наведался к Беатрис Леман. Женщина, столько лет хранившая документы по делу в надежде, что кто-нибудь постучится к ней и спросит о них, приняла его весьма холодно. В первые визиты к ней у Борги сложилось впечатление, что старая журналистка избегает сотрудничества с полицией. Но в последний раз он уже не был в этом уверен.

– Я уже сказала вам все, что знаю, – твердо сказала она с порога, ни на сантиметр не сдвинув с места свое кресло на колесиках. – А теперь оставьте меня в покое.

Это была неправда, Леман что-то скрывала. Борги выяснил, что журналистка несколько раз пыталась связаться с Фогелем сразу после исчезновения Анны Лу Кастнер. Зачем? Она заявила, что просто попросила дать интервью, а Фогель отказал. Врали оба. Ну ладно, Борги мог понять Фогеля, который не хотел лишних неприятностей, допустим, из-за того, что вел расследование, не ставя в известность начальство. Но Леман-то какой смысл врать? Кроме того, журналистка недавно получила некий пакет. Случай этот после проверки оказался единственным, потому что Беатрис давно ни с кем не общалась и почту не получала. Что было в пакете? И связано ли это с Фогелем?

В последний визит к ней, когда она захлопнула дверь у него перед носом, Борги успел заглянуть в комнату, и ему бросилась в глаза одна деталь. В пепельнице, стоявшей рядом со входом, вместе с окурками сигарет, которые беспрестанно курила Леман, виднелись окурки от сигарет другого сорта. Агент подумал, что здесь побывала Стелла Хонер. Получалось, что Леман молчит по вполне понятной причине. Она позволила себя подкупить. Борги ее не осуждал. Она долгие годы изнывала от одиночества и безразличия. Все позабыли и о ней, и о тех баталиях, которые она вела на страницах своей маленькой газеты. Теперь ей представился случай снова заняться делом.

Когда он внимательно перечитывал отчет о первой исчезнувшей девочке, Кате Хильман, в гулком пустом зале что-то громко стукнуло. Борги напрягся и поднял глаза, но за настольной лампой ничего не увидел. Тогда он развернул лампу в зал и обвел светом все пространство вокруг. Из-под двери в раздевалку просачивалась тусклая полоска света.

Борги встал и пошел посмотреть, в чем дело.

Он медленно открыл дверь и заметил какую-то тень, которая возилась возле шкафчика, держа в руке фонарик. Полицейский выхватил пистолет.

– Стоять, – спокойно сказал он, нацелив оружие в тень.

Тень замерла. Потом медленно подняла руки и стала поворачиваться.

– Что вам здесь нужно? – спросил Борги, едва узнав, кто это. – Вы не должны здесь находиться.

Фогель послал ему свою самую лживую улыбку:

– Я тебя видел на телеэкране, знаешь? Ты молодец, способный, подаешь надежды.

– Что вам здесь нужно? – повторил Борги.

– Не будь так строг с учителем, – притворно надулся Фогель. – Я пришел, чтобы взять то, что принадлежит мне.

– Это больше не ваш кабинет, и на все, что здесь находится, наложен секвестр до конца расследования.

– Я знаю правила, агент Борги. Но бывает, что полицейские оказывают услуги своим коллегам.

Медоточивый тон Фогеля начинал действовать Борги на нервы.

– Покажите, что вы достали из шкафчика.

– Это секретные данные.

Спецагент явно бросал ему вызов.

– Покажите сейчас же, – настаивал Борги, стараясь казаться решительным.

Пистолет он все еще держал в руках, хотя уже не целился в Фогеля.

Фогель медленно опустил левую руку, чтобы расстегнуть пальто, потом так же спокойно правой рукой вытащил из внутреннего кармана черную записную книжку, куда имел обыкновение делать записи.

– Положите ее на стол, – тихо сказал Борги.

Фогель повиновался.

– А теперь я вынужден попросить вас покинуть здание.

И пока Фогель шел к выходу, молодой полицейский не сводил с него глаз. Он был уверен, что на прощание тот что-нибудь выкинет. Так и случилось.

– А ведь мы с тобой могли бы стать хорошей командой, – бросил он с презрением. – Хотя, может, так оно и лучше. Удачи, мой мальчик.

Как только он вышел, Борги опустил пистолет и вздохнул. Потом подошел к столу, куда Фогель положил записную книжку. Ему всегда было любопытно узнать, что же он туда постоянно записывал. Такой метод работы его околдовал, ему казалось, что от Фогеля ничто не ускользнет. Но

когда он открыл записную книжку, оказалось, что ее страницы заполнены скабрезными рисунками. Серебряная ручка выводила картинки откровенного секса, вульгарные и инфантильные. Борги покачал головой, не поверив своим глазам. Этот человек определенно был не в себе.

Выйдя на безлюдную площадь перед спортзалом, Фогель похвалил себя: ему так ловко удалось убедить Борги, что он приходил за записной книжкой. Его не интересовало, что подумает парень, когда ее раскроет. Достойным внимания было только то, что он действительно вытащил из шкафчика.

Он достал мобильник и набрал номер. Ответа пришлось дожидаться долго.

– На двадцать пять минут раньше остальных, – сказал он. – Я всегда держу свое слово.

– Что тебе надо? – раздраженно ответила Стелла. – Теперь тебе больше нечего мне продать.

– Ты уверена? – Фогель инстинктивно поднес руку к карману пальто. – Думаю, Беатрис Леман говорила тебе о дневнике…

Хонер молчала. «Это хорошо», – сказал себе Фогель. Значит, заинтересовалась.

– На самом деле она мне не так много сказала, – осторожно проговорила Стелла.

Он попал в точку: обе встречались.

– Жаль.

– Сколько ты хочешь? – напрямую спросила журналистка.

– О деталях поговорим в нужное время… Однако у меня есть дополнительное требование.

Хонер рассмеялась:

– Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

– Да я ничего особенного и не прошу, – с иронией заметил спецагент. – Я узнал, что после сенсационного сообщения, которое меня уничтожило, телесети доверили тебе павильонные репортажи. Поздравляю, тебе больше не придется в качестве корреспондентки морозить свой зад на уличных интервью.

– Ушам своим не верю: ты что, просишь меня пригласить тебя на передачу?

– И хочу, чтобы вместе со мной ты пригласила еще кое-кого.

– Кого же?

– Учителя Мартини.

22 февраля
Шестьдесят один день после исчезновения

Он сидел в кресле перед зеркалом, окруженным лампочками с ярким белым светом. За воротник рубашки были засунуты бумажные салфетки, чтобы не испачкать ее гримом. Гримерша мягкой кисточкой наносила ему тон на щеки, и Фогель, прикрыв глаза, наслаждался ласковыми прикосновениями. В нескольких метрах сзади костюмерша гладила его пиджак. Для интервью он выбрал синий шерстяной костюм, бледно-голубой галстук с мелким цветочным орнаментом и для рубашки – простые овальные запонки розового золота. Из кармашка пиджака высовывался желтый шелковый платок.

Стелла Хонер вошла в гримерку, не стучась, а за ней появился солидный человек лет пятидесяти с дипломатом в руке.

– Мы готовы начинать, – объявила она.

На ней уже был темный костюм, в котором она выйдет в эфир. Она протянула руку:

– Где дневник?

Фогель слегка повернулся, не открывая глаз:

– Всему свое время, моя дорогая.

– Я твое условие выполнила. Теперь твой ход.

– Я его сделаю, не волнуйся.

– Нет, я не могу не волноваться, – возразила она. – Почем мне знать, а может, ты собираешься меня надуть?

– Твоя редакция получила одну из страниц, и вы убедились, что она подлинная.

– Это была всего лишь фотокопия, а теперь мне нужно все остальное.

Фогель лениво приоткрыл веки и посмотрел на отражение Стеллы в зеркале. Она была возбуждена, и ее можно было понять.

– Но ведь почерк совпал с почерком Анны Лу.

– Скажи хотя бы, что там, в этом треклятом дневнике?

– Тайны, которые не доверяют никому, – намеренно торжественно произнес Фогель.

– У Анны Лу были отношения с мужчиной много старше ее? – допытывалась Стелла, надеясь уловить по малейшим изменениям мимики Фогеля подтверждение такой странной гипотезы.

– Всякий раз, когда мы видимся или разговариваем, ты пытаешься заставить меня что-то тебе открыть. Но ты из меня слова не вытянешь, пока я не увижу красного огонька телекамеры.

– Я *должна* знать. Я не могу позволить тебе играть по твоим правилам. Это моя программа, а я, получается, единственная, кто ничего не знает о предмете разговора. Зачем тебе понадобилось, чтобы присутствовал Мартини? Какое отношение он имеет к дневнику Анны Лу?

Никакого не имеет, но у Фогеля не было ни малейшего намерения это открывать. Тетрадка Анны Лу было всего лишь поводом встретиться с Мартини лицом к лицу. Он уже знал, что сделает, когда будет в эфире. Он извинится перед Мартини от лица полиции, признает собственную ошибку и тем самым вызовет замешательство у своих боссов, у тех самых ублюдков, которые его бросили. Хорошо бы, если бы после этого Мартини его публично простил. Преследователь и преследуемый смогут обнять друг друга в слезах – публика всегда обожала такие сцены примирения. Дневник Анны Лу станет главным лакомством вечера. А Фогель прочтет то место, где Анна Лу пишет об Оливере и о букве «о», которую в знак любви начертила у себя на запястье. Кто знает, может быть, редакция Стеллы умудрится напасть на след таинственного юноши. Его свидетельство по телефону в прямом эфире станет кульминацией вечера.

Но Хонер, ничего не знавшая о его планах, явно била копытом.

– Я в любой момент могу все отменить, – пригрозила она. – Никакой прямой трансляции, никакого учителя. И всю вину свалю на тебя.

Фогель рассмеялся.

– Он сразу согласился, – сказал он, намекая на Мартини. – Я удивлен.

– Думаю, он согласился потому, что спит и видит, как бы устроить тебе козью морду в прямом эфире, – улыбнулась Стелла, довольная собой.

– Он выдвинул какие-то условия?

– Не твое собачье дело.

Фогель поднял руки в знак капитуляции:

– Считай, что я ничего не говорил, извини.

Стелла повернулась к человеку с дипломатом и сделала ему знак подойти.

– Знакомься – это адвокат, представляющий интересы сети телевещания.

– Прямо-таки, – иронически вставил спецагент.

Адвокат вытащил из дипломата какие-то бланки и положил их перед Фогелем на столик:

– А теперь мы обяжем вас подписать акт, которым вы гарантируете,

что дневник подлинный, и тем самым мы освобождаемся от любой ответственности перед законом.

– Сколько пышных слов, чтобы высказать простейшую вещь!

– Я свое обещание выполнила, – сквозь зубы процедила Стелла. – Не так-то легко было уговорить Мартини, уверяю тебя.

Фогелю это понравилось, значит учитель все еще его боится.

– Я слышал, он пишет книгу о своей истории. А ты уже знаешь, какая роль тебе там уготована? Ты напористая корреспондентка или бессовестная журналистка?

Стелла крутанула кресло, чтобы оказаться напротив Фогеля и смотреть ему прямо в глаза.

– Слушай меня внимательно. Я не желаю, чтобы со мной шутили.

– Похоже, свобода приносит немалый доход знаменитым бывшим узникам. Любопытно было бы узнать, сколько с вас вытянул Леви.

– Этот вопрос не включен в интервью, и не дай тебе бог его коснуться.

Тут снова вмешался адвокат:

– Чтобы удостовериться, что все идет согласно договоренности, трансляция пойдет в эфир с пятисекундной задержкой, чтобы иметь возможность вырезать вас из сценария.

Фогель притворился, что очень напуган. Он посмотрел на Стеллу и с сарказмом в голосе спросил:

– Ты больше мне не доверяешь?

– Я никогда тебе не доверяла, – отрезала та и вышла из гримерки.

Минут через десять пришла ассистентка режиссера, чтобы забрать Фогеля и проводить его в студию. Спецагент надел пиджак и бросил последний взгляд на свое отражение в зеркале. «Вперед, старик, – сказал он себе. – Покажи им всем, кто ты есть».

Ассистентка в наушниках и с папкой в руках повела спецагента по коридору, потом распахнула створки противопожарной двери, и они вошли в большое темное помещение. Для программы Стеллы забронировали огромную студию. Фогель и ассистентка пробирались за декорациями, она шла впереди и время от времени что-то говорила в микрофон, спрятанный в наушниках.

– Гость на подходе, – предупредила она режиссера.

Пока они шли, Фогель уже начал различать шум человеческих голосов в студии. Стелла заверила его, что зрителей тщательно отбирали и четко разделили на тех, кто был уверен в виновности учителя, и тех, кто считал его невиновным. Это поможет избежать предвзятости или перевеса в чью-

либо пользу. Фогель отнесся к ее заверениям спокойно, потому что на самом деле ему это было не важно: пройдет немного времени, и они с Мартини окажутся по одну сторону баррикад.

Они вошли в комнату для гостей, и ассистентка передала его технику, который приколол ему к галстуку радиомикрофон. Пропуская провод под пиджаком, он предупредил:

– Даже если мы не в эфире, в режиссерской слышат каждое ваше слово.

Фогель кивнул, давая понять, что ему все ясно. Это была дежурная фраза, чтобы заставить его сосредоточиться, ибо часто случалось, что гости пускались в рассуждения о совершенно посторонних вещах. Но спецагент был человеком бывалым, и это ему не грозило.

– Итак, дамы и господа, скоро мы начинаем, – произнес аниматор, разогревавший публику.

Эту фразу он произнес подчеркнуто торжественно, и в студии раздались аплодисменты и шум.

Хотя темой вечера был дневник погибшей девочки, люди пребывали в возбуждении. Мысль о том, что они появятся на экранах телевизоров, сразу их меняет, подумал Фогель. Они не станут ни знаменитыми, ни богатыми, но их жизнь все-таки изменится. Теперь у них появится возможность при случае ввернуть, что они принимали участие в шоу, даже пусть их роль и была незначительной. И все из-за того, что они мелькнули на этом треклятом экране.

– Напоминаем вам, что не нужно комментировать вслух все, что происходит в студии, и просим вас аплодировать только по знаку наших ассистентов, – сказал в заключение аниматор.

Снова послышались аплодисменты.

Пока гримерша поправляла ему тон на лице, Фогель рассеянно обернулся к проходу между декорациями, по которому должны были выходить в студию гости. За кулисами был полумрак, а потом сразу, без перехода, начинался яркий свет.

И на этой границе света и тени стоял Мартини.

Фогеля он не заметил и с детским любопытством разглядывал все, что происходило вокруг. Даже на расстоянии нескольких метров Фогель увидел, что тот почти полностью восстановился. Синяки на лице исчезли, а может, это гримерша так ловко справилась со своей работой. Гипса на правой руке не было, но он все еще опирался на трость. Он заметно поправился и уже не выглядел как живой скелет.

Однако в сравнении с прошлым его внешний вид сильно изменился.

Переменилась одежда. Никаких вельветовых курток и бумазейных штанов. Со старыми, ношеными ботинками он тоже распрощался. Теперь на нем был темно-серый костюм, сшитый явно на заказ, и элегантный красный галстук. Фогель нашел, что все это ему очень идет, и даже испытал некоторую гордость, что теперь учитель походил на него. «Я вывел тебя на темную сторону света. Потому что даже свет имеет свою темную сторону. Просто не всем удается ее увидеть». На этом таланте видеть темную сторону света Фогель построил свое счастье. Он заметил и дорогие часы, которые Мартини носил теперь на левой руке. «А ведь твоя жизнь переменилась, дружок, и ты должен быть мне благодарен за то, что я охотился на тебя».

И именно в этот момент учитель сделал маленькое, ничего не значащее движение. Он поправил обшлаг рубашки, наверное, потому, что не привык носить запонки. И от этого движения рукав поднялся и стала видна часть запястья.

Фогель заметил деталь, которую поначалу затруднился истолковать. Тайный знак, известный только ему и Анне Лу, только они двое могли о нем знать, потому что девочка написала о нем в дневнике, а Фогель этот дневник прочел.

Но что же делал этот кружок на руке учителя Мартини?

Маленькое «о», Оливер, нарисованное шариковой ручкой.

23 декабря
День исчезновения

Она хотела остаться дома украшать елку.

Но по понедельникам в пять пятнадцать был урок катехизиса для детей, и в ее обязанность входило сопровождать туда группу самых маленьких. Ее братья уже подросли и больше эти занятия не посещали, а потому могли весь вечер развешивать по веткам цветные шары и серебряный серпантин. Анне Лу особенно в этом году хотелось украшать елку, потому что в ней зародилось подозрение, что эта елка будет последней. Мать уже давно начала вести странные разговоры по этому поводу. Она говорила, что у Иисуса не было рождественской елки.

Когда она принималась так рассуждать, это означало, что в их жизни грядут перемены.

Например, был установлен день строгого поста, когда вся семья ничего не ела, только пила воду. Или, к примеру, день молчания, «пост словесный», как называла его Мария Кастнер. Она постоянно придумывала новые правила или настаивала на том, что то или иное надо делать совсем не так, как раньше. А потом увлеченно рассказывала о своих нововведениях на собрании и убеждала других родителей, и те с ней соглашались. Анне Лу нравилось братство, но она не понимала, почему было нельзя вести себя таким-то и таким-то образом. Например, она не видела ничего плохого в том, чтобы надеть в церковь что-нибудь красное, или в том, чтобы пить кока-колу. Вроде бы ничего подобного в Писании она не читала. Однако, похоже, для всех остальных было действительно важно вести себя в строго определенной манере, словно Господь их постоянно судил и молча решал в мелочах, достойны ли они называться Его детьми.

Анна Лу была уверена, что история с рождественской елкой кончится точно так же. По счастью, вмешался отец и сказал, что «дети пока нуждаются в определенных вещах». Но он обычно был податлив и в конце концов на все соглашался. Но в этом году позиций не сдал, и Анна Лу была счастлива, что хотя бы одна традиция ее детства сохранится еще на целый год и не изменится.

– Поторопись, моя хорошая, ты опоздаешь, – крикнула ей Мария снизу от лестницы.

Анна Лу стала быстро одеваться, потому что маме не нравилось, когда

Иисуса заставляли ждать. Она уже надела серый спортивный костюм и кеды, оставалось только надеть белый пуховик и закинуть за плечи рюкзачок. Туда она сложила книги по катехизису, Библию и свой секретный дневник. Девочка подумала, что уже давно ничего туда не записывала. С тех пор как она заметила, что мать тайком обшаривает ее одежду, она решила вести два дневника. И вовсе не потому, что в одном из них она врала. Она всегда писала правду, просто избегала хранить внутри себя то, что чувствовала. Чувства – это то, что можно рассказать лишь самой себе. И потом, она хотела поберечь Марию, которая всегда так заботилась о детях. Ей не хотелось, чтобы мать подумала, будто она грустит, и еще меньше, чтобы решила, что она слишком счастлива. В их доме даже счастье строго дозировалось. Если его было в избытке, то вполне возможно, что к этому приложил лапу дьявол.

– А иначе почему Сатана все время улыбается? – говорила Мария.

И вправду, на иконах ни Мария, ни Иисус, ни святые никогда не улыбались.

– Анна Лу!

– Иду!

Она нацепила наушники MP3-плеера, которые подарила на день рождения бабушка, и сбежала вниз по лестнице.

Мария поджидала ее внизу возле лестницы, опершись одной рукой о перила, а другую уставив в бок, отчего стала похожа на чайник.

– Что за музыку ты слушаешь, милая?

Анна Лу ждала этого вопроса и сняла наушники:

– Одну детскую песенку. Я ее нашла и хотела выучить с малышами из группы. Там говорится про девочек и котят.

– Что-то мне не кажется, что она соответствует Евангелию, – заявила Мария.

Анна Лу улыбнулась:

– Я хочу, чтобы они заучивали псалмы наизусть, но для тренировки надо начать с чего-нибудь полегче.

Мать посмотрела на нее с сомнением, потому что ответить ей было нечего. Вместо ответа она тряхнула рукой, и на запястье звякнули разноцветные бусинки браслета, который Анна Лу сделала ей в подарок. Это был жест любви, и означал он, что они связаны друг с другом.

– На улице холодно, оденься потеплее.

Анна Лу чмокнула ее в щеку и вышла из дому.

Закрыв за собой дверь, она поежилась. Мать была права: на улице

действительно похолодало. Как знать, может, на Рождество пойдет снег. Это было бы здорово. Она подняла капюшон пуховика и прошла по аллейке до улицы, а потом направилась к церкви. Ей хотелось исповедаться. Поссорившись с Присциллой из-за Маттиа, она все еще чувствовала себя немного виноватой. Даже номер Присциллы удалила из своего телефона. А теперь подумала, что надо бы с ней помириться, но все не могла простить ей, что она так обошлась с несчастным мальчишкой. Что он сделал плохого? Она понимала, что он, должно быть, в нее влюблен, не поощряла его, но и не отталкивала. Присцилла этого не понимала, для нее у всех мальчишек было одно на уме. Ей хотелось рассказать об Оливере, о том, что почувствовала, едва с ним познакомившись, но не была уверена, что Присцилла ее поймет. Скорее всего, посмеется над этим детским чувством. Но Анне Лу именно такое чувство и было нужно. Оно помогало грезить с открытыми глазами. Для этого она и вывела у себя на запястье первую букву его имени. Ей не хотелось потерять то, что принадлежало только ей одной.

Завернув за угол в конце квартала, она замедлила шаг.

В нескольких шагах от нее к бровке тротуара был припаркован автомобиль. Поначалу она никак не могла понять, что за сцена разворачивается перед ней. Почему у этого синьора в руках маленькая клетка для животных? И что он ищет вокруг? Человек обернулся, и ей показалось, что она его знает. Она видела его в школе, он учитель. И преподает он не в ее классе. Его зовут… да, Мартини, он учитель литературы.

– Привет! – Он тоже ее увидел и помахал рукой. – Ты, случайно, не видела здесь кота?

– А что за кот? – спросила Анна Лу, держась в сторонке.

– Да такой толстый, вот такой. – Он показал руками размеры кота. – Пятнистый, коричневый с рыжим.

– Видела. Он уже несколько дней бродит тут возле домов.

Она его несколько раз кормила и даже надела ему на шею один из своих браслетов. Ей не хотелось давать ему кличку: она боялась, что со дня на день объявится его настоящий хозяин и заберет его. Кот был слишком ухоженный для простого побродяжки.

– Поможешь мне его найти?

– На самом деле мне надо идти: у меня собрание в церкви.

– Прошу тебя, – настаивал учитель. – Это кот моей дочки, она очень переживает.

Она хотела сказать ему, что мама не разрешает ей заговаривать на

улице ни с кем, кто не принадлежит к братству. Это неприлично. Анна Лу считала, что в этом ограничении, в отличие от прочих, есть здравый смысл. Но у учителя дочь, и девочка, может быть, плачет целыми днями, потому что потеряла лучшего друга. И она решила довериться.

– А как зовут вашего кота?

– Дерг, – сразу ответил тот.

Какое странное имя, подумала она, но все равно подошла поближе.

– Спасибо, что согласилась помочь. Как тебя зовут?

– Анна Лу.

– Хорошо, Анна Лу, я попробую его позвать, а ты пока подержи клетку, – сказал человек, протянув ее девочке. – Как только он выскочит, я подгоню его к тебе, и мы его закроем.

Анна Лу не знала, как обращаться с клетками.

– Он мне казался таким ручным, может быть, его будет проще поймать голыми руками.

– Дерг терпеть не может ездить в машине, и если я не посажу его в клетку, то не знаю, как довезу до дому.

Тогда Анна Лу взяла клетку у него из рук и отвернулась.

– Иногда он попадался мне на глаза в саду у соседей, – сказала она, указав, где именно.

Последнее, что она увидела, была рука, которая накрывала ей лицо каким-то платком. Она не закричала, потому что не поняла, что происходит. Внезапное сокращение дыхательных путей заставило ее инстинктивно глубоко вдохнуть. Воздух был горьким и пах лекарством. В глазах у нее потемнело, и она уже ничего не могла с этим поделать.

– Я хочу быть честным с тобой… по крайней мере в этом.

Откуда идет голос этого человека? Я его знаю? Он идет как будто откуда-то издалека. И что за маленькая лампочка? Похожа на туристскую газовую горелку. У папы есть такая в гараже.

Я знаю, ты сейчас спрашиваешь себя, где ты и что происходит. Давай по порядку: мы в старой заброшенной гостинице. А вот второй вопрос, пожалуй, посложнее…

Я без одежды. Почему? Я сначала сидела, а теперь лежу. А где верх, где низ? Тут неудобно. Кажется, что я на все смотрю как сквозь какой-то кристалл. И что за тень пляшет вокруг меня?

Дерг – это не кличка кота. Да и кот уже мертв. Его труп в багажнике моего внедорожника. Поверь мне, я не хочу тебя напугать, просто будет справедливо, если ты узнаешь. Мне пришлось его убить, чтобы никто не

мог его найти. Когда они начнут осматривать мою машину, то найдут его шерсть и ДНК. Потому что они должны подозревать меня до самого конца, иначе мой план не сможет осуществиться… Итак, я уже говорил: Дерг – не кот, Дерг – человек. И когда несколько месяцев тому назад я узнал о его истории, то понял, что, по сути дела, этот человек – счастливчик. У него случился инсульт, но в конечном итоге взамен он получил новую жизнь… И тогда мне пришла идея.

Тень перестала плясать, ну и ладно. Он надевает на меня куртку от спортивного костюма. Может, решил, что мне холодно. Так оно и есть.

Я всегда говорю ученикам: первое правило хорошего романа – удачно скопировать. И тогда я понял, что надо найти того, кто научит меня сделать то, чего я никогда в жизни не сделал бы. Убить. Я много вечеров просидел в библиотеке и на интернет-сайтах, чтобы найти то, что мне было нужно. И наконец нашел… Это был сайт, который вела одна журналистка, некая Беатрис Леман. Думаю, туда уже давно никто не заходил. Но на страницах сайта была как раз нужная история. Тридцать лет тому назад в Авешоте и в окрестностях пропали шесть девочек примерно твоего возраста. Это были особенные девочки: все рыжеволосые, с веснушками, как ты. Никто особенно не занимался их судьбой, но Леман была уверена, что их похитил один и тот же человек. Она индивидуализировала монстра и дала ему имя: «человек тумана». Это было здорово, прямо в точку. Мне оставалось только воспроизвести то, что на языке сыщиков называется способом действия. И тогда вину за то, что совершу я, наверняка припишут ему, даже после стольких лет. В общем, если все пойдет как надо, это будет моим алиби, ключом, который вызволит меня с галеры.

Он натягивает на меня спортивные штаны. Я чувствую, как они скользят по коже, это похоже на щекотку. Не знаю, приятно мне или нет.

Я уже говорил: мне было нужно, чтобы подозрение пало именно на меня. И я стал повсюду оставлять следы. Начал с Маттиа. Он и привел меня к тебе. Потому что, знай, не так-то легко найти рыжую девочку с веснушками. А потом однажды, когда класс был в спортзале на уроке гимнастики, я ходил между партами, обдумывая лекцию о поэтах-романтиках для следующего урока. Проходя мимо парты Маттиа, я обнаружил видеокамеру. Он ее забыл в классе. Я ее включил и увидел главную героиню его съемок… *Тебя*… Мне было достаточно проследить за ним во всех его перемещениях. Он следил за тобой, я за ним. Таким образом, я узнал, что ты любишь котят. Я несколько раз попал в его поле зрения, с таким расчетом, что Маттиа снимет мой автомобиль. Я надеялся, что полиция увидит его записи и начнет меня разыскивать. Когда я им

расскажу, что сегодня был в горах один, и в особенности когда они увидят порез у меня на ладони, они сразу меня заподозрят. Я взял с собой нож. Думаю, будет очень больно разрезать себе руку. Но не бойся, ты при этом присутствовать не будешь…

Так шуршит капюшон пуховика, когда надеваешь его на голову. Но это не я его надеваю, это та самая тень, что со мной говорит. А теперь она надевает мне ботинки и завязывает шнурки.

Я так надеялся, что они пришлют полицейского. Его зовут Фогель, и он очень искусно распутывает дела. Ему всегда удается всех убедить, что он прав, – к примеру, в деле Дерга ему это удалось. Я уже знаю, что он разрушит мою жизнь. Но мне нужно потерять все, иначе ничего не получится. Все должны во мне усомниться, даже моя семья. Вчера твоя подружка Присцилла дала мне свой номер телефона. Думаю, я ей позвоню или пошлю мейл, а потом она попадет на телеэкраны и всех заставит поверить, что я пытался ее соблазнить. И я стану все больше превращаться в монстра, которого так жаждет публика.

Здесь пахнет сыростью. Я одета, но мне все равно холодно, и я не в состоянии двигаться. Наверное, я пьяная, как тогда, в шесть лет, когда я потихоньку хлебнула бабушкиного смородинового ликера. А братья сейчас уже заканчивают наряжать елку. Я знаю, она будет очень красивая.

Кроме голоса инстинкта, у Фогеля против меня куча косвенных улик. И ни одного доказательства. Надо его подтолкнуть к мысли, что, чуть-чуть исказив истину, он сможет меня арестовать. Я покажу ему раненую руку и найду способ сделать так, чтобы она не зажила. А когда мы встретимся, я нарочно оставлю где-нибудь на виду капельку крови. Знаю, искушение ею воспользоваться будет велико, но он должен дойти до полного отчаяния. А когда они обнаружат в отстойнике твой рюкзачок, то, я уверен, он обязательно сделает то, что когда-то сделал в истории с Дергом: приспособит истину к своим целям… Но для этого надо, чтобы механизм, который я запустил, функционировал четко, как часы. Всему свое время…

Какую бы ошибку я ни совершила, клянусь, я больше ее не повторю. Прости меня. Отпусти меня домой.

Я пойду в тюрьму. Будет тяжело вдали от семьи. Может, будет страшно, что я вообще никогда не вернусь. Но надо держаться твердо. А шестеренки запущенного механизма там, на воле, будут крутиться сами… Знаешь, в детстве я был большим мастером играть в поиски сокровищ. Мне нравилось устраивать обманки и всякие загадки и расставлять их повсюду, пока не обнаружится сокровище. И поэтому я пошлю кое-что мадам Леман, но на посылке будет и имя Фогеля. Я нашел дневник у тебя в рюкзачке. Вот

его-то я и пошлю, чтобы возбудить его любопытство… Не так давно мы сняли видеосообщение – а ты даже не заметила. Я знаю, куда его спрятать. Я пошлю копию и в СМИ. Чтобы все прошло отлично, Фогель должен пасть. Я смогу восстать из праха только при условии, что он окажется во прахе… И тогда наружу выйдет история «человека тумана», который за тридцать лет, может, уже успел умереть. Но он возродится к жизни, и станут искать его, чтобы воздать по справедливости тебе. А я стану свободен…

Туман уже здесь, я его вижу. Он вокруг меня. Он прохладный, легкий…

А теперь самый трудный вопрос. Ты, наверное, хочешь меня спросить, зачем я все это делаю?

Нет… Я не уверена, что хочу это знать.

Потому что я люблю свою семью. И хочу, чтобы у них было все, чего они заслуживают. Я не хочу снова рисковать потерять жену. Знаю, ты не понимаешь еще, о чем я говорю. С *этим* мы пережили скверный период. Я ощущал себя второсортным, неполноценным: подумаешь, какой-то учитель старших классов… А теперь Клеа и Моника смогут мной гордиться. И поэтому я себя задешево не продам, буду держаться стойко. Буду демонстрировать свою неподкупность. Но признаемся честно: каждый имеет свою цену, и отрицать это бесполезно.

Я тоже люблю свою семью. И они меня любят. Почему ты этого не понимаешь?

Ладно, вот и все. Мне жаль, что я втянул тебя в это дело, но знаешь, как в романах: историю движет *зло*, и читателю не нравятся повести, где все герои добрые. И твоя роль вовсе не второстепенная. Как знать, может, кто-нибудь действительно найдет «человека тумана», и тогда шесть девочек, о которых все давно позабыли, тоже найдут свою справедливость. И произойдет это только благодаря тебе, Анна Лу…

Зачем ты мне все это рассказываешь? Мне это неинтересно, мне это не нравится. Я хочу к маме, к папе, к братьям. Хочу их хоть раз еще увидеть, ну пожалуйста, хоть разок! Я должна им поклониться, хотя мне и не хочется с ними прощаться. Мне будет их не хватать.

А теперь извини, но эффект от эфира, по-моему, ослабевает. Я все сделаю быстро, ты ничего не почувствуешь.

Что-то укололо мне руку. Я приоткрываю глаза, теперь у меня получается. Он мне вводит в руку иглу и рассматривает «о», посвященное Оливеру. Наверное, спрашивает, что это такое. Но это тайна.

Прощай, Анна Лу, ты такая красивая.

Мне холодно. Мама, где ты? Мама…

23 февраля
Шестьдесят два дня после исчезновения

В ночь, когда все навсегда изменилось, туман, казалось, добрался до комнаты, наполнив ее еле заметным содроганием.

Фогель закончил свой рассказ и долго молчал.

– А знаете ли вы, что ненависть – не первое, что движет преступлением? Борги пытался мне это втолковать, но я его не послушал. Если бы послушал, может, и понял бы все вовремя. Главная движущая сила преступления – деньги.

– Нет, об этом я не знал, – отозвался Флорес.

– Шестеренки вертелись вокруг простой, даже банальной идеи… Никто и *никогда* не должен был найти тело Анны Лу. В этом и заключался весь обман. Без трупа нет доказательств. Потому он и осмелился на это пойти.

– А инициал на руке? Зачем рисковать, что тебя раскроют? Не понимаю…

– В среднем убийца совершает около двадцати ошибок. Из них меньше половины – те, в которых он отдает себе отчет. Остальные он совершает по неопытности или по неосторожности. Но есть тип ошибок, которые по исключительности их природы мы называем «намеренными». Это как подпись. Бессознательно каждый убийца хочет, чтобы все оценили качество его работы. – И прибавил, цитируя учителя: – Самый глупый из грехов дьявола – тщеславие… Но, по сути дела, что за удовольствие побывать в шкуре дьявола, если об этом никто не узнает?

Психиатр начал понимать, что произошло:

– После передачи вы следовали за Мартини до самого Авешота… И убили его.

Фогель сложил руки на животе:

– Вы никогда его не найдете. Он тоже исчез в тумане.

Флорес поднял трубку телефона, стоявшего на столе, и набрал номер:

– Да, это я. Заходите.

И отсоединился.

Они молча подождали. Затем дверь амбулатории открылась. Вошли двое полицейских в форме и встали возле Фогеля.

– Рыбак, который ловит всегда одну и ту же рыбу. – Фогель рассмеялся

своей мысли. – Было действительно приятно побеседовать с вами, доктор Флорес.

Когда он вернулся домой, было почти шесть утра. Вот-вот займется заря, но пока еще темно, повсюду тишина. В домике со скошенной крышей было включено отопление, и вместе с теплом внутри разливался сонный покой. София спокойно спала в спальне на втором этаже. Флоресу захотелось подняться к ней, улечься рядом и хоть немного поспать. Но он переменил решение. Уверенности, что удастся заснуть, у него не было. Особенно после такой ночи. И он, стараясь не шуметь, спустился в полуподвальный этаж.

Здесь, внизу, располагалась таксидермическая мастерская, где он бальзамировал свою радужную форель. Комнатка была маленькая, с одним узким окном. Флорес поднял руку и потянул за шнурок, включив лампочку у себя над головой. Лампочка закачалась, и вместе с ней заплясали тени всех предметов. Прямо перед ним стоял деревянный стол со всем необходимым. Тут были флаконы с аммиаком и формальдегидом, предотвращавшими разложение; прозрачные лаки для сохранения натурального окраса; пульверизатор с чистым спиртом; банка с кисточками и скипидаром. На решетке в идеальном порядке разложены ножички, рядом коробка с иглами, крючки для извлечения внутренностей, лопаточки с острыми загнутыми носами, бура и салициловая кислота. Возле инструментов помещался калорифер.

Флорес очень быстро вышел на пенсию, и теперь здесь была его новая берлога. Здесь же он держал бо́льшую часть рыболовных снастей, да и все барахло из амбулатории тоже потихоньку стаскивал сюда. Оставить дело жизни было грустно, но он часто представлял себя в таком вот тихом месте, когда терпеливо занимался своим хобби. Время от времени он приводил сюда внуков, чтобы они посмотрели, чем занимается дед. Ему было бы приятно, если бы они разделили его увлечение. Здесь он терял счет времени и приходил в себя, только услышав шаги Софии на лестнице, когда она приносила ему блюдо с бутербродами и стаканчик холодного чая.

Флорес оперся руками на стол и расслабил плечи. Потом сделал глубокий вдох и опустился на колени. Под столом стояло множество коробочек с рыболовными крючками. На Рождество и на день рождения близкие каждый раз дарили ему какой-нибудь новый крючок, потому что знали: другой подарок его не обрадует. Некоторые из них стоили очень дорого. Под коробочками с крючками стоял старый железный ящичек с висячим замком. Флорес вытащил его и поставил на столешницу. Ключ он

всегда носил с собой на общей связке ключей. Он поискал его между ключом от дома и ключом от автомобиля. Потом вставил его в маленькую скважину и открыл крышку.

Шесть прядей рыжих волос были на месте.

Они напоминали ему о самом счастливом периоде его жизни. Он уже женился на Софии, и уже родились двое из троих его детей. Никто никогда не знал, чем он иногда занимается вместо рыбной ловли. Его видели, как обычно, возвращавшимся с удочкой, и никто и представить себе не мог, что лицо его сияет радостью совсем по другой причине.

Рыбак, который тридцать лет ловил только одну рыбу – радужную форель, раньше занимался ловлей девочек, похожих одна на другую. Рыжие волосы и веснушки.

Нынче все задавались вопросом, каков был конец «человека тумана». Он мог бы им сказать, что время от времени испытывал желание снова выйти на поиски жертвы, но после инфаркта, поразившего его, когда ему было всего тридцать два года, он дал торжественную клятву.

Больше никаких девочек с рыжими волосами и веснушками.

За такое долгое время люди о нем позабыли. Но теперь, из-за учителя Мартини, «человек тумана» вернулся в их мысли. «Они никогда до меня не доберутся», – сказал он себе. Судьбоносное вмешательство Фогеля этой ночью все расставило по своим местам. И все поверят, что монстр умер.

Флорес еще немного полюбовался на железный ящичек. Может, надо было от него избавиться. И вовсе не от страха, что волосы будут неопровержимой уликой, чтобы его арестовать. Просто ему уже не в первый раз приходила мысль, что если у него случится второй инфаркт, с фатальным исходом, то родные – а их он любил больше всего на свете – найдут его тайную коллекцию. Они его, конечно, не поймут, но могут поменять свое представление о нем. А он не хотел, чтобы они узнали об этой стороне его существа. Он хотел, чтобы его любили.

И он еще раз решил не уничтожать содержимое ящичка, потому что некоторые чувства не так легко забыть. Эти шесть девочек, канувших в туман, по сути, были его девочками, они ему принадлежали. Он тридцать лет заботился о них втайне от собственного рассудка.

Он закрыл крышку и повернул ключ в замке. Потом поставил все на место под стол. В полуподвальное окошко проник слабый лучик солнца.

Ночь, навсегда изменившая все, кончилась.

Благодарности

Стефано Маури, издателю-другу, и вместе с ним всем издателям мира, публиковавшим мои произведения.

Фабрицио Кокко, моей поддержке и опоре. Джузеппе Страццери, Раффаэлле Ронкато, Елене Паванетто, Джузеппе Соменци, Грациелле Черутти, Алессии Уголотти, Томмазо Гобби за ту поддержку, которую они мне оказывали в этом рискованном проекте до последней капли крови.

Кристине Фоскини, которая своей нежностью спасает мне жизнь.

Эндрю Нюрнбергу, Саре Нанди, Джулии Бернабé и всем, кто самоотверженно трудился в лондонском агентстве.

Тиффани Гасук, Анаис Бакобза, Айле Ахмед.

Алессандро Узаи и Маурицио Тотти.

Джанни Антонанджели.

Микеле, Оттавио и Вито, моим лучшим друзьям. А также Акилле.

Антонио и Фьеттине, моим родителям.

Кьяре, моей сестре.

Всей моей большой семье. Без вас меня бы здесь не было.

---

notes

Сноски

1

В полиции Италии спецагент – старший следователь в группе. Рангом он выше простого полицейского, но ниже инспектора полиции, хотя в определенных условиях (а в романе условия именно таковы) имеет право выполнять функции инспектора. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

2

Естественной засветкой при съемке называют нарушение равновесия выдержки и диафрагмы, что делает снимок нестерпимо светлым.

3

Шекспир. Сонет 75. Перевод С. Я. Маршака.

4

Подшлемник – защитная шапочка, которая плотно облегает голову горнолыжника, полностью закрывая лицо. В ней имеются прорези для глаз, носа и рта. На подшлемник надевается шлем и горнолыжные очки. Без подшлемника в сильный мороз при спуске лыжник может легко обморозить лицо.